

- Рукописи из кельи

- Мысли о разных предметах веры

- Самоиспытание и познание греховности
- К смущаемым нечистыми помыслами
- Возрасты греха
- Воспоминание о страшном Суде (Созерцание)
- Основное чувство нашего сердца — грусть (Из «Писем о христианской жизни»)
- Изложение спасительной веры Христовой в кратких положениях
- Мысли о внутренней жизни
- Заметки о духовной жизни
- Мысли о богоугодной жизни
- Испытание Писаний
- Мысли о разных предметах веры

- Из Священной истории

- Подзаконная религия, как она дана Богом через Моисея народу Израильскому
  - 1. Завет Бога с еврейским народом
  - 2. Религиозные понятия, соответственные завету
  - 3. Религиозные чувствования
  - 4. Нравственные расположения, или практические чувства
  - 5. Обрядность как средство к образованию и укреплению нравственных расположений
  - 6. Практические правила, как поприще для упражнения по преимуществу нравственных расположений
  - 7. Гражданские постановления и вообще все устройство общества применительно к религии подзаконной
  - 8. Как освоился народ с новым порядком и чем укреплялся в хождении по нему
  - 9. Почему религия и церковь явились теперь в таком виде
  - 10. Какой религия подзаконная должна образовать дух в народе?
- Как зародилось и созрело дело о смерти Господа Спасителя у врагов его со времени явления им Себя миру, и как относился к этому Сам Господь
- Переход Господа на Елеон

- Проповеди

- Слово в день святой великомученицы Варвары
- Легкое средство к усвоению святой жизни христианской (Поучение в Неделю 23-ю по Пятидесятнице)
- Что такое «анафема»? Слово в неделю Православия
- О внезапной смерти (Слово написано в связи с гибелью русских моряков на судне «Русалка», потерпевшем крушение в Балтийском море в мирное время)
- О богатом и Лазаре (Беседа в Неделю 22-ю по Пятидесятнице)
- Слово в день сошествия Святого Духа
- Заступление и покров Пресвятой Богородицы

- Из переводов с греческого

- Учение святых отцов о тричастности, или трех силах души (Выписки из «Добротолюбия»)

- [Чтение или слушание душеполезных книг необходимо для спасения \(Отрывок из предисловия начатого перевода неизвестно какой греческой книги\)](#)
- [Предисловие к посланию Антиоха, инока лавры святого Саввы, к Евстафию, игумену Атталинского монастыря города Анкиры Галатийской](#)
  - [Слово инока Антиоха о вере](#)
  - [Слово инока Антиоха о принятии пищи](#)
  - [Слово инока Антиоха о чревоугодии](#)
  - [Слово инока Антиоха о пьянстве](#)
  - [Слово инока Антиоха о воздержании](#)
- [О восьми главных страстях, святого отца нашего Иоанна Дамаскина](#)
- [Душеполезное слово о добродетелях и страстях душевных и телесных](#)
- [Из жития святого Андрея, Христа ради юродивого \(составленного Никифором, священником Софийской Константинопольской церкви, очевидцем\)](#)
- [Мысли и изречения святых подвижников из разных патерических сборников монастыря святого Саввы Освященного](#)
- [Духовные мысли, отводящие человека от тленного и прилепляющие к нетленному](#)
- [Нечто о жизни и смерти](#)
- [Патерик \(Перевод рукописного греческого Патерика из обители святого Саввы Освященного\)](#)
- [Предисловие о жизни и подвижничестве блаженных святых отцов](#)
- [Наставления святых отцов о том, как достигать совершенства в христианском житии](#)
- [Письма](#)
  - [«Бредни белогорячечного» и о спиритах](#)
  - [\(Письма к N. N.\)](#)
  - [Разрешение сомнений и увещание держать святую веру без возражения \(Письма к N.N.\)](#)
  - [Наставление святителя Феофана мирянину о молитвенном правиле \(Собственноручная записка, неизвестно кому писанная\)](#)
  - [О священническом служении \(Письмо к студенту Московской Духовной академии Д. И. Р.\)](#)
  - [Вразумление заблуждающемуся в вере \(Письма к неизвестному Владыке\)](#)
  - [Основное различие между откровением помыслов старцу и исповедию пред духовником](#)

- [Примечания](#)

- [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
-

Самоиспытание и познание греховности

Всякий войди в себя самого и займись, прежде всего, рассмотрением жизни своей и всего, что в ней было неисправного. Конечно, всякий говорит о себе, что он грешен, и не только говорит, а нередко и чувствует себя таковым; но эта греховность наша представляется нам в виде смутном и неопределенном. Этого мало. Истинное покаяние и должная исповедь требуют определенно разьяснить себе, что именно в нас нечисто и грешно и в какой мере, — узнать свои грехи ясно и отдельно, как бы численно.

Для этого вот что советуют сделать: поставь, с одной стороны, закон Божий, а с другой — собственную жизнь и смотри, в чем они сходны и в чем не сходны. Бери или свои дела и подводи их под закон Божий, чтобы видеть, законны ли они; или бери закон и смотри, исполняется ли он как следует в жизни твоей. Например: ты был оскорблен — и отмстил; так ли велит закон христианский? Видишь погрешности других и осуждаешь; так ли это по заповедям Господним? Сделаешь что доброе — и высишься или трубишь пред собою; позволительно ли так делать христианину? Или: закон велит в церковь ходить неленостно и в церкви стоять благоговейно — во внимании и молитве; исполняется ли тобою это? Закон велит не похотствовать, не гневаться, не завидовать, не присвоять чужого и проч.; исполнено ли все это?

Чтобы ничего не упустить в этом важном деле самоиспытания, хорошо держаться в нем какого-либо порядка. Например: вообрази себе как можно яснее все обязанности свои — в отношении к Богу, ближним и самому себе; и потом как можно точнее и подробнее просмотри свою жизнь — по всем этим отношениям. Или: перебирай заповеди Десятословия одну за другою, со всеми частными предписаниями, содержащимися в них, и смотри, исполнил ли ты все требуемое ими? Читай также или припоминай Нагорную беседу Спасителя, где Он изьясняет закон, восполняя его духом христианским, или — послания апостольские, где излагаются обязательные для христиан дела и расположения, например: Римлянам — с 12-й главы, Ефесянам — с 4-й, Иакова, Иоанна Богослова и прочих. Смотришь во все это, как в зеркало, и увидишь, где в тебе есть какое пятно и какое безобразие.

Вследствие такого пересмотра жизни откроется — в числе наших дел, слов, чувствований, помышлений, желаний — множество или прямо противоположных закону, или полузаконных, то есть таких, в коих нечисты намерения, хоть они внешне сообразны с законом; или опущенных, коим следовало бы быть, но мы не хотели их выполнить; соберется всего этого многое множество, и — может быть — вся жизнь окажется составленною из одних дел недобрых, как непрерывная цепь, или непрерывный ряд, изделий безобразных и отвратительных.

Внешнее в покаянии сделано. Но на этом не должно останавливаться. Надобно идти далее по пути познания своей греховности — входить глубже в греховное сердце. Под делами и словами, под частными мыслями, желаниями и чувствованиями лежат постоянные расположения сердца, служащие для них источником. Совокупность этих расположений составляет «личность» человека и определяет его характер. Их-то потому особенно и надобно определить; труда здесь не очень много: добросовестность наша пред собою не позволит нам скрыть, чем облачается наше сердце и какие обитают в нем властители; а то и осязательно можно указать о том свидетеля, и именно: какие недобрые дела часто нами повторяются и вырываются с такою силою, что мы совладеть с собою не можем?.. Это значит, что они имеют корень в сердце; там, должно быть, скрывается постоянный их производитель, то есть соответственная им склонность, или страсть. Какая в особенности страсть господствует во мне, препятствуя моему покаянию и удерживая в оковах греха? Это можно узнать по следующим

признакам: все, с чем труднее всего нам расстаться, чем наиболее привыкло утешаться наше сердце, о чем наиболее всего мечтаем мы и наяву, и во сне, что особенно стараемся мы скрыть не только от других, но и от самих себя, в чем тяжелее всего признаться пред отцом духовным, чего особенно не хочется объявить на исповеди, — все это очевидно господствует над нами и держит нас в плену; во всем этом скрывается внутренний змий, который отравляет нас своим ядом. Против сего-то именно недуга душевного и должно направить все усилия и всю духовную бдительность. Кто не победит своей господствующей страсти, тот никогда не исправится и не выйдет на свободу от грехов. При всяком порыве вознестись горе господствующая страсть влечет и повергает долу. Итак, какая же во мне господствующая страсть?

Известно, что корень всему злу есть самолюбие. Из самолюбия выходят гордость, корысть и страсть к наслаждениям, а от них уже и все прочие страсти. Они все есть у всякого, кто грешит, но не у всех в одинаковой степени. У одного гордость преобладает, у другого — корысть, у третьего — страсть к наслаждениям. И гордый не чужд корыстных видов и наслаждений, но легко приносит их в жертву, когда они могут унижить его. И своекорыстный готов потешиться, если это ему ничего не стоит, и проч. Так у всякого одна какая-либо страсть господствует, а другие стоят как бы в тени. Эту-то господствующую страсть и надобно увидеть и определить, чтобы потом на нее решительнее и действовать можно было. Один святой отец говорит: «Господь требует от тебя восстановления целомудрия, а ты милостыню раздаешь да богадельни и часовни строишь, — исправь прежде первое, и второе приятно будет». Легко узнавать и частные пороки, которыми кто страждет. Если, например, кто, указывая на другого, в одном случае скажет: «Смотри, что он делает!», в другом с досадою повторит: «Какая несообразность!», а то мину покажет насмешливую, и вообще охотнее и больше говорит о поступках других, и с невыгодной стороны, — тому нетрудно догадаться, что он страдает богопротивным пороком осуждения, и т. п.

И еще далее надо идти в познании себя. После всего надобно определить общий дух жизни нашей, или одну отличительную ее черту. Кому мы служим: Господу или себе и греху? Что имеем в виду — себя или Господа — славу Его, угождение Ему? За кого всегда стоим — за имя Божие или за себя? Но сказать это может только совесть наша, втайне, пред лицом Господа. Ее и спросите. Дела же, и добрые, не суть доказательство, что мы служим Господу, ибо можно и их делать себя ради. Эта черта определяет, что мы такое и чего потому ожидать должны. Познанием же этой черты возглавляется, или завершается, самопознание. Так, наконец, вообразится вся картина нашей греховности и вся история нашей греховной жизни: дела, чувства, расположения и главный дух жизни.

К смущаемым нечистыми помыслами

Пресечь, — то есть не позволять себе более дел срамных, — это то же, что скосить сорную траву. Трава скошена, а корни остались. Как только поблагоприятствуют обстоятельства: сорные травы опять разрастутся. Так и в нас, если только пресечем дело, не заградив источника их, то, как только случай, дела опять появятся. — Таковы все наши исповеди, и не без намерения перестать грешить совершаемые, но не сопровождаемые пресечением источника греха.

Находящемуся в этом положении так оставаться нельзя; чем дальше, тем будет хуже, а наконец и желание исправности прекратится. Это будет состояние не отчаяния, но нечаяния...

Когда чувства раскаяния искренни и желание исправиться непритворно, то с этими чувствами и расположениями дело поправить очень удобно. Ведь не горы переставлять. Есть две-три вещи, кои надо тотчас ввести в дело и продолжать... и все устроится как по маслицу.

Надо примерно представить свое внутреннее с той исключительно стороны, из коей исходят грехи. У святых отцов очень хорошо изображен ход плотских грехов: прилог, внимание, сочувствие, желание, согласие, решение и дело... Я остановлюсь особенно на начале. Определяю его так: чувство сласти похотной. Возбуждение похотного движения происходит от соков или собравшегося семени, от впечатлений чувственных, особенно чрез зрение и слух, и от врагов. Откуда бы оно ни исходило, его сопровождает сласть похотная. Сия сласть и есть корень всего зла. Между тем на нее мало обращают внимания, а она, как заноза, все дальше и дальше проходит и заполняет все внутри.

Святые отцы о подчревных движениях говорят: начавшись там, они восходят вверх, поднимаются до сердца, его наполняют, далее — голову и все тело. Все тело тогда бывает полно похотию, назовем это паром, или дымом, похотным. Потом это проходит, будто ветром прогонится этот пар, или дым... Но после опять начинается, когда показываемые выше причины произведут похотное движение; только в сей раз движение вверх совершается быстрее, так как дорога уже пройдена, но дольше остается в теле. В третий раз — еще скорее и еще дольше. Частое повторение этого делает наконец то, что эта похотливость заседает навсегда в теле, то есть наполняет его все сполна, и не выходит. После сего в теле все делается похотно: глаз смотрит похотно, ухо слышит похотно, и оба эти чувства то только ищут видеть и слышать, что может питать похотность; и все чувства таковы же становятся, и все члены тела. Затем всякое движение и всякое прикосновение отзывается похотностию... как губка, наполненная водою, во всякой норке своей содержит ее и, чуть коснись, испускает ее — таково тело, похотию исполненное... Надо охладить и отрезвить тело, выполоскать, выжать, выколотить, как белье запачканное. Как? — Действуя обратно тому, как похоть его заполонила. Поднималось похотное движение из-под чрева кверху... многократно... и завладело всем телом. — Теперь надо так действовать: как только покажется оно под чревом, придавить его и ходу не дать всякий раз. Чем придавить? — Напряжением мышц, волею, разлюбившею похоть и теперь начавшею преследовать ее, как врага. Чем сильно похотное движение? — Сластию похотною. Эта сласть дает ход похотному движению. Если сразу пресечь сласть, или отбить, движение тотчас прекратится. Не ощущать сласти сей нельзя, как сласти сахара, раскусивши его. Но не любить, отвратиться, ненавидеть ее можно. Это не дело тела, а души. Душа должна сознать, что сия сласть — яд для нее и враг ее, губящий ее безжалостно. Когда душа дойдет до чувства вражды к сласти, от сознания ее вражества, тогда стоит только привести в движение сие чувство, как сласть потеряет свою сладость, потеряет силу давать ход движению похотному, — движение и прекратится. Это и будет подавление движения... Подавление сие само собою

совершится, когда сласть сознается (будет признана) врагом и встретится ненавистью.

Видно теперь, в чем главное. Надо сласть похотную возненавидеть и с сею ненавистью встречать ее всякий раз, как она покажется. Эту ненависть человек сам должен в себе породить, и она будет для него стражем с мечом в руке, готовым поразить сего врага.

Надо раздувать это чувство — размышлением, молитвою и некими деланиями, направленными сюда.

Размышление выяснит худые последствия сласти и доведет сие до чувства... сласть сия злотворна для души и тела, для обязательных дел и отношений к другим, особенно же в отношении к Богу, ибо ничто так Богу не противно, как услаждение сею страстью... от сего у души отнимается потом всякое дерзновение пред Богом... и наконец в будущем ввергает в ад.

Молитва отторгнет сердце от плотского, и сласть сама собою падет... и помощь свыше призовет... Так у Исихия... после движения ненависти — молитва... Молитва Иисусова тут всепобедительное орудие.

Ненависть к сласти долгим рассуждением возбуждается только в первый раз, а потом она мгновенно проявляется, как только вызывает ее... Молитва же вся в молитве Иисусовой; так что для подавления сласти главных два акта: подвигни ненависть — и стой в молитве Иисусовой.

Некие делания. — Напряжение мышц туда, к подчревию. Это в момент возбуждения сласти; а потом постоянно держать тело все в струнку, по-солдатски, и быть всегда как бы в присутствии большого лица... иначе это значит — не распускать членов, не разваливаться и не вольничать. Так и сидя, и ходя, и даже лежа... Это простое средство очень отрезвляет... Однажды поставив тело в струнку, уж не отступать от сего. К этой солдатской выправке надо присоединить умаление немножко в пище, немножко в сне... особенно не разваливаться во сне и, проснувшись, скорее вставать, — и немножко в преутруждении... Уединение и строгая дисциплина чувств сюда же идут...

В душе между тем главное — страх Божий и благоговеинство... Это выразаться должно особенно в том, чтоб ничего не делать negligе... небрежно, кое-как, какое бы дело ни было, всякое, и большое, и малое... особенно молитва... В церкви, в столовой, дома — всюду благоговение, как пред Богом ходить.

Сими приемами сласть всегда можно отбить и угасить. Но коль скоро она угашена, дальнейшее ее движение пресекается. Опять придет — опять прогонится. Так день за днем. Чем дальше, тем реже и реже она появляться будет... Плод чрез неделю замечен будет... если отнюдь не давать хода сласти... сласть наконец совсем обессилеет; только не давать ей ходу... наконец совсем перестанет являться, — и восстания будут подниматься бессластные... Если вместе с сим молитва будет крепнуть и возвышаться... то во всем теле засияет трезвенная чистота, вместо прежней похотливости.

Только хода не давать сласти. Если сласть замрет, похотливость замрет, похотливость престанет; дела же престанут, как только начнется брань со сластиею, ибо они ее суть чада и ради ее делаются...

Возрасты греха

В слове Божиим о грешнике вообще говорится, что он, все более и более «преуспевая на горшее» (2 Тим. 3:13), приходит наконец «в глубину зол» (Притч. 18:3); означаются и степени ниспадения в сию глубину, например: «он болит неправдою, зачинает болезнь и рождает беззаконие» (Пс. 7:15), или, яснее, по противоположности с мужем, ублажаемым в первом псалме, — идет «на совет нечестивых», останавливается «на пути грешных» и, наконец, садится «на седалище губителей» (Пс. 1:1). Последние выражения можно принять за характеристические черты греховных возрастов. Их тоже три: младенческий, юношеский, мужеский. В первом грешник только пошел в грех, во втором остановился в нем, в третьем стал распорядителем в его области.

Младенческий возраст. Это — период образующейся духовной жизни, не установившейся в своих формах, колеблющейся, — время борьбы остатков внутреннего добра и света со вступающим злом и тьмою. Здесь поблажающий греху человек все еще думает отстать от него: мало-мало, говорит он себе, и брошу. Грех еще кажется ему как бы шуткою, или он занимается им, как дитя, резвящееся игрушкою; он только будто рассеян и опрометчив. Но в сем чаду, в сем состоянии кружения невидимо полагаются основы будущему ужасному состоянию грешника. Первые черты, первые линии его полагаются в первый момент отдаления от Бога. Когда сей свет, сия жизнь и сила сокрываются от человека, или человек сокрывает себя от него, вслед за тем начинает слепнуть ум, расслабляться и нерадеть воля, черстветь и проникаться нечувствием сердце, что все и заставляет человека часто говорить себе: «Нет; перестану». Но время течет, и зло растет. Кто-то из ума крадет истины, одну за другою; он уже многого не понимает даже из того, что прежде ясно понимал; многого никак не может удержать в голове, по тяжести и неместимости того в теперешнее время; наконец совсем ослепляется: не видит Бога и вещей Божественных, не понимает настоящего порядка вещей, ни своих отношений истинных, ни своего состояния, ни того, чем он был, ни того, чем стал теперь и что с ним будет, вступает в тьму и ходит во тьме. Воля, побуждаемая совестью, все еще иногда радеет и приемлет заботы о спасении человека; иногда он напрягается, восстает, удерживается от одного или другого дела в надежде и совсем поправиться, но и опять падает, и чем более падает, тем становится слабее. Прежние остановки и отказы делам, действительные, превращаются в одни бесплодные намерения, а из намерений — в холодные помышления об исправлении, наконец и это исчезает. Грешник как бы махнул рукою: «Так и быть, пусть оно идет, авось само как-нибудь остановится!» И начинает жить, как живется, предаваясь порочным желанием, удерживаясь от явных дел, когда нужно, не беспокоясь ни угрозами, ни обещаниями, не тревожась даже явным растлением души и тела. Грех есть болезнь и язва; сильно терзает он душу после первого опыта, но время все сглаживает; второй опыт бывает сноснее, третий еще сноснее и так далее. Наконец душа немеет, как немеет часть тела от частого трения по ней. То были страхи и ужасы, и гром готов был разразиться с неба, и люди хотели будто преследовать преступника, стыд не давал покоя и не позволял показываться на свет, — а тут, наконец, все — ничего. Человек смело и небоязненно продолжает грешить, понять не умея, откуда это прежде бывали у него такие тревоги. Когда, таким образом, образовались ослепление, нерадение и нечувствие, — видимо, что человек грешник остановился на пути грешных. Все добрые восстания улеглись; он покойно, без смущений и тревог, пребывает в грехе... Здесь вступает он в период юношеский.

Возраст юношеский. Это — период пребывания в грехе, или стояния на пути грешных, в слепоте, нечувствии и нерадении. Высшие силы человеческого духа поражены летаргическим сном, а силы греха возобладали над ними и как бы наслаждаются покоем. Сначала это есть как

бы точка безразличия, но с сей точки начинается покорение лица человеческого греху. Силы его, одна за другою, приводятся к подножию греха и поклоняются ему, принимают, или признают над собою, его царскую власть и становятся его агентами. Поклоняется ум, и принимает начала неверия; поклоняется воля, и вдается в разврат, поклоняется сердце, и полнится робостию и страхом греха и греховного начала. Не все спит грешник, иногда и просыпается. В это время хотел бы все оставить, но боится начать сие дело, по непонятной некоторой робости, в которой отчета дать нельзя. Так застращивается человек тиранством греха, что о возмущении против него как бы и подумать не смеет! Тут свидетельство, как чрез грех глубоко падает сила духа и поносное рабство ему до чего унижает благородное лицо человека. Ум сначала только не видит, или теряет, все истинное, но с продолжением времени вместо истины вступает в него ложь. Здесь все начинается сомнением, или простыми вопросами: почему так? не лучше ли так или этак? Вопросы сии сначала пропускаются без внимания, только тень некоторую, подобно сети паутинной, налагают на сердце, но, прилегая к нему ближе, сродняются с ним и обращаются в чувство; чувство сомнения есть семя неверия. Начинают говорить свободно, потом сшивать остроты, наконец презирать и отметаться всего Божественного и святого, — это неверие. И воля спит в беспечности, действуя по началам недобрым, сама того не замечая, как ими вытесняются начала добрые. Она может пребывать покойною, не высказывая резко своего внутреннего растления, но где ее начинают тревожить, где хотят ее заставить действовать по другим началам, там она высказывает всю строптивость своего нрава, не уважая ни очевидности убеждений, ни даже крайности; она идет всему наперекор, поставляя себя главным правилом для всего. Закон ли совести будет ей внушать это или законы положительные, — она говорит: «Отойди, путей таких ведать не хочу!» — и это не по чему иному, как по растлению нрава. Таким образом, грешник, робостию застращенный восставать на грех, неверием принявший начала лжи, волею усвоивший правила развратные, являет себя довольно надежным, чтоб его возвести в некоторые правительственные распоряжения в греховном царстве. Таковой посаждается на седалище губителей. Он вступил в возраст мужа, для заведования частию дел греховного царства.

Возраст мужеский. Это — период самостоятельного, настойчивого действия в пользу греха, против всего доброго, от чего человек приходит на край пагубы. Степени ниспадения его определяются степенями противления свету и добру. Ибо и тогда, как он так живет, совесть не перестает тревожить его. Но, принявши другие начала, он не слушает и идет напротив. Иногда он только не внимает сему гласу, в состоянии нераскаянности; иногда отвергает и вооружается против него, в состоянии ожесточения; иногда же самого себя сознательно предает пагубе, в состоянии отчаяния. Это — конец, куда приводит грешника грех, им возлюбленный!..

Воспоминание о страшном Суде (Созерцание)

Страшный суд! — Судия грядет на облацах, окруженный несметным множеством Небесных Сил бесплотных.

Трубы гласят по всем концам земли и восставляют умерших.

Восставшие полки потоками текут на определенное место, к престолу Судии, наперед уже предчувствуя, какой прозвучит в ушах их приговор. Ибо деяния каждого окажутся написанными на челе естества их, а самый вид их будет соответствовать делам и нравам. Разделение десных и шуиих совершится само собою.

Наконец все уже определилось...

Настало глубокое молчание.

Еще мгновение — и слышится решительный приговор Судии — одним: «приидите», другим: «отыдите»...

Помилуй нас, Господи, помилуй нас!

Буди милость Твоя, Господи, на нас! — но тогда уже поздно будет взывать так...

Теперь надо позаботиться смыть с естества своего написанные на нем знаки, неблагоприятные для нас. Тогда реки слез готовы бы были мы испустить, чтобы омыться, но это уж ни к чему не послужит.

Восплачем теперь, если не реками слез, то хоть ручьями; если не ручьями, то хоть дождевыми каплями; если и этого не найдем, сокрушимся в сердце и, исповедав грехи свои Господу, умолим Его простить нам их, давая обет не оскорблять Его более нарушением Его заповедей и ревнуя потом верно исполнить такой обет.

Основное чувство нашего сердца — грусть (Из «Писем о христианской жизни»)

Что значит, что после самого полного веселия душа погружается в грусть, забывая о всех утехах, от которых пред тем не помнила себя? Не то ли, что из глубины существа нашего дается знать душе, как ничтожны все эти увеселения сравнительно с тем блаженством, которое потеряно с потерей рая? Мы готовы радоваться с радующимися, но, как бы ни были разнообразны и велики предметы радостей человеческих, они не оставляют в них глубокого следа и скоро забываются. Но если увидим мать, плачущую над умершим сыном, единственную свою опору, или жену, рыдающую над могилою любимого мужа, — скорбь глубоко прорезывает душу нашу и слово и образ сетующих неизгладимыми остаются в памяти нашей. Не значит ли это, что скорбь ближе и сроднее нам, нежели радость? Вы слушаете пение или музыку; приятно, конечно, отзываются в душе и веселые тоны, но они скользят только на поверхности ее, не оставляя заметного в ней следа, между тем как тоны грустные погружают душу в себя и надолго остаются ей памятными. Спросите путешественника, и он скажет вам, что из множества виденного выдаются из-за других у него в голове преимущественно такие предметы и места, которые погружали его в грустную задумчивость.

Этих примеров достаточно, кажется, в пояснение той мысли, что основное чувство нашего сердца есть грусть. Это значит то, что природа наша плачет о потерянном рае, и как бы мы ни покушались заглушить плач этот, он слышится в глубине сердца, наперекор всем одуряющим веселостям, и внятно говорит человеку: перестань веселиться в самозабвении; ты, падший, много потерял; поищи лучше, нет ли где способа воротить потерянное...

Один язычник подслушал этот плач души человеческой и вот в какое иносказание облек он свою о том мысль! Какой-то мудрец старых лет ходил в уединенном месте, погруженный в размышление о судьбах человечества. Из этой задумчивости он выведен был вопросом: «Ты, верно, видел его? Скажи, куда пошел; я устремлюсь вслед его и, может быть, настигну его». — Обратившись, мудрец увидел девицу. На ней была одежда царских дочерей, но изношенная и изорванная. Лицо ее было мрачно и загорело, но черты его показывали бывшую некогда высокую красоту. Осмотрев странницу, мудрец спросил ее: «Что тебе нужно?» Она опять повторила: «Ты, верно, знаешь его, скажи, где и как мне найти его?» — «Но о чем это говоришь ты?» — сказал мудрец. — «Ты разве не знаешь об этом? — отвечала дева. — А я думаю, что нет человека, который бы не знал о горе моем». Мудрец с участием спросил ее: «Скажи, в чем твое горе, и, может быть, я придумаю, как пособить тебе». — «Подумай и пособи, — отвечала она. — Вот что я скажу тебе. Я была в стране, исполненной радости. Мне было там хорошо, как хорошо! Готовился брак... Жених мой, не помню черт лица его, был неописанной красоты... Уж все почти я забыла... но помню, что все уже было готово к браку... как вот кто-то пришел и говорил мне такие сладкие речи... Потом дал мне что-то выпить. Я выпила и тотчас впала в беспамятство или заснула. Проснувшись, — ах, лучше бы мне не просыпаться никогда! — проснувшись, я нашла себя на этой земле, мрачной и душной. Где девалось то мое светлое жилище? Где мой жених и его радостные очи, я того не знала. На первых порах я только бегала в беспамятстве туда и сюда, рвала на себе волосы и била себя в перси от сильной муки, томившей душу мою. Успокоившись немного, я решилась искать потерянное... И вот сколько уже времени хожу по земле и не нахожу того «егоже возлюби душа моя» ([Песн.3:2](#)). Днем спрашиваю солнце, а ночью луну и звезды: каждые сутки обходя кругом землю, не видали ль вы где того, кого ищет душа моя? — И они не дают мне ответа... Есть ли горы, где бы не слышался голос мой? Есть ли леса, где бы не раздавался вопль мой? Есть ли долины, которых бы не

истоптала нога моя? Но вот сколько уже времени блуждаю, ища потерянного, и не нахожу. Но скажи: не знаешь ли и не слышал ли ты, где то, о чем так тужит душа моя?» — Мудрец подумал немного и сказал: «Если б ты назвала мне имя жениха твоего и имя царства его и страны, где было светлое жилище твое, я указал бы тебе туда дорогу, а так как ты говоришь неопределенно, то никто не может руководить тебя! Разве не сжалится ли над тобою жених твой и не пошлет ли кого указать тебе дорогу в потерянное тобою блаженное жилище или не придет ли сам за тобою?» Сказав это, мудрец отвернулся, и дева пошла далее, снова искать необретаемого.

Понятно, что значит это иносказание! Оно изображает душу, сетующую о потере рая и общения с Богом, ищущую его и не находящую. Такова и всякая душа, таковы и наши души по естеству! Разница в чем? — В том, что языческая душа только искала и искала, но не находила искомого, и язычник не мог далее идти! Разум встречается с ясными признаками — указателями падения и потери рая, но не умеет найти способа к восстановлению падшего и возвращению потерянного. Мы же не сыны ночи и тьмы, но сыны света и дня. У нас не может быть о том никакого недоумения. Мы знаем, что Господь и Спаситель Сам приходит на землю «взыскать и спасти погибшего» ([Мф. 18:11](#)); Сам всех призывает к Себе: «приидите ко Мне... и Аз упокою вы» ([Мф. 11:28](#)). Вы потеряли царство... Вот оно приблизилось. Покайтесь, и веруйте во Евангелие, и Я возьму вас к Себе, и будете со Мною в раю, в обителях Отца Моего веселиться и вечеряти. Так, братие, брак снова уготован. Господь Сам предлагает Себя в Жениха кающейся душе, для чего послал в мир повествователей, сначала Апостолов, а потом преемников их, чтоб они обручали Ему души человеческие, сетующие о потере тесного общения с Ним, представляя Ему их посредством освятительных действий Церкви чистыми, не имущими скверны или порока, или нечто от таковых.

Изложение спасительной веры Христовой в кратких положениях

1. Всякому христианину надобно знать святую веру христианскую, чтоб и жить свято по вере. Как плотник потому называется плотник, что знает, в чем состоит плотничество и умеет плотничать, так всякий именующийся христианином должен знать, в чем состоит христианство, и уметь жить по-христиански.

2. Существо христианской веры состоит в спасении грешников, в восстановлении падшего рода человеческого. Господь Иисус Христос пришел в мир грешных спасти и установил на земле Святую Церковь, коей вверил все Божественные средства ко спасению.

3. Чему учит Святая Церковь и что заповедует делать, — то есть воля Божия непреложная. Исполнишь то, и спасешься. Кто Церковь не слушает, тот то же, что язычник.

4. Благодарю Господа, что принадлежишь Святой Христовой Церкви и имеешь в руках своих самые верные средства очиститься от грехов и угодить Богу. Благодарю и пользуйся сею великою к тебе Божиею милостью.

5. Господь ныне милостиво всех призывает: «приидите ко Мне... и Я упокою вас». А когда придет судить живых и мертвых, тогда с нелицеприятною правдою обратится к непокорным и скажет им: «отойдите от Меня, проклятые, в огонь вечный» ([Мф. 25:41](#)). Чаще поминай сие и страшись быть нарушителем веры и заповедей Христовых.

6. Не слушай кривых толков людей, развращенных умом и сердцем, кои речами своими будут сбивать тебя с прямого пути и станут внушать тебе или веровать неправо, или жить не свято.

7. Молоканам, субботникам, духоборцам, хлыстам, раскольникам и всем отщепенцам от Святой Церкви нет спасения. Кто Церковь не слушает, тот Бога не слушает. А богоослушнику какое спасение?

8. Святая вера истинная пришла к нам от Самого Господа чрез святых Апостолов и святых отцов, просиявших мудростью и святостью, и содержится всеми повсюду православными христианами. Она истинных своих поклонников приводит прямо к Богу, и Бог прославляет их как Своих угодников.

9. Кто говорит: «веруй как хочешь, только живи хорошо», — тот говорит ложь, ибо «без правой веры Богу угодить невозможно» ([Евр. 11:6](#)). Равным образом, кто живет худо, а надеется спастись только потому, что верует право, тот находится в заблуждении, ибо «вера без дел мертва есть» ([Иак. 2:20](#)). Надобно и веровать право, и жить свято, чтоб угодить Богу и спастись.

10. Ныне много суемудренников появилось, кои отверглись Христа и святому учению Его не последуют, хотя именуются христианами. Это люди погибшие. Некоторые из таковых, не довольствуясь своею гибелью, хотят погубить и других, и проповедуют свою ложь, развращенную и словом, и писанием. Блуди себе, да не како истлеет разум твой от простоты. Не вляйся (не будь увлекаем) всяким ветром учения.

11. Суемудренники уверяют, что они просветители. Не верь и не ходи вслед их, один Свет — Христос. Кто не со Христом, тот во тьме ходит, и тьма ослепила ему очи. Пойдешь вслед слепца, упадешь в яму вместе с ним и погибнешь.

12. Это не просветители, а те, относительно коих приняли мы заповедь от Господа: «внемлите от лживых пророк, иже приходят к вам во одеждах овчих, внутрь же суть волцы хищницы» ([Мф. 7:15](#)); от которых предостерегает и Апостол, говоря: «вем... яко по отшествии моем внидут волцы тяжцы в вас, не щадящии стада. И от вас самех востанут мужие, глаголющии развращения, еже отторгати ученики вслед себе. Сего ради бдите» ([Деян. 20:29—30](#)).

13. Хочешь ли распознать их, послушай, что говорит святой Иоанн Богослов:

«возлюбленнии, не всякому духу веруйте, но искушайте духи, аще от Бога суть: яко мнози лжепророцы изыдоша в мир. О сем познавайте Духа Божия и духа лстча. Всяк дух, иже исповедует Иисуса Христа во плоти пришедша, от Бога есть. И всяк дух, иже не исповедует Иисуса Христа во плоти пришедша, от Бога несть, и сей есть антихристов, егоже слышасте, яко грядет, и ныне в мире есть уже» ([1 Ин. 4:1—3](#)) ... «Ныне антихристи мнози быша... от нас изыдоша, но не беша от нас. Аще бы от нас были, пребыли убо быша с нами; но да явятся, яко не суть вси от нас... Кто есть лживый, точию отменяйся, яко Иисус, несть Христос? Сей есть антихрист, отменяйся Отца и Сына. Всяк отменяйся Сына, ни Отца имать» (есть безбожник) ([1 Ин. 2:18—19, 22—23](#)).

14. И святой апостол Павел, в послании к Тимофею, прорекши о сих, — «всегда учащихся и николиже в разум истины прийти могущих», человеках, растленных умом и не искусных в вере, безумие которых явлено будет всем, присовокупляет: «ты же пребывай, в нихже научен еси и яже вверена суть тебе, ведый, от кого научился еси, и яко измлада священная писания умеши, могущая тя умудрити во спасение» ([2Тим. 3:7, 14—15](#)).

15. Если б не приходил Господь и не научил нас истине, неверующие и суемудренники не имели бы, может быть, греха. Ныне же, когда известно, что после пророков, Богом воздвиженных, Сам Сын Божий принес на землю истину, чрез святых Апостолов распространил ее по земле и хранит Духом Святым во Святой Церкви ([Евр. 1:1—2](#)), какое извинение могут иметь неверующие, суемудренные и все, увлекающиеся тщетною их лестью?

16. В Писаниях пророческих и Апостольских и в Святой Божией Церкви, хранящей их и изъясняющей устами богомудрых отцов, и содержащей всякую другую истину Богооткровенную, находится вся Божественная премудрость, и нет на земле другого места, где бы ты мог найти ее.

17. «В сих поучайся, в сих пребывай, в сих разумевай: да преспеяние твое явлено будет во всех» ([1 Тим. 4:15](#)). «Буих же и ненаказанных стязаний отрицайся» ([2 Тим. 2:23](#)). «Блюдись, да никтоже будет тебе прельщая философиєю и тщетною лестию, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христе» ([Кол. 2:8](#)). «Никтоже да не льстит тебя суетными словесы» ([Еф. 5:6](#)) «и никтоже другим образом» ([2 Сол. 2:3](#)). «В научения странна и различна не прилагайся» ([Евр. 13:9](#)). «Не скитайся по всякому ветру учения, во лжи человечесестей, в коварстве козней льщения» ([Еф. 4:14](#)).

Мысли о внутренней жизни

Болезни души. Страсти — болезни сердца: гнев, печаль, радость, зависть, мнительность. Склонности и пристрастия суть болезни воли. Плотские — пьянство, блуд, сонливость; душевные — корысть, гордость и другие. Ложные начала, или предрассудки, — болезни рассудка. Сии начала напечатлеваются с возрастом от ходячих повсюду мыслей во время воспитания в школе, в жизни — характером ее. От них никто не свободен, кроме Божиих людей.

Есть **болезни духа:** богозабвение, бессовестность, отвращение от Божественного — потеря духовного вкуса.

Все сии болезни врачует одна пришедшая благодать — к тому, кто, сознав свою болезненность, взывает к Богу о помощи. Самодельные врачевства суть призрак. Замажет снаружи, а середка всё — больная.

Не признающим в нас духа. Что значит, что растет человек в знаниях, — и недоволен, всею практикою недоволен, всеми способами услаждения жизни тоже. — Все сии вещи не суть чувственные, плотские. Всякий зовет их благороднейшими, высшими занятиями. Следовательно, они природы душевной. Спрашивается, чего ради бывает недовольство? Если душу питают сродным ей, естественно ей быть довольною. Кто же недоволен, когда довольна душа? — Надобно сказать, недоволен дух, которого душевная пища ниже. Он из Бога и жить хочет в Боге и Богом. Опять, человек, вкусивший Бога, возвышается над душевным и не хочет его. Это для него — душная комната после освеженной утреннею прохладою.

Между тем (дух) действует и в сем круге, — по долгу земной жизни, оставаясь притом в другой области, властвуя оттоле и распоряжая душевную деятельность, как царь. Следовательно, есть в нас сила — владычица души. Это — дух. Он в настоящем состоянии восставляется Духом Божиим.

Вступление во внутреннюю жизнь составляют — **внимание**, или память, или стояние в строю невидимого мира, — **бодрность** и трезвение. Все подвижнические дела — душевные и телесные, суть приготовления к ним, потому не имеют всей цены без сих. Но и сами сии суть только внешняя ограда, или преддверие... Самое внутреннее делание еще глубже должно зачатся и узреть. Выступление из внутренней жизни есть — **забвение, разленение и пленение**. Заметили святые отцы и сказали сие, и не один.

Соответственно степеням усовершенания и страсти преобразуются и переходят из грубейших в тончайшие, и всегда идут об руку с новым внутренним человеком, и представляются в час искушения уму — в виде ангела светла.

Отчего святые отцы, подвижники, не писали системы, а изречения? — Они говорили по временам, по требованию, говорили то, что зрел ум в той час. Ум же вводится в таинство духовного мира — не вдруг во все, а как бы водится по комнатам, как говорит Макарий Великий. Впрочем, сии видения ума обнимали иногда — всю по иному духовную жизнь — в начале, середине и конце, — кратко, и ясно, и полно. Ибо брато с опыта — с дела.

Не дела смущают, а то, как кто делает их, бывает причиною смущения. Если предшествует страх и видение воли Божией и сопровождает посильное внимание и трезвость, — смущению места не должно быть. От невнимания придет плен, и чрез заботу — смущение, и омрачение, и горевание. Люди, утвердившиеся в Господе, и дела творят, и с Господом суть в полном отрешении и свободе. — Обаче сие благодать делателям. Созерцатели не могут сего.

Чрез молитву человек вступает в чин серафимов и всех бесплотных и всех небожителей, Богу всегда в безмолвии предстоящих и единым светом осиянных. Какова бодрость, внимание и зрение должны быть у него?!

Что есть terra incognita? — Духовная жизнь для людей, живущих по духу мира, хоть и очень ученых. Там они не бывают, двери не знают.

Какая пища духу? — Молитва, богомыслие, добрые дела, собеседование с отцами и умное чтение. Впрочем, не они питают. Они только средства — пища одна... Хлеб, сшедый с небесе...

Неприменно должно разделить умное свое устройство от внешнего служения. И то держать крепко непоколеблемым от сего. То — вечно, сие — на время, для сей преходящей жизни. Кто стоит в сем, тому всякое служение равно — честно и свято. Следовательно, начало жизни общественной — в духе. Его потому и должно ставить в главу... во всем строении общества.

Веротерпимость не есть равнодушие к вере. Равнодушный к вере не имеет никакой веры. Имеющий веротерпимость, при полной любви к своей вере, по духу ее, привечает и иноверных, как немощных членов человечества, в делах, впрочем, внешних.

Что прогулка для делателя? — Приготовление к большим трудам. Но блюди внутреннее, да не отведешься в плен и не восплачешь о потере или стеснении свободы. Бди.

Есть жизнь душевная, в которой и питание душевное, и труд душевный, и подкрепление душевное. Оно всегда соединено с плотским, ибо плотское есть опора душевного. Живущий в сей области живет как рыба в воде... мрачно и хладно.

На вопросы о вере. Как мы веруем, так веровали все святые отцы, приявшие и нам предавшие в чистоте сию веру. И сказали, что все противные помышления суть от лукавого, который разн смущает и разоряет мир души.

Больше всего страждут от них верующие в свой ум. Ум бо падший состоит в заговоре с лукавым против Бога, Божиих вещей и порядка. Искренно ищущий Господа и Ему угодить желающий всегда наводится Им, невидимо, на правый путь. Сие было со святым Герасимом, другим великим подвижником египетским и со многими. Пытливость и спорливость о вере есть от лукавого.

Немалый труд человеку увериться, что молитва есть дело, и дело самое высокое, равного коему ничего нет на земле... Большею частью говорят: некогда молиться... На то и на то нужно время... А есть заповедь — непрестанно молиться.

Древние подвижники имели пропитание от труда рук своих, ныне монашествующих содержание большею частью готово. Да не смущается кто мыслию, что это есть удаление от древнего чина. А паче благодарит Господа, что теперь монашествующим есть средства пребывать в совершенном беспопечении, кое есть основа духовного преспеяния. Общество хорошо делает, доставляя сей покой и приобщаясь молитвенным трудам иноков, по Златоусту. Но долг иноков — высшие теперь показывать плоды духа. И древние трудились, только сколько нужно для содержания, и труд у них был последнее дело. Все почти время у них употреблялось на молитву и умное делание, так что они неохотно приступали к сему вещественному делу... Следовательно, подвизающийся и все знающие, сколь велико и благотворно сие дело молитвы, радоваться должны сему обезопасению содержания иноков, ради доставления тем простора их духовным трудам. Иноки же да углубляются во ин мир от сего вещественного.

Молитва: прошение, благодарение, хваление. Сими изображается путь восхождения ума к Богу в молитвенном делании. Хвалящий — вкусил, яко благ Господь. Благодарящий — избег из сетей и вступил в пределы мира и света... Просящий — начал и борется в уповании.

Что всего известнее и чего никто не помнит? — **Смерть, истязание (испытание), — и суд.**

Семя, если не разрешится и не истлеет, не даст плода; так и душа: если не разрешится на себя покаянием и сокрушением, бесплодною пребывает.

У святого Исаака Сириянина — путь: по отрешении от всего — покаяние чрез страх памятью последних; потом труд и пот — душевно и телесно — до очищения. Тогда приходит

благодать: начинается духовное делание вне чувства — покойное — суббота, преддверие вечной.

Говорят: Откровение темно и непонятно, потому — чего же ради оно? и точно ли оно — Откровение? — На это надо обратно спросить: чего ищешь ты от Откровения? — один ответ: вразумления, как душу спасти. Если теперь это очень понятно всякому — и мудрому и не мудрому, то от темноты Писания не следует говорить: к чему же Откровение. Указывается ясно путь спасения, следовательно, молчи. Что непонятно — оставь. Не вдруг. Еще не дорос.

Грех, — как видно из опытов искушаемых внутренно и смущаемых, — действует как сила, некоторым образом самостоятельная, упорная. Это зависит от того, что в то время действует чрез него сатана, приражаясь к внутреннему. — Если сего не принять, то непонятно, как явление души в душе действует самостоятельно и наперекор ей.

На вопрос: истребляются ли совсем страсти или только побеждаются? — можно ответить так... Теперь страсти смешались с природою и властвуют над нею, как деспоты. Восстань против них, свергни их иго, выгони их из твоих владений — вне, так, чтобы они стояли в тебе против тебя, — и потом бейся с ними, борись, пушай стрелы и принимай стрелы... После увидишь на деле, можешь ли их истребить или только побеждать и поражать... и вместе быть поражаемым... Некто из подвижников — уже тогда, как миновал все мытарства и зашел за черту воздушных властей, в область света, — сказал говорившему к нему духу: победил ты меня... теперь победил...

Деятельность телесная, душевная и духовная в своем чине добры. Среда между телесною и душевною, душевною и духовною — весьма опасна. В первой какая-то бурливость воображения, пожелания чувственные и чувственные сласти. Во второй — не так бурно, но все, как тени. Это догадливость, предположительность — созерцания самодельные идеального в чувственном; обманчивое направление, или мечтательное, доброй деятельности — по духовной, гордости, корысти или самоприсвоению, и сластям духовным. Духовная сторона собственно — Духом Божиим созданный образ ведения, Богопреданная деятельность по воле Божией и мир внутренний. Сие от Писания собирается, потом в молитве действием благодати напечатлевается в сердце и осиявает ум. — Тогда сей зрит все тварное — духовно.

Заметки о духовной жизни

Чувство зависимости от Бога — начало истинного, неложного в духе восхождения к Богу. Не с сего начавший идет косным путем — и неизвестно, придет ли, куда метит. Сие чувство подает страх Божий; страх заставляет трудиться в делах Божиих, сначала рабски, а потом, с **чаянием**, когда умирится совесть от богатства дел, при других нужных исправлениях, — переходит в любовь **сыновнюю**. И раб, и наемник, и сын — все зависят от Домовладыки, хотя разнo. Так и в духовной жизни. — Не зависящий от Бога, то есть не чувствующий себя таким, — не в царстве Божием.

Страх Божий есть прекрасное небесное растение. Чтоб посадить его на земле сердца, надо приготовить сие поле добродетелями. Очистить отрешением от всего — и взорать (вспахать) памятью смерти, суда и воздаяния, рождающею сокрушение.

Но чувство опасности своего положения предшествует всему, и на все время должно предшествовать. От него рождается — прибегание к Богу, скорое и живое. Это начало и для новоначальных. Когда дух упокоится в Боге и вкусит сладость сию, тогда быть с Богом понуждает его уже не опасность, а любовь и мир духа, обретаемый в едином Боге...

Дело Божие в человеке походит на то, как бы кто, купив себе поле, заросшее непотребными растениями, огораживает его со всех сторон, чтоб звери, ветры и люди не мешали ему работать, потом вырывает непотребные зелья и тем самым вспахивает и хорошо подготавливает землю чистую для принятия семени; далее — сеет и в благовремение поливает, пока вырастет и даст плод. Наконец, собирает плод, обдeldывает его уже у себя дома и потом раздает всем нуждающимся. И все вкушают в сладость, славя Бога и доброго работника.

Отчего душа, в грехе сушая, не постоит, а все мятется?

Оттого, что теряет точку опоры. Точка опоры дается ей страхом Божиим и спокойною совестью. Когда совесть покойна и отношение к Богу мирно, тогда душа пребывает в себе и держит себя степенно. Когда же совесть встревожена и Бог оскорблен, тогда душе тяжело быть в себе, как в угарной, чадной комнате, — и она бежит вон, и вне себя ищет, чем бы утолить внутреннее томление, перебегая от предмета к предмету без промежутков, чтоб и на минуту не оставаться с самой собою. Только тогда, когда, как ангел, нисходит в нее помышление о примирении с Богом и совестью, возвращается она к себе, как беглый раб, с повинной головою и с того времени опять остепеняется.

В чем все дело заботливых о спасении души?

В том, чтобы иметь Бога своим Богом и себя сознавать Божиими. Имение Бога своим Богом есть одна сторона дела, которая не может получить прочного образования, если при этом не будет второй, то есть сознания себя Божиими, или удостоверения в том, что как ты имеешь Бога своим, так и Бог тебя имеет Своим. В этом существо союза с Богом и все таинство религии.

Кто же имеет Бога своим и себя Божиим?

Тот, кто, узнав определительно и ясно волю Божию, исполняет ее добросовестно, так что ни в тайных помышлениях сердца своего, ни в сокровенных движениях совести не слышит себе обличения не только в нарушении, но и в каком-либо нерадении об исполнении ее. В этом истинный характер ревности о богослужении, которая не может оставить человека в покое, пока сознание говорит, что в словах, делах и помышлениях допущено нечто такое, что можно считать негодным Богу в каком-либо отношении. В последнем случае она спешит уничтожить это разделение между собою и Богом богоучрежденным способом и снова питает успокоительное убеждение, что Бог есть ее Бог. Чем больше дел, согласных с волею Божиею, и чем больше твердости и постоянства в них, тем сильнее и глубже становится это убеждение. Это — со стороны человека, и, как его собственное дело, оно понятно и удободостижимо.

Но как быть уверену, что и Бог имеет тебя Своим?

В то самое время, когда человек деятельно начинает иметь Бога своим, в совести приходит ему удостоверение, что и Бог имеет его Своим. Бог вездесущ и на ревностно угождающие Ему души взирает благоволительно. Это благоволительное Божие воззрение, отражаясь в душе, дает ей знать, что она принята и усвоена Богом, стала Ему Своя. От этого, по мере работы Богу и возрастания первой стороны, растет и сия вторая, не как, однако же, следствие ее, а как равная, взаимодействующая сила, хотя и несомненно то, что она не входит в душу без первой. Они совместны и рождаются в один момент и, когда рождаются, свидетельствуют о зарождении внутреннего потаенного человека. Отчего так? — Оттого, что и ревность по Богу не может получить деятельного начала без воздействия и помощи Божией. Душа это знает и, зная, верит, что за ревность по Богу приемлется и покровительствуется Богом как Своя Ему. Вот семя духовной жизни! Но поелику в основе ее лежат такие возвышенные убеждения, то она, зрея, не надмевается, а углубляется более и более в смирении, до решительного самоуничтожения, или полного сознания, что сам по себе человек есть ничто. В этом-то и тайна истинной жизни в Боге.

Все ищут. Осмотрись кругом, и удостоверись, что так есть: сам Апостол говорит о себе: «гоню, спешу, стремлюсь, ищущу». Без покаяния жизнь — не жизнь. Отчего так? — От скудости естества нашего, или поминутной его оскудеваемости. Чувствуя оскудение, невольно ищешь, чем пополнить оскудевающее. Чувство это есть возбудитель искания. Искомое всегда есть нечто

такое, чем чаешь пополнить пустоту свою; оно составляет цель. Чаяние, что оно действительно способно и сильно удовлетворить, или дать чаемое от него, поддерживает искание и труд в придумывании средств и приведении их в исполнение. Такова общая форма жизни всех живущих на земле. И у скрывшегося в глубокую пустынь, и у живущего в полной суете мирской круговращения жизни одинаково. Разница — в содержании: в возбудителе, **в том, какого рода чувствуемая скудость; в средствах, коими надеются достигнуть чаемого; в последней цели, то есть в том, чем чают пополнить ощущаемую скудость.** Разного рода искатели у нас перед глазами. Спрашивается: кто же попал на прямую дорогу? — Должно быть тот, кто чувствует, что восполняет свою скудость своим способом искания, и вследствие того успокаивается, имеет покой в самом искании. Кто именно таков, всякий догадается. Но то диво, что и те, которые не перестают чувствовать снедающую их скудость, при всех усиленных исканиях не переменяют неудачного искания, несмотря на осязательную неудовлетворительность его, думают: авось впереди оно станет лучше и даст то, что чается. А так как это впереди все отбегает, как завтрашний день, то они безустанно ищут и никогда не находят. И растолковать им этого нельзя. Такое горе!

Сколько лет слышим Евангелие, и утешительные глаголы его проносятся у нас поверх головы! Даст же, наконец, Бог иному минуте, когда оно услышится его сердцем. Тогда, вошедши внутрь, оно производит там свое дивное, разрушительно-созидательное дело, сущность которого — истинная жизнь. А дотоле что? — Дотоле имеем только вид, что живы, а между тем мертвы-мертвы. Не строго ли? — Войди и виждь.

Оглянись кругом и рассмотри, чем заняты все люди, из-за чего так хлопочут, на кого работают? — Все до одного работают на желудок, и все хлопоты об удовлетворении его требований: дай есть, дай пить. Сколь же великое благо обещается в будущем одним обетованием упразднения этого нашего тирана! Стань теперь на этой точке и реши: куда же обращена будет неутомимая жажда деятельности, принадлежащая веку сему, в другом веке, когда не будет нужды хлопотать о желудке, а вследствие того и вообще о житейском? Решить это надо теперь, чтобы приготовиться к тому, что нас ожидает в бесконечном будущем.

Испытание Писаний

Есть испытание Писаний, никуда негожее, — это бесплодная пытливость ума. Как же это узнать? — А вот как: если видишь, что все мысли, какие родятся в тебе, как мыльные пузыри, хоть и красны на вид, но пусты и от легкого прикосновения воздуха здравого рассуждения вскоре лопаются, — то знай, что они суть дело пытливости праздной. А если находишь, что такие мысли садятся на сердце, и втесняются в него, и давят его, сокрушая, или расширяют, возвеселя неземными надеждами, то они не дело праздной пытливости, а опытом дознанная истина. Для иных испытание Писаний может быть великим искушением. Вы удивитесь, а так оно есть. Авва Серид прибил однажды Досифея за то, что он начал без всякой нужды допытываться, что значит то, что это, отчего написано так, а не иначе. Вот и другой пример: в Филиппах была отроковица, имевшая дух пытливости, и апостол Павел изгнал его. В Добротолубии у Филофея и у Диадоха сочтено недобрым делом, когда от внимания и молитвы отвлекает желание, или позыв, побогословствовать; да и в других местах много подобных советов относительно испытания Писаний. Как произошли еретики? — Все до единого от пытания Писаний. Выходит, это меч обоюдоострый и, стало быть, надо обращаться с ним осторожно. Православный христианин читает слово Божие, и истины, прямо в нем содержимые, печатлеет в сердце, не двигая своей мысли за пределы содержимого и не возвышая над ним господственно и самоуправно своего ума, а смиренно подчиняя его. Если встретится что-либо неудобопонятное, он ищет разрешения не в своем уме, не в своих догадках, а в общей хранильнице всякой истины — Церкви, ищет то есть решения готового, всеми признаваемого и всем предлагаемого Святою Церковью. Например, в Евангелии сказано: «ты еси Петр, и на сем камени» ([Мф. 16:18](#)) и проч... Непонятно, как Церковь может быть основана на Петре, когда основание ее есть Господь наш Иисус Христос, и притом такое, что другого основания и быть не может. Не мудрствуя в решении сего недоумения, обратитесь к Церкви, и она скажет вам, что здесь слово «Петр» (камень) не означает лица апостола Петра, а твердое исповедание веры в Господа Иисуса Христа. Эта твердость каждого мученика делала камнем: колотят-колотят, и не расколотят. А вон католики стали искать решения в своей голове, и попали на папу. Если какое-либо место Писания расшевелит мысль, а эта мысль, в свою очередь, начнет делать выводы, неотразимо теснящиеся в голову, — ничего, православный и от этого не прочь, но только обходится с этими выводами, своими порождениями, не как с родными чадами, а как с пасынками: подвергает их испытанию, вставляя их во всю совокупность истин святой веры, содержащихся в православном Катихизисе, и смотрит, вяжутся ли они с ними, и, если не вяжутся или противоречат им, гонит вон из головы, как детей незаконнорожденных. Если же не сможет сделать этого сличения сам, то обращается или к живым, или к прежним учителям и их вопрошает. Неправославный же поступает не так. Родятся у него в голове какие-нибудь думы — хорошие или худые, ему нужды нет, лишь бы нравились, — он начинает рыться в Писании и искать им подтверждения. При таком настроении, конечно, каждая строка и даже речения, чуть-чуть указывающие на мечты искателя, берутся как доказательства. Таким образом собрано несколько текстов, к ним приделаны произвольные толкования, и затем сделан вывод, то есть та мысль, какая родилась в голове прежде чтения Писания, и наконец возглас: «так учит все Писание!» Так образовались все ереси, так протестантство, так папство, с той только разницей от первых, что последние еще роются у святых отцов и насилуют их.

Мысли о разных предметах веры

Были (а может быть и теперь есть) умники, которым представлялось, что муки не будут вечны, но не было еще, кажется, ни одного, кто отвергал бы совсем загробные мучения. Чувство правды существует у самых отчаянных грешников и мешает им думать так; даже те невидимые существа, которые дают свои откровения спиритам, не отвергают наказаний в будущем, а только ухитряются всячески сгладить их устрашность, хоть сомнительнее их советов ничего и быть не может.

Ну, хорошо: пусть муки, по-вашему, не вечны, сколько же времени они будут продолжаться? Да хоть тысяча тысяч лет, а все же должны кончиться, — говорите вы. Но какая же нам-то, грешным, от этого выгода? Ведь тамошняя мука будет нестерпимая, такая, которой здесь, на земле, мы и представить себе не можем. Если и тут бывают иногда такие страдания, что день кажется годом, — что же там? Каждая минута обратится в сотни лет. Пророк Давид говорит, что у Бога тысяча лет как день один, следовательно, и обратно: один день — что тысяча лет. Если принять этот счет, то и тогда из одного нашего года выйдет 365 тысяч лет; а из десяти — более трех с половиною миллионов, а из сотни... и счет потеряешь. Значит, плохо это придумано. Придумайте-ка лучше, что совсем не будет мучений, да не на бумаге только, не по своим лишь соображениям, а принесите нам удостоверение об этом от имущего ключи ада; тогда нам, грешникам, это будет на руку: грехи себе, сколько хочешь и как хочешь! А так, как вы рассуждаете... благодарим за сердоболие о нас! К тому же у вас все как-то неопределенно. Вы забываете, что там будет вечность, а не время; стало быть, и все там будет вечно, а не временно. Вы считаете мучения сотнями, тысячами и миллионами лет, а там ведь начнется первая минута, да и конца ей не будет, ибо будет вечная минута. Счет-то дальше и не пойдет, а станет на первой минуте, да и будет стоять так. Оно конечно, когда услышишь или вычитаешь где-нибудь мудрование умников-гуманистов, грехолюбивому сердцу будто и повеселее станет, а потом, как станешь раздумывать, все страхи опять возвращаются, и приходишь все к тому же: лучше отстать от греха и покаяться, а то обсчитаться можно, да так, что уж ничем и не поправишь дела. А дело решительное; о нем рассуждать кое-как нельзя, а надо рассуждать с опасливостью, и если полагать, то полагать с такою уверенностью, какую имеем о том, что действительно существует или не существует. Спириты вон мало ли что толкуют! У их наставников хоть и кости видны, а они все их слушают и не видят того, что бесам одним в аде быть не хочется, потому они и хлопочут, как бы побольше набрать людей! «Нет, говорят, мучений больших, а так немножко скучно и стыдно; потом вновь родишься, все позабудешь и живи-поживай». Этим они отнимают всю опору у немощного человека. Поборется немного он со страстью, а там и говорит: «Ну, верно, делать нечего; уступить надо. Вот рожусь в другой раз, тогда и одолею». Таким образом и вышел пожизненный раб страсти, грешник не раскаянный, а наставникам спиритов это только и нужно. Второго рождения не дождемся, а первое потрачено на работу страстям — и христианского полка убыло, а бесовского прибыло.

Какой ум православный и какой протестантский? Ум православный не умничает, а только изучает и усваивает готовую, данную ему Святою Церковью истину, приемля ее с полною покорностью и благоговением, боясь прибавить или убавить йоту какую-нибудь из начертанного уже образа исповедания веры.

Ум протестантский только умничает; у него нет нормы веры, и он все ищет ее; не изучать берется он веру, а изобретать и строить; и даже построивши, не успокаивается раз навсегда, а еще ищет, еще ищет, не удовлетворяясь найденным. Как у драчуна руки чешутся, а у говоруна язык, так у протестанта чешется мозг и не дает ему покоя. Дух новизны и непрестанного

поновления составляет существо протестантского ума. Православный же ум, изучив и усвоив истину, почивает в ней и наслаждается созерцанием ее божественного лика.

Как узнать, в каких писаниях ум протестантский и в каких ум православный?

Коль скоро где строится теория или воззрение и потом подгоняются под них места Писания (об отеческих уж не говорим), то здесь уж протестантская замашка, готовность подчинять Божеское человеческому. Далее — где нет простоты мысли и слова, а какие-то мудреные сплетения речений и понятий, так что ума не приложишь, о чем идет дело, то знай, что здесь протестантский склад ума, не предвещающий ничего доброго. Истина православная проста, ясна, понятна даже для детей. Кто понимает ее и приемлет сердцем, тот говорит всегда просто, без хитросплетений умственных и словесных. Протестантский склад ума и слова крючковатый, темный, запутанный. Со стороны поглядеть — протестантский ум как будто углубляется, а на самом деле ходит по верхам и околицей, не касаясь самого существа истины. Православный же ум признает истину в ее существе и без всяких околичностей.

Зачем же после этого льнут к протестантам? Почему бы не оставаться с своим православием? Наскучило вишь: все одно и то же, застои; захочется самим проветриться и другим сквозного ветерка подпустить. Шутка ли в самом деле — тысячу лет стоит неподвижно это православие в одной России, а у греков оно еще и дольше все одно и то же! Притом оно такое тяжелое на подъем в образе исследования, такое неудобноносимое в предлагаемом им порядке жизни!

По-православному ни одной статьи не напишешь, не роясь в фолиантах, а по-протестантски были бы перо и чернила — садись и пиши. Чем смелее, тем лучше; а где не хватит толку, набери слов помудренее да и скомкай их как-нибудь, чтоб казалось в итоге: «что и требовалось доказать».

Безопасно ли богословствовать по-протестантски? — Нет, того гляди попадешь под клятвы, положенные на своеумников Соборами. Шестого собора 19 правило гласит, что Божественное Откровение должно быть изъясняемо не иначе как по изложению учителей Церкви, и довольствоваться ими более, чем составлением своих собственных толкований, из опасения уклониться от истины. Следовательно, если кто вносит в область Божественной истины свое личное мудрование, тот подвергается клятве, изреченной вообще на не соблюдающих соборные определения.

Крест — основа миробытия. О Господе Спасителе нашем, крестною смертью Своею спасшем нас, сказано, что Он есть Агнец, закланный от сложения мира. Следовательно, при сложении мира имелась в виду крестная смерть, или, иначе, сложение мира совершено по идее креста. Если последующая история мира, и особенно человека, есть приведение в исполнение плана, лежавшего в основе сложения мира, то надобно сказать, что крест Господень был целью для предшествовавшей ему истории и есть исходная точка для истории, последующей ему. Он есть движущая сила всех мировых событий; он же положит и конец течению временных событий. Когда явится знамение Сына Человеческого на небе, тогда тотчас — суд, решение участи земнородных и начало новой жизни.

Обновление мира. Господь, по воскресении Своем, явившись Апостолам, сказал, что Ему «дана всякая власть на небе и на земле» ([Мф. 28:18](#)). Значит, христианские начала вступили в управление миром, или восстановительные Божественные силы, от лица Богочеловека, начали свое действие во всей совокупности тварей, требовавших восстановления. Ощутила это тварь, преощутила имеющую развиться из сего свою свободу от суеты и стала воздыхать о том, как слышал боговдохновенный Апостол ([Рим. 8:22](#)). Восстановление это идет незримо для нашего слабого зрения, нам даже может казаться иное; но дело Божие идет не по нашим догадкам, а по Своему плану. Придет срок, и явится обновленная тварь, когда никто того не чает. «Не приходит

Царствие Божие с усмотрением» ([Лк. 17:20](#)).

Судьбы мира. В Апокалипсисе представлена книга судеб, запечатанная семью печатями, и слышен был голос: «кто есть достоин разгнати книгу и разрешити печати ея?» ([Откр. 5:2](#)). Ответ был: «Агнец Божий, то есть Господь Иисус Христос, распятый на кресте» ([Откр. 5:9](#)). Агнец открывает печать за печатью, и каждое открытие печати сопровождается новым рядом явлений. Это — образное изображение слова Господня: «дадеса Ми всяка власть» ([Мф. 28:18](#)). События текут по мановению Господню и, следовательно, все в видах Царства, Им основанного и хранимого. Как относятся такие или другие события к этой цели, мы разуместь не можем, разве малое нечто, да и то гадательно; но то несомненно, что все туда направлены. Нам не дано это разуместь потому, что мироправление — не наше дело. Наше дело — спасение тем способом, какой открыт для нас Господом Богом: сюда и должна быть обращена вся наша забота. Как видимый мир — тайна, так и история событий — тайна; то и другое запечатано от нас. Смотри, изумляйся и величай непостижимый ум Божий, а свои решения составлять и теории строить — не лучше ли остановиться? В этом будет больше разума, чем в построении произвольных теорий.

Непостижимое в обновлении мира. Есть мысль у Апостола, что Господь царствует, дондеже покорятся под ноги Его все враги Его. Когда же все они покорятся, «тогда и Сам Сын покорится Покоршему Ему всяческая, да будет Бог всяческая во всех» ([1Кор. 15:28](#)). Здесь говорится о Господе как Богочеловеке, Восстановителе падшего и Спасителе погибшего; указывается некая черта из имеющего быть обновления мира, но в чем существо ее — непостижимо. Непостижимо — в чем будет состоять это покорение Сына, Который и теперь творит все по воле Отца и, по единосущию с Ним, иначе творить не может. Непостижимо и то, что такое: «будет Бог всяческая во всех». Это, без сомнения, предполагает всеобъемлющую светлость благобытия всех тварей. Восхитительно отрадная мысль! Но как же ад? Что ж силы нечистые и бедные, осужденные грешники? — Святой Златоуст говорит, что они будут на окраинах мира, за чертою того мира, в котором «Бог будет всяческая во всех». И там будет Бог, но только могуществом и правдою, а здесь — и облаженствованием. Некоторые умники хотят умствовать иначе. Им сдается, что покорение всех врагов означает то, что, наконец, и бесы перестанут богоборствовать, признают себя побежденными и покаются. Если, говорят они, бесы покаются, то тем скорее покаются грешники; грех и всякое зло исчезнут, воцарится одно добро, вот это и будет «Бог всяческая во всех». Муки будут, но не вечны. Пройдут тысячи тысяч, миллионы миллионов лет, но все же придет момент, когда кончатся муки. Все перечистятся, и настанет райское, всеобщее веселие. Тут выпущено из виду то, что покорение врагов под ноги не означает добровольного признания над собою власти Покорившего, как это требуется чувством покаяния и обращения, а только пресечение им возможности противодействовать, связание их. Они бы и еще готовы бороться, и зубами будут скрежетать, да уж сил не будет что-нибудь делать. Бесы прямо идти против Бога не могут; они противятся Ему чрез вовлечение в грехи людей, которые должны бы быть Божиими. Таким образом, пока будут лица, чрез которых они могут оказывать противление свое Богу, до тех пор они будут еще воюющею и борющеюся стороною; но, когда не станет такого рода лиц, тогда и противление их прекратится; тогда окажутся две области: лица, во всем предавшиеся Богу в Господе Иисусе Христе, и бесы — богоборцы, с людьми, осатаневшими по действию бесов; тогда и конец мира. Пойдут праведники в живот вечный, а осатаневшие грешники — в муку вечную, в сообществе с бесами. Кончатся ли эти муки? Если кончится сатанинство и осатанение, то и муки могут кончиться. А кончится ли сатанинство и осатанение? Посмотрим, и увидим тогда... А до того будем верить, что как живот вечный, куда пойдут праведники, конца не имеет, так и мука вечная, угрожающая грешникам, конца иметь не будет. Никакое гадание не доказывает возможности прекращения

сатанинства. Чего не видел сатана по падении своем! Сколько явлено сил Божиих! Как сам поражен он силою креста Господня! Как доселе поражается этою силою всякая его хитрость и злоба! И все ему неймется, все идет против; и, чем дальше идет, тем больше упорствует. Нет, никакой нет надежды исправиться ему! А если ему нет надежды, то нет надежды и людям, осатаневшим по действию его. Значит, нельзя не быть и аду с вечными муками.

Радость жизни. Радость жизни!.. Как отрадно встретить тебя в ком-нибудь! Это — небесная гостья на земле скорбной. И, однако ж, Апостол предписал вроде заповеди: «всегда радуйтесь» ([1 Сол. 5:16](#)). Правда, заповедь эта обязательна только для тех, кои приняли залог радости в Духе Святом; но кто же из сынов и дочерей Церкви чужд благодати Духа Святого? Следовательно, у всех есть источник радости. Отчего же не все радуются? — Верно, оттого, что не слушают другой заповеди того же Апостола: «духа не угашайте» ([1 Сол. 5:19](#)). Погашен дух — заключился и источник радости, и пошла туга тяготящая. Три бремени ложатся на такого человека и давят его: дума о том, что будет, скорбная память совести о том, что было, и заботы о том, что есть, — и ходит человек, повесив голову. Что ж тут делать? — Покайся, восприими труд доброделания, возверзи печаль на Господа, и опять приподнимешь голову и повеселее взглянешь на жизнь. Тогда возвратится к тебе и источник радости — благодать Божия. Отчего у всех нас тяжелые думы? — Оттого, что мы всю опеку о себе берем на себя. А тут все рвется, нет ни в чем прочности благонадежной. Вот и гадает человек, как бы все укрепить да упрочить. Сколько уже тысяч лет он гадает и все-таки ничего не повеягадал! Сказать бы ему: «материал твой не прочен, перемени», но что может одно слово, когда тысячелетние опыты не вразумляют? Что ж, так все и будет? Да, так и будет, пока человек останется таким. Еще в раю показалось ему, что Бог не как следует устроит быт человека и что он поумнее и получше все устроит. Первый неудачный в сем роде опыт был очень вразумителен, но и первая лесть увлекательна. Она и влечет, несмотря на вразумление. Бог прописал в раю, как чему следует быть; человек на это сказал: «нет, не так, а вот как!» Это «не так, а вот как» стало девизом мнительных дум человека. Дал Бог Откровение, чтобы указать, как на все смотреть; человек говорит: «нет, не так, а вот как», и строит свои мировоззрения. Спаситель пришел и устроил спасение; слушает благовестие об этом человек и говорит: «не так, а вот как», и строит свои планы. Господь основал на земле Церковь, как столп облачный, в указание пути к непрестающему благобытию; и на это говорит человек: «не так, а вот как», и пролагает свои дорожки и тропинки. Таким образом, пока будет существовать в человеке эта жажда поправлять Божий распорядок, до тех пор все он будет думать тяжкие думы и все-таки ничего не придумает. Это кончится лишь тогда, когда, утомившись, человек сложит все свои думы у подножия промыслительного престола Божия, и воззовет: «имиже веси судьбами, спаси!» Но это только для человека в частности; общность же человечества все будет толочься по-старому, — и вот где разгадка всем известного выражения: «суета суетствий, всяческая суета!» ([Еккл. 1:2](#)).

Предание. В догматах веры христиане должны руководствоваться не одним Священным Писанием, но и церковным преданием. «Предание сохрани, — писал святой апостол Павел к Тимофею, — уклоняясь скверных суесловий и прекословии лжеименного разума» ([1 Тим. 6:20](#)). Что церковное предание должно быть согласно с Священным Писанием, это несомненно, иначе и неправильное и не божественное учение может быть принято за предание правильное и божественное; но истинно и то, что и Священное Писание должно быть согласуемо с преданием, иначе могут возникать неправильные мнения и ереси. Как могла бы возникнуть ересь Ариева, если бы тогда крепче держались учения Церкви, заключающегося в предании? Как могла бы возникнуть ересь иконоборства, если бы уважаем был голос Церкви в предании?

«Только слово Божие есть основание веры, — говорят и ныне некоторые христиане, — и

потому предания не нужны!» Как же это так? А Символ веры разве не предание? Как же без него мы стали бы веровать — всякий по-своему?

В слове Божиим много таких мест, которые требуют разъяснения и соглашения, что и сделала Святая Церковь. Не нужно предание... Но как же мы станем служить Богу? Как совершать и принимать таинства? Как и в какие дни праздновать праздники? Как станем торжествовать воскресный день, и почему сегодня, а не вчера, не завтра? Все это, без сомнения, мы знаем из предания. Первобытная Церковь утвердилась на предании и руководствовалась преданием. Священное Писание как свидетельство истины и вечный охранитель веры явилось и принято Церковью после.

Чинопоследования. Святые Апостолы, на соборе своем, отменили все ветхозаветное чинопоследование и освободили христиан от того ига, которое тяготело на их отцах и праотцах.

По этому поводу некоторые умники задаются вопросом: зачем же у нас столь разнообразные и многосложные чинопоследования? И, не умея решить этого, приходят к смелому выводу, что это есть возвращение к иудейству. Но ведь когда Апостолы постановляли тот закон, то имели в виду только ветхозаветное служение, а не всякое вообще; и когда написали послание к Антиохийской Церкви, то помянули только, что не налагают на членов оной ига закона, лежавшего на иудеях, а не то, чтобы запрещали учреждать чинопоследования по духу новой веры. Как мысль требует слова, а намерение — дела, так и дух веры требует внешнего чина. Чин этот и начал заводиться с первых же дней по сошествии Святого Духа, положившего основание Церкви Божией. В главных и существенных чертах он установлен самими Апостолами: от них образ совершения таинств; от них молитвенные собрания и их порядки; от них церковное чиноположение; от них указание обособлять места и времена для служения Богу; от них посты и домашние молитвы; от них подвиги всестороннего воздержания и разные виды благочестивых христианских обычаев. Желаящий может найти указание на все это в Деяниях и посланиях апостольских. Вывод отсюда такой: святые Апостолы одно чинопоследование отменили, а другое завели. Как же видеть в этом иудейство? Веру нельзя оставить голою. Это противно природе нашей и природе самой веры. Разве пожалуется кто — не слишком ли обременена наша духовная вера внешними чинами? Присмотришь, и увидишь, что не слишком. Ведь надо же на всякий случай хоть по одному чину? Так оно и есть у нас. Всякий чин, с одной стороны, удовлетворяет потребности верующего сердца, а с другой — состоит в полной гармонии с духом веры. Если смотреть на церковные наши чины в их совокупности, то покажется их много, а разложите их по многообразным потребностям верующих, и увидите, что их очень мало, и все они очень просты.

Пожалуй, еще скажут: «Зачем они заключены в неподвижную форму? В век апостольский многое делалось экспромтом: находил дух и рождалась молитва, или песнь, или слово назидания, а ныне все готовое да готовое». Да не все ли это одно? Тогда находил дух и давал молитву, а теперь внимай, как должно, составленной уже молитве, и взойдешь в тот же дух. Дело в духе. Если кто остановится на одних словах молитвы и внешних действиях, тот отступит от апостольского чина, а кто всякий раз, при внешнем чине, будет входить в дух, тот станет делать то же, что делалось при Апостолах. Оставить весь внешний чин на произвол движений духа известных лиц или каждого верующего едва ли кто сочтет разумным. Не лучше ли покориться существующему порядку, молясь Господу, да устроит все в Церкви Своей, как Его святой воле угодно? Цель чина церковного — созидание духа, и сколько созидалось святых среди нашего благолепного чина! Стало быть, чин не отводит от цели, а способствует достижению ее. Имей разум, и все хорошо будет.

Невидимая борьба. Если бы открылись умные очи наши, что увидели бы мы вокруг и около себя? — С одной стороны — светлый мир Божий, Ангелов и святых; с другой — полчища

темных сил и увлеченных ими умерших грешников. Посреди их — люди живущие, одна часть которых склонилась на светлую, другая на темную сторону; средняя полоса как будто оставлена для борьбы, в которой иные побеждают, иные побеждаемы бывают. Одних бесы тащат, уже побитых, в свою темную область; другие стоят и бьются, принимают и дают поражение: кровь из ран и раны за ранами, а все стоят. До самой земли преклоняются от силы ударов и истощения сил, но снова выпрямляются и снова пускают стрелы во врагов. Кто видит их труды? — Бог один. При них Ангелы-Хранители неотступно; над ними — свыше нисходящий луч света благодатного.

Всякая помощь борющемуся готова, но она должна быть принята самоохотно. Склонение воли — условие ее силы. Коль скоро человек сознанием и свободою стоит на стороне добра, то и свет благодати, и Ангелы при нем. Но, коль скоро самовластие его склоняется на сторону греха, луч благодати отходит от него, и Ангел отступает. Тогда человека обступают темные силы — и падение готово. Связывают его пленницами (цепями) мрака и уносят в темную область. Спасется ли он, и кто спасет? — Спасется, и спасет его тот же Ангел Божий и та же благодать. Воздохнет грешник, и они приступают и «научают персты его на брань» со тьмою (Пс. 143:1). Если вонмет — встанет, и опять начнет поражать врагов отогнанных и уже издали мечущих стрелы. Вознерадит — опять падет; возбодрствует — опять восстановлен будет. Доколе же? — Дотоле, пока придет смерть и застанет его или в падении, или в восстании.

Чувство веры. Господь, все содержащий в деснице Своей, держит и всякую душу. Чем же душа отвечает на это? — Неотразимым исповеданием того, что есть Бог, от Которого, как всё, так и она зависит, и в бытии, и в действовании, и в конечной участи. Это исповедание глубоко лежит в сердце как чувство, или чутье. Оно не принадлежит разуму; напротив, когда разум, принимая это исповедание от сердца, начнет сам собою доходить до последних основ его, то теряет, а нередко заглушает его и в сердце, на время. Тут происходит то же, что случилось с психологами, пристрастными к осязательности. Стали они доискиваться души, чтоб осязать ее, — и потеряли душу. Так и в деле веры. Нужно искать не осязательной доказательности, а только развивать то чувство. В этом и разум может быть помощником, может пособствовать развитию религиозного чувства размышлением. Для этого ему исстари указаны известные четыре доказательства бытия Божия. Они показывают след Божий, и даже не след только, но как бы некоторое очертание лика Божия. Когда разум уяснит себе все эти показания как следует, то словно зеркало какое наводит на сокровище в сердце чутье. Усмотрев себя в этом зеркале, оно сочетается с тем ликом воедино и становится определенным исповеданием, или разумною верою. Так в порядке естественном. Но тут остается еще много пробелов. Их дополняет Божественное Откровение и сверх того прибавляет еще нечто такое, что не есть придаток для прикрасы, а дело существеннейшее, без которого все предыдущее — ничто. Сюда принадлежит таинство Пресвятой Троицы, воплощение Бога Слова и все домостроительство нашего спасения. Последние — что голова на теле их. Таково все здание веры. Основа — чувство Божества; далее идет естественное боговедение; затем Божественное Откровение, которое одною стороною довершает только естественное ведение, а другою, существеннейшею, придает нечто новое, от чего все принимает настоящий вид. Ограничивающиеся только тем, что веруют в бытие Божие, в промышление, будущую жизнь и воздаяние, походят на здание без купола, на тело без головы. А безбожники? Эти уж выступили из натурального чина: они принадлежат к тому же классу, к какому уроды и умалишенные.

Созерцание и деяние. Всякое дело имеет видимую и невидимую сторону, деятельную и созерцательную. Истинное богоугодное дело, по учению святого Исаака Сириянина, есть сочетание созерцания и деяния. Созерцание составляют мысли, возбуждающие и руководящие в деятельности; деяние же есть совершаемое вследствие того дело. Например, подаяние

милостыни есть деяние, а видение в нищем Господа есть созерцание; терпение обид и напраслин — видимое деяние, а мысль, воодушевляющая к терпению, есть созерцание; стояние в храме или дома пред иконами, положение поклонов с крестным знамением, чтение и слушание молитв есть видимая сторона молитвы, а умное при сем предстояние Богу в сердце, со страхом и трепетом, есть сторона созерцательная. В каноне покаянном святого Андрея Критского это названо деянием и разумом, и значение их указано в примере Лии и Рахили. А иным кажется, будто созерцание есть дело только глубоких отшельников; между тем как оно есть дело, обязательное для каждого и при каждом поступке. Действие, без соответствующего созерцания, есть тело без души, или истукан бездыханный, имеющий подобие живой твари, но не имеющий жизни. Созерцание же и одно ценно; например, не имеющий что подать нуждающемуся, но искренно болезнующий о его нужде, равно как безрукий и безногий, не могущий стоять на молитве, но умом непрестанно припадающий к Богу, совершают вполне дело Божие, обязательное для них в их обстоятельствах. Отсюда сам собою решается вопрос: как без добрых дел спаслись уходившие в леса и скрывавшиеся в пещерах. Все добродетели они имели в сердце, обладали, следовательно, существенною стороною доброделания — созерцанием.

Истинная свобода. Мы все ищем свободы, — не потому ли чувству, что мы — рабы? — Да, рабы; но не по определению Создателя, а по нашей собственной вине. Господь назначал нас для господства над всем, а мы забылись и впали в узы рабства и стеснения со всех сторон. Внешняя несвободность — еще не великая потеря, существенная потеря в том, что мы внутренне связаны, что потеряли господство над самими собою, сами в себе стали не властны. Кто-то другой властвует в человеке и над человеком, а человек и слова не имеет сказать наперекор и все покорно исполняет, что так настойчиво внушается ему. И главное в том горе, что не чует рабства своего: так забит!

Сознай же благородство свое и взыщи своих прав. Начало этому положи чувством рабства, чувством покаяния и сокрушения. Если покажутся слезы, то это лучше всего: они огонь, пополающий узы страстей, а бывают и совне удары меча, коими отсекается то то, то другое звено цепи греховной. Как птица, вырвавшись из тенет, радостно взлетает и реет в нестесняющем пространстве воздуха, так и душа, исторгшись из уз греха и страстей, начинает отрадно действовать в безграничной области воли Божией. Пророк испытал это на себе, когда сказал: «хождах в широте, яко заповеди Твоя взысках» ([Пс. 118:45](#)).

Подзаконная религия, как она дана Богом через Моисея народу Израильскому

«Видите, показах вам оправдания и суды, якоже заповеда мне Господь Бог мой... И сохраните, и сотворите, яко сия премудрость ваша и смьшление пред всеми языки, елицы аще услышат вся оправдания сия и рекут: «се, людие премудрыи и уметелны; язык великий сей» ([Втор. 4:5—6](#)).

«Прежде пришествия веры, под законом стрегоми бехом, затворени в хотящую веру открытися. Темже закон пестун нам бысть во Христа, да от веры оправдимся; пришедшей же вере, уже не под пестуном есмы» ([Гал. 3:23—25](#)).

«В елико время наследник млад есть, ничимже лучший есть раба, Господь сый всех; но под повелители и приставники есть даже до нарока отча. Такожде и мы, егда бехом млади, под стихиами бехом мира порабощени» ([Гал. 4:1—3](#)).

«Кончина закона Христос в правду всякому верующему» ([Рим. 10:4](#)).

Господь снисходит на землю, берет «Себе народ из среды другого народа, казнями, знаменами и великими ужасами» ([Втор. 4:34](#)) приводит его к подножию Синая и беседует к нему. Что же говорил Господь народу Своему о Себе Самом, к чему обязывал его, что завещавал? Тогда «гора горела огнем до самых небес, и были тьма, облако и мрак» ([Втор. 4:11](#)): верно, чудное и страшное устрояет Господь в Своем народе! Народ приемлет законы и постановления, за которые все другие народы скажут о нем: только сей народ мудрый и разумный, — и, однако ж, сии постановления и законы, огражденные притом страхом смертного суда, имеют силу только до времени. От чего бы это зависело? В самом ли составе сих постановлений основание к такому отменению или в их отношении к людям? — Божественное домостроительство спасения и самая Церковь получают новый образ: почему в это время совершено сие преобразование и в таком именно виде, а не в другом? — Бог, хранитель Церкви и воспитатель избранных, отдает теперь их под надзор учителей; кто эти учителя, чему и как должны были они поучать? — Вот что побудило нас рассмотреть подзаконную религию. Религия и Церковь принимают новое образование: что оно такое само в себе? — Даются новые постановления: как приучен к ним народ и что сообщало нравственную крепость его воле к исполнению их? Прежде религия и Церковь имели такой вид, теперь приемлют другой, имеющий уступить место третьему: почему теперь дается им такой именно, а не другой вид? — Божественные постановления направляются к образованию людей: каких людей может и должна образовать религия подзаконная? — Религия является здесь в форме видимого завета, из которого, как из семени, развиваются соответственные ему понятия о Боге, религиозные чувства и нравственные расположения: все это в совокупности составляет дух — внутреннее существо подзаконной религии. Далее сему духу дается видимость — и по преимуществу религиозность облачается обрядностью; это оправданию, а по преимуществу нравственности, дается поприще упражнения в правилах: это заповеди; то и другое ограждается наконец гражданскими законами: это суды. — Таким образом, нашему рассмотрению подлежит — по преимуществу состав религии подзаконной, — и в нем:

- 1) Завет Бога с народом еврейским.
- 2) Религиозные понятия, соответственные сему завету.
- 3) Религиозные чувства и
- 4) Нравственные расположения.
- 5) Обрядность, как облачение по преимуществу религиозности.
- 6) Практические правила, как поприще для упражнения по преимуществу нравственных

расположений.

7) Гражданские постановления, и вообще все устройство общества применительно к религии подзаконной и некоторые вопросы, естественно рождающиеся при сем, именно:

8) Как освоился народ с новым порядком и чем укреплялся в хождении по нему?

9) Почему религия и Церковь явились теперь в таком именно виде?

10) Какой должны они образовать дух в народе?

1. Завет Бога с еврейским народом

Завет сей окончательно утвержден на Синае, но приготовление к нему начато с первого приближения Божия к Израилю в Египте. Положительная религия сходит с неба, но селение ее на земле всегда есть сердце. В нем она насаждается, им усваивается и хранится. Потому надобно предварительно образовать сие сердце по духу новой религии, предрасположить к ней, чтобы, сходя в него, она сходила, как на жаждущую землю. К этому исключительно направлены все действия Божий в Египте, и от Египта до Синая: ими Он вводил душу и сердце Израиля в завет с Собою — невидимый, внутренний, чтобы потом заключить и видимый, устный. — Следственно, раскрытие сердца, поколику оно образовано под особенным влиянием крепкой руки Божией, в это время есть первое и самое близкое руководство к уразумению существа и духа завета Синайского.

Живя между язычниками, Израиль начал уклоняться от веры отцов своих, а затем неминуемо упал и в духе. — «Соблюдите во Египте, в юности своей соблюдите» ([Иез. 23:3](#)). Господь говорил им с клятвою, чтобы «кийждо мерзости от очес своих отверг, и в творениях египетских не осквернялся. Но они отвергошася Его, и не хотеша послушати». Тогда определил Господь «излити ярость Свою на ня, и скончати гнев Свой на них среди земли Египетския» ([Иез. 20 7—8](#)). Фараон как бы для своих видов решил перехитрить, озлобить, смирить род сынов Израилевых; «и гнушахуся египтяне сынми Израилевыми, и насилие творяху египтяне сыновом Израилевым нуждею, и болезненну тем жизнь творяху в делах жестоких» ([Исх.1:10—14](#)). Удар Божий глубоко пал на сердце Израилю и смирил его. Душа невинная при насилии воодушевляется мужеством и растет в крепости духа, укрываясь под сень веры. Душа, забывшая Бога и веру отцов, падает при первой их встрече. Совесть тайно указывает здесь гневный перст Божий и тем подавляет всякое внутреннее возбуждение в душе к возвращению себе свободы, уничтожает даже самое сознание права на то. Израиль пал в духе и предал себя в руки бедствий. Что оставалось ожидать от Израиля при таком порядке? — Еще мало — он смешался бы с египтянами в служении и обычаях, и исчез в нем, как исчезает в море и огромная гряда земли, не имеющая внутренней связи. — Но над ним бдел Тот, Кто еще за 400 лет определил переселить его в землю не свою, и здесь поработить, озлобить и смирить ([Быт. 15:13](#)). Такое расслабление и упадок жизненных сил намеренно допущен Богом с тем, чтобы, возродив новую жизнь, воскресив дух в сем нравственном ничтожестве, дать потом ему, как из мертвых живому, полному новых сил энергии, — и новую форму, новые законы и постановления.

«И возстенаша сынове Израилевы от дел и возопиша... и познан бысть ими Бог» ([Исх. 2:23, 25](#)). Продолжительность и великость страданий оправдали их наконец пред собою: мера скорбей уравновесилась с мерою суда совестного, что дало место молитве смиренной, но сильной и дерзновенной, восшедшей к престолу Бога ([Исх. 2:24](#)). Дух благочестия ожил, но не оживил с собою духа народного: вера, преданность в волю Божию исполнили их душу, но не возродили в нем сознания своей значительности, силы и крепости. И не ожил бы сей дух и не возродилось бы сие сознание, если бы рукою крепкою и мышцею высокою не приблизился к ним Бог. Сознание своего значения необходимо для народа, но народ Божий должен сознавать

свою крепость только в Боге. Потому и не дано ему самому возникнуть к сему сознанию, попущено даже так упасть в нем, что среди чрезмерного обилия чудес он очень медленно восходит до него, чтобы тем очевиднее был истинный источник его силы. Это главная и преимущественная цель распоряжений Божиих об израильтянах и всех сил, явленных пред ними в земле Египетской и по исходе из нее, — как можно глубже в душе его положить убеждение, что они сами по себе совершенно бессильны и ничтожны, и, обратив их сердца к Себе, укрепив их веру, в духе сей веры образовать сознание своей значительности, силы и крепости уже не в себе самих, а в Боге ([Исх. 3, 9—10, 6:7—12, 19:4](#); [Втор. 4:35—39](#)). Силу всех Его бесед к израильтянам в Египте и значение всех Его дел здесь, можно выразить Его же словами: «Аз Господь... изведу вас... избавлю вас... отъиму вас... прииму вы Себе в люди и буду вам Бог» ([Исх. 6:6—7](#)) «Дерзайте, стойте» ([Исх. 14:13](#)).

Скоро постиг намерение Божие Моисей; как бы мгновенно образовался у него дух смиренного сознания силы своей в Боге ([Исх. 3:11—12](#)) — и без сомнения, с мыслию: «вся могу о укрепляющем мя» Боге ([Флп. 4:13](#)), он пришел из Мадиама в Египет — возбуждать тот же дух и в народе. — «И вероваша людие, и возрадовашася» — о возможности избавления ([Исх. 4:31](#)); но и вера, и радость их были не более как краска на лице мертвеца. Еще более ослаб дух их, когда после первого предложения Моисеева фараону об их освобождении участь их сделалась несноснейшею, они навсегда обрекли себя на страдания, подавив всякую мысль о свободе ([Исх. 14:11](#)): не хотели даже слушать Моисея — «от малодушия и от дел жестоких», когда он, в другой раз, стал им говорить о том ([Исх. 6:9](#)). Так сильно выразили они здесь упадок своего духа, что у самого Моисея ослабили ревность о ходатайстве за них ([Исх. 6:12](#)). Господь показал теперь народу, что Он есть Сам в Себе, и поставил потом как бы только зрителем Своей силы над фараоном, не обращаясь к нему. — Девять чудесных знамений совершается пред их очами; семь раз Моисей и Аарон приносят им от лица фараона весть о свободе, и семь раз фараон снова укреплял узы их рабства. Сначала их сердце могло оживляться радостью при обещании облегчения и снова замирать от скорби и страха при вести о жестокости фараона, могло возникать в надежде и снова падать в отчаяние, могло меньше надеяться и глубже падать. Но, когда потом они увидели, что сила Божия не сокращается, но более возрастает, когда, несколько раз предаваясь отчаянию, они извлекаемы были из него крепкою рукою Божию, тогда неминуемо должна была в душе их зародиться мысль, что ряду чудес, верно, и конца не будет, должно было образоваться убеждение, что Бог отцов их, приблизившийся к ним для спасения, не опустит руки, не прекратит поражений. Убеждение благотворное. Спокойно, без смятений, отдыхало их сердце теперь под крепким покровом Божиим, оградившим его от казней. Бог поражал врагов их в защиту их, — и сердце их согрелось благонадежностью: «Бог по нас, кто на нас?» ([Рим. 8:31](#)). С этим чувством своей безопасности под кровом Божиим они покорно, без противоречий выполняют распоряжения, данные Моисеем к исходу, — и, когда после последнего чувствительнейшего поражения египтян получают свободу, торопливо удаляются из Рамсеса в Сокхоф.

Впрочем, это последнее обстоятельство довольно ясно показывает, что их благонадежность, чувство безопасности, сознание своей крепости в Боге, как новые в душе их, были еще очень слабы и готовы поколебаться при первой неудаче. Оттого Бог не повел их прямо в Палестину ([Исх. 13:17](#)), оттого и в пустыне водил их среди разных намеренных искушений, чтобы укрепить сии чувства; часто поставляет в таких крайних обстоятельствах, где остается ожидать одной смерти, — и тут же подает скорую руку помощи, в опытное и внутреннейшее убеждение, что они сами по себе ничто и что вся сила их в Боге. В пустыне Бог дал народу устав и закон, и там испытывал его ([Исх. 15:25](#)); а испытание, собственно, и есть раскрытие пред сознанием человека его силы в Боге и бессилия в себе.

Первый опыт такого испытания, по образу которого устроились и другие, был при Черном море. — Впереди море, сзади фараоново войско, Израиль в смертном страхе: расслабление духа, открывавшееся в Египте, снова возникло и овладело им еще в большей мере. Не зная, на что решиться, в смятении, он только ропщет ([Исх. 14:10—12](#)). «Дерзайте, стойте... Господь поборет по вас», — воодушевляет его Моисей ([Исх. 14:13—14](#))... Колесницы фараоновы и сила его погрязают в море; «сушею посреде моря» прешедший Израиль ([Исх. 15:4, 19](#)) видит руку великую, верит Богу и Моисею, угоднику Его, и поет благодарственную песнь, полную воодушевленной благонадежности, чувства совершенной безопасности и сознания своей крепости в Боге: «Бог высоко превознесен и грозен, но грозен для врагов моих; их гневом Своим посылает, как солом, и для меня всхолмляет воды и очищает пучины; Он простер десницу, и пожрала их земля, но милостию ведет народ Свой..— и провождает его силою; он Бог мой, Бог отца моего, народы слышат и трепещут, но страх и трепет их от величия мышцы Божией, явившейся тогда, когда проходил народ Его, народ Им приобретенный». Народ видит, что все усилия врагов его ничтожны, что все народы в сравнении с ним — ничто; но усваивает себе такую силу и значение потому только, что он — народ Божий, народ, Богом избранный. Здесь дано ему ощутить Божие благоволение, внимание к себе, свою близость к Нему, и даже как бы сыновство, что, собственно, и должно быть основанием сознания своей крепости в Боге ([Исх. 15](#)).

В таком же точно духе и с такою же целию воздвигнуты были и искушения при водах Мерры, в Рефидиме, — жаждою, в пустыне Син — голодом и пред Хоривом — нападением амаликитян. Поставляя в такие обстоятельства и тут же подавая скорую помощь, Господь опытно внушал народу Своему, что Он не попустит ему страдать от естественных нужд и притеснений со стороны языков, что Израиль всегда может ожидать и получать от Него довольство и безопасность, и в постоянное возбуждение и укрепление сих чувств дает им манну во всегдашнюю пищу и повелевает передать потомству Свою непрременную волю об истреблении первых притеснителей — амаликитян. Так возбуждено и укреплено в сердце Израиля чувство своей близости к Богу и Его покровительства, сознание своей силы и значительности, довольства и безопасности в Нем. При всем том сделано еще не все. Такие чувства не могут быть первоначальными, коренными. Они по существу своему суть чувства, близкие к главному и только ограждающие его; а основное чувство, или убеждение, должно зародиться и воспитаться еще глубже в сердце уже под их благотворным влиянием и защитою, — это убеждение в необходимости исполнять волю Божию. Совесть не попустит образоваться чувству близости к Богу и Его покровительства в том, кто преступает волю Божию, не даст места радости и блаженству от чувства безопасности и довольства в Боге в сердце того, кто неправо ходит пред Богом. С другой стороны, кто чувствует близость свою к Богу, кто уверен в Его покровительстве и избрании и в Нем сознает свою силу и величие, — в душе того не может не зародиться желание действовать как бы от лица Божия, не может не образоваться решимость ходить не иначе, как по Его предписаниям. Оттого видим, что сие последнее расположение и образуется у Израиля непосредственно вслед за первым, и даже в одно и то же время, попеременно с ним, того чтобы они в образовании и возрастании помогали взаимно друг другу.

Ожил дух Израиля в Египте под крепкою рукою Божиею — и Бог дает ему выполнить первую волю Свою: распоряжения касательно исхода из Египта и заповедь о Пасхе, из коих только последняя объявлена постоянным законом. Израиль в первый раз вкусил чувство свободы под защитою Божиею вне пределов рабства своего в Сокхофе — и получает два закона: о празднике опресноков и о посвящении первенцев Богу, с подробными внушениями постоянной памяти о значении их и с повелением передать их потомству ([Исх. 13:9—16](#)). По переходе чрез море Израиль вполне понял и восчувствовал свою безопасность, силу и величие, свою близость

к Богу и особенное Его покровительство себе, и чрез три дня, при водах Мерры, Бог открыто уже поставляет сии блага в полной зависимости от исполнения Своей воли. Всегда будешь под кровом Моим, — как бы так говорил ему Бог, — всегда будет тебе благо, если послушаешь гласа Моего и сотворишь угодное предо Мною ([Исх. 15:26](#)). И, чем больше дух народа укреплялся в благонадежности, тем сильнее внедрял Господь убеждение в необходимости исполнять волю Его, и, когда покойная жизнь под кровом Его делалась как бы обыкновенною от постоянства и могла дать место оплошности и послаблению, Он показывает Себя бдящим над путями людей: «искушу их, аще пойдут в законе Моем, или ни» ([Исх. 16:4](#)), — и опытным ощутительнейшим образом уверяет, что ни одно преступление не может укрыться от ока Его и что у Его правды всегда готов для него суд и казнь ([Исх. 16:20, 27—28](#)). Все это должно было образовать в душе Израиля, — под чувством безопасности, силы и значительности своей в Боге, — желание и решимость творить всегда угодное Ему и убеждение, что и под кровом Его нельзя быть покойным тому, кто не ходит путями Его.

После сего довольно понятно всякому сердце Израиля у подножия Синая, для каждого видны чувства, исполнявшие его здесь. Они доселе, можно сказать, только не выяснены для самого Израиля, не раскрыты до понятной определенности пред его сознанием, не благословлены и не освящены Богом, — вообще, не возведены в полноту и не поставлены в закон. Это сделано заветом Бога с народом. — Бог обещает им то, что в чувстве они ожидают от Него, или даже чем в чувстве уже обладают от Него, и требует того, что в чувстве давно уже предложено и предано Ему. «Сами видесте, — говорит Господь, — елика сотворих египтяном, и подъях вас яко на крылех орлих и приведох вас к Себе; и ныне аще слухом послушаете гласа Моего, и сохраните завет Мой, будете Ми людие избрани от всех язык: Моя бо есть вся земля; вы же будете Ми царское священство и язык свят» ([Исх. 19:4—6](#)). То есть как бы так говорил Господь: сами в себе вы ничтожны, но видите, как Я укрепил и возвеличил вас в Египте, как упокоил и обезопасивал потом. И отныне будете под покровом Моим, — избираю вас Себе из всех народов, — только слушайте гласа Моего. Народ того и жаждал. Он дошел уже до чувства своего избрания и особенной близости Бога к себе, ощутил свою безопасность и силу под кровом Его и сердцем вкусил радости и блаженства от сих преимуществ: он желал теперь одного, чтобы Сам Бог благословил и избрал тот порядок, который познакомил его с неземными ощущениями. Предварительно еще в душе его зародилось желание творить угодное Богу, покровителю своему, и возросло до убеждения в необходимости такой жизни: теперь ему хотелось только, чтобы Бог Сам открыто принял сию жертву сердца, хотелось увериться, что их решимость творить угодное Ему Ему благоугодна. После сего очень понятен тот восторг, то воодушевление, с каким неоднократно израильтяне выражали свою готовность принимать и выполнять повеления Божии: «отвещаша вси людие единодушно и рекоша: вся, елика рече Господь, сотворим и послушаем» ([Исх. 19:8](#)).

То есть — народ изъявлял воодушевленную решимость творить всегда волю Божию, в чувстве особенной близости Бога к себе и себя к Богу, особенного Божия избрания и покровительства, — в полной уверенности, что, будучи сам по себе ничтожен и слаб, он будет прославлен и вознесен Богом, и под Его покровом всегда будет жить в довольстве и безопасности. Моисей пространно изображает это содержание в одной из последних речей своих к народу. «В день сей заповеда тебе Господь Бог твой сотворити вся оправдания сия и судьбы; и сохраните и сотворите я от всего сердца вашего и от всея души вашей. Господа избрал еси днесь быти тебе в Бога, и ходити во всех путех Его и хранити оправдания и заповеди и судьбы Его, и послушати гласа Его. И Господь избра вас днесь, да будете Ему люди избранныи, якоже рече тебе, хранити вся заповеди Его, и быти тебе вышше всех язык, иже сотвори тя именита и хвальна и славна, быти вам людем святым Господу Богу вашему, якоже глагола»

[\(Втор. 26:16—19\)](#).

Вот душа, коренное настроение, внутреннейшее, основное расположение Израиля. Оно вызвано Божественным влиянием и укреплено навсегда Божиим благословением в завете и составляет надежнейшую сердечную основу для наздания всего законоположения. Душа обручилась волею Божиею и как закон совести будет теперь принимать каждое определение ее. После сего положительные постановления Божии часто перестают быть положительными: они радостно приемлются сердцем и обязывают уже изнутри.

Следовательно, страх и трепет не принадлежат к существу завета и законоположения Синайского. К завету, как завету, они и не могут принадлежать, потому что завет и заключается для избежания всякого страха. Страх здесь составляет только внешнее облачение завета, внешний образ явления Бога и Его закона, его делало необходимым одно обстоятельство — возраст иудеев, по коему они готовы везде ожидать послаблений и надеяться на извинения. Оттого Господь держит постоянно иудеев в страхе Своего Имени, чтобы, имея сей страх пред глазами, они не грешили ([Исх. 20:20](#)), но производит это как бы стороною, внешне, не прямо. К этому направлены страшные казни над египтянами, строгое определение на амаликитов и особенно ужасы Синайские и кровь завета. Первые два случая с первого раза внушили израильтянам чувства слабого под рукою Сильного, но вместе заставляли и трепетать — Бога, карателя противящихся Его воле; последние — давали разуметь, что предсмертный страх ожидает преступника в самом действии преступления и неминуемая скорая смерть после него. Бог являл Себя величайшим, неприступным Властителем вселенной, благоволительным к покорным Ему и гневным к врагам Своим, уверял в Своем внимании, но держал всегда в притрепетном отдалении от Себя. Всякий подзаконный должен был в чувстве сердца хранить убеждение: благо мне под кровом Божиим, но страшусь, как бы не преступить воли Божией.

Ближе к понятию о Боге, существеннее в отношении к завету, значительнее по влиянию на жизнь было само собою образовавшееся между всем сим убеждение в неизменности и ненарушимости завета со стороны Бога; то есть, что Бог никогда уже не уничтожит силы сего завета, что те, кои вступили с Ним в завет, навсегда пребудут Его частию, Его неотъемлемою собственностью, что хотя они и оставят Его, но Он не оставит их и не презрит, а только изменит Свое отношение к ним и, как попечительный отец, не прекратит наказаний, пока не доведет их до исправления, и что, следовательно, им остается одно из двух — или творить волю Божию, или страдать. Еще продолжительный ряд казней над египтянами довольно ясно уверял, что Бог непременно уже сделает что определил, что воле Его нет сопротивлений, что если угодно Ему покорить кого Своей воле, то Он покорит непременно. Но это поучение в чужом лице редким могло быть обращено на себя; в собственном лице поняли и ощутили сию истину израильтяне по преступлении завета пред Синаем. Здесь Бог то определяет всеобщую погибель, — то с Ангелом повелевает отступить от горы, чтобы не погубить всех, — то в столпе облачном вслед за скиниею Моисеевою оставляет стан, и оставляет для того, чтобы решить, что сделать Израилю ([Исх. 32:7](#)); кто не ощущал при сем, что страшный Бог обходит вокруг, нося с Собою казнь, готовую открыться в каждое мгновение? Израиль уже смирился, сетует, кается, но Бог все еще держит его в страхе и не прежде решается восстановить милостивые к нему отношения, как по самом искреннем и решительном раскаянии; кто не убедился, что праведная рука Божия не опускается и не может опуститься, пока не сломит гордого упорства, не сокрушит сердца? Господь определяет казни за нарушение завета ([Лев. 26](#)), и притом так, что всемеро обещает увеличить их, если не послушают Его ([Лев. 26:18](#)), и еще всемеро прибавить ударов, если после сего пойдут против Него ([Лев. 26:21](#)), — и еще всемеро ([Лев. 26:24](#)), — и еще всемеро ([Лев. 26:28](#)) — пока признаются в беззаконии своем и покорится необрезанное их сердце; и все это потому, что как бы израильтяне ни отделялись от Него, Он не презрит, не возненавидит их до

истребления, не нарушит завета Своего с ними ([Лев. 26:44](#)). То есть — вступивший в завет с Богом вечно будет стоять в пределах сего завета, как бы в некоем ограждении, без возможности выступить из них, — что в нем он произвольно наложил на себя некое иго, которое сложить с себя сам собою уже не властен.

Вот два убеждения и чувства, не входящие в существо завета, но непосредственно близкие к нему и служащие необходимым, хотя внешним, его облачением и ограждением для испорченных сердец, — и потому все, однако ж, должны иметь место между чувствами и расположениями вступающего в завет с Богом и войти в состав общего настроения его сердца.

2. Религиозные понятия, соответственные завету

Соответственно такому завету, и особенно соответственно откровениям Бога в Египте и в пустыне, в душе Израиля должно было образоваться особенное представление о Боге, Его свойствах и отношении к себе, — представление, определяющее состав его веры.

Израиль должен был веровать, что Иегова, изведший его из Египта, есть единый истинный Бог: ибо никто, кроме истинного Бога, не может творить знамений и чудес, какие Он сотворил пред его глазами. Они и воздвигались с тою целию, да разумеет Израиль, египтяне и все народы, что Господь Бог его «сей Бог есть... Бог на небеси горе и на земли долу, и несть Бога разве Его» ([Втор. 4:35, 39](#)); что Он есть единый истинный Творец и Владыка мира ([Исх. 20:11](#)), Бог духов и всякой плоти ([Чис. 16, 22, 27:16](#)), Коего есть «небо и небо небесе, земля и вся елика суть на ней» ([Втор. 10:14](#)), Владыка независимый и нескончаемый по бытию и господству, есть Сый ([Исх. 3:14](#)), Который Сам убьет и Сам же жити сотворит: поразит и Сам же исцелит, «и несть иже измет от руку Его» ([Втор. 32:39](#)), «царствующий, и живой во веки и на век, и еще» ([Втор. 32:40](#); [Исх. 15:18](#)), — есть Бог величайший, могущественнейший и неприступнейший, пред Которым все должно смиряться и воле Которого ничто противиться не может, — «Бог богов и Господь господей, Бог великий и крепкий и страшный» ([Втор. 9, 26, 10:17](#)), Которого рука довольна на все ([Чис. 11:23](#)); только по особенному благоволению можно слышать глас Его ([Втор. 4:33](#)), а приступить к Нему, тем паче видеть лице Его, никак не можно: «не бо узрит человек лице Бога и жив будет» ([Исх. 19, 22—24, 33:20](#); [Втор. 5:24—26](#)). Но сей Бог величайший, верил Израиль, есть наш Бог ([Ис. 5:7](#)), — Бог отцов наших — «Бог Авраамов и Бог Исааков и Бог Иаковлев» ([Исх. 3:15](#)), — избравший нас, «не яко есмы мнози, но яко возлюби» нас. «Храня клятву, еюже клялся отцем нашим... рукою крепкою и мышцею высокою» ([Втор. 7:7, 8](#)) «взя Господь Себе язык наш из среды языка» ([Втор. 4:34](#)), как «орел... простер крыле свои, и прият» нас «и подъят... на раму Своею» ([Втор. 32:11](#)), «и изведе... от печи железны из Египта, да будем Ему людие в жребий» ([Втор. 4:20](#)) — «и бысть часть Господня, людие Его Иаков, уже наследия Его Израиль» ([Втор. 32:9](#)). Сердцем уразумели мы, что «сынове есмы Господа Бога нашего» ([Втор. 8, 5, 14:1](#)); а Он — Отец наш, стяжавший нас, и сотворивший, и создавший нас ([Втор. 32:6](#)); Он хранит нас, «яко зеницу ока» ([Втор. 32:10](#)), и учит, как учит отец сына ([Втор. 8:5](#)), и никогда не оставит нас, тем менее потребит, никогда не забудет завета отцов наших, «имже клялся им» ([Втор. 4:31](#)), ибо есть Господь вечно «вселяйся посреде сынов Израилевых» ([Чис. 35:34](#)).

Иегова — Бог наш — есть «Бог верный, храняй завет Свой» ([Втор. 7:9](#)), «щедр и милостив Господь, долготерпелив и многомилостив, и истинен, и правду храняй, и творяй милость в тысящи» ([Исх. 34:6—7](#); [Чис. 14:18—19](#)); но вместе Бог, Коего дела «истинна и вси путие Его суд; Бог верен и несть неправды в Нем: праведен и преподобен Господь» ([Втор. 32:4](#)), «Иже не дивится лицу, ниже возьмет дара» ([Втор. 10:17](#)) — «отъемляй беззакония, и неправды, и грехи, и повиннаго не очистит, наводяй грехи отцев на чада, и на чада чад, до третьяго и четвертаго

рода» ([Исх. 34:7](#)), «воздай ненавидящим Его в лице потребити я; и не умедлит ненавидящим, в лице воздаст им» ([Втор. 7:10](#)). Свят есть Господь Бог наш и все освящаяй ([Лев. 11:44, 19](#) — и пр.): все, к чему прикасается Он и что посвящается Ему, делается святым и неприкосновенным ([Исх. 3:5](#); [Лев. 21, 6](#) и пр.). Избранием Израиля Себе в народ ([Втор. 7:6](#)), особенно вселением среди его ([Чис. 35:34](#)), Он освятил его, потому только святой, чистый телом и душой ([Лев. 11, 44—45, 19:2, 20:7—8](#)), может быть в сонме пред Богом. Душа, у которой нет такой чистоты, оскверняет имя святое Божие ([Лев. 18, 21, 19:12, 22:4](#)), потому грех приемлет и должна потребиться ([Лев. 19:8](#); [Чис. 19:20](#)). Он есть Господь Бог наш, потребляяй все нечистое — «Бог ревнитель» ([Втор. 4:24](#)). Вообще Бог изобразил Себя относительно иудеев попечительным о их совершенстве и доброте Отцом, благоволительным, милостивым и щедрым, когда повинуются Ему; но всегда строго назирающим за ними и тотчас готовым обличить и наказать за всякое намеренное противление Ему, готовым простить кающегося, но не оставить упорного без воздаяния. Таким показал Он Себя при всех возмущениях и преступлениях Израиля в пустыне.

3. Религиозные чувствования

Кто сердцем принял сии понятия, у кого они не остались одними представлениями, а переродились в убеждения, в душе того непосредственно из них должны возникнуть и образоваться соответственные религиозные чувства, характеризующие религию сердца у сынов Израиля.

Когда душа приникла вниманием и чувством к завету, то первое, что рождалось в ней, было:

а) **чувство** особенного Божия благоволения к себе, явленного в избрании, избавлении и хранении, — особенной близости Бога к себе ([Чис. 10, 35—36, 16:3](#); [Втор. 4:7](#)), — своего сыновства Богу ([Исх. 4:22](#); [Втор. 1, 31, 14:1](#)): каждый сын Израиля, как и весь сонм их, исповедовал: «Бог мой, Бог отца моего» ([Исх. 15:2](#)).

б) А сие чувство естественно располагало душу к **сыновне-благодарной любви** к Богу, Который воскресил, оживил и обновил упавший и расстроенный дух Израиля и сделал то, что он стал ходить, подняв главу ([Лев. 26:13](#)), — и тем обязал его непрестанно помнить — и как бы пред глазами носить — все благодеяния Его ([Втор. 6:7—9](#), 8и пр.). Ему единому служить к Нему единому прилепляться ([Втор. 6:13, 10](#) и др.), Его единого любить от всего сердца, от всей души, и от всей силы ([Втор. 6:5, 11](#) и др.). — Такая крепкая любовь, с одной стороны (преимущественно как благодарная), возбуждала —

в) **пламенную ревность о славе Божией**, не допускающую никакого хульного помышления о Боге и не терпящую его в других, не только как дела, но даже как мысли. Бог определяет истребить весь народ: Моисей забывает при сем все — и народ, и себя; одна мысль беспокоит его — это возможное умаление славы Божией в глазах других народов: «рекут еси языцы, елицы слышаша имя Твое, глаголюще: занеже не возможе Господь людей своих ввести в землю, о нейже клятса им, погуби их в пустыни» ([Числ. 14:15—16](#)); — «с лукавством изведе их погубити в горах и потребити их от земли» ([Исх. 32:12](#)), «и ныне да вознесется рука Господня». — Такая ревность не медлит побивать камнями всякого открытого хульника и поставить такой суд постоянным для себя законом ([Лев. 24:10—16](#)).

г) **Прославление Его имени**, в котором душа не только воздавала величие Богу ([Втор. 32:3](#)) — чудному и великому Самому по Себе, не только прославляла Его как Бога своего или как Бога отцов своих ([Исх. 15:2](#)); но особенно ощущала Его славу в славных делах Его и прославляла Его, когда Он Сам прославлял Себя: «Поим Господеви, славно бо прославися... Кто подобен Тебе... Господи, кто подобен Тебе? Прославлен во святых, дивен в славе, творяй

чудеса» ([Исх. 15:1, 11](#)); — а с другой (преимущественно как сыновняя) —

д) **возвышала веру**, укрепляя сердечное убеждение в том, что все слова Божии — непреложно истинны, все обетования — верны, все распоряжения — праведны и благи ([Втор. 32:4](#)), — а вместе с сею верою образовывала —

е) **сыновнее доверие**, с каким Моисей и Аарон всегда и обращались к Богу во всех нуждах своих и народа во всех тесных обстоятельствах, нисколько не сомневаясь в скорой помощи;

ж) **упование, или полную благонадежность**, убежденную, что Господь не попустит народу Своему страдать и терпеть насилие от других народов, а напротив, будет всегда держать его в довольстве и безопасности ([Втор. 7:13—16](#)) Пусть все народы восстанут; он не повредится от лица их: «яко Господь Бог его с ним, Бог великий и крепкий» ([Втор. 7:21](#)), «Господь прибежище» его ([Исх. 17:15](#)). «Любит нас Господь», говорили к народу Иисус Навин и Халев, «введет нас в землю ту» (кипящую медом и млеко) «и даст ю нам... не убойтесь людей земли тоя, понеже в снедь нам есть: отступило бо время от них, Господь же с нами, не убойтесь их» ([Чис. 14:7—9](#)) и —

з) **полное предание себя распоряжениям Божиим, всецелое успокоение в воле Его**, по которому Израиль, не ослабевая в своей деятельности, успеха всякого ожидает от Бога, и всякий случай — благоприятный или неблагоприятный — приемля как от руки Божией, встречает с полною покорностию, даже с радостию, как источник благ для него — и вообще убежден, что все устрояется Богом, и притом самым лучшим, самым благодетельным образом для него и для других. Весь Израиль постоянно веровал, что тому только и счастье во всем, кого благословит Бог ([Втор. 7, 13, 16:10](#)), и, напротив, беда за бедою будет находить на того, кого проклянет Господь ([Втор. 28:16—19](#)). «Не восходите: несть бо Господь с вами, и падете пред лицом враг ваших» ([Чис. 14:42](#)) — так пророчески по сему чувству говорил Моисей к народу, когда он с самонадеянностію хотел одолеть один врагов своих. Израиль пришел к пределам Палестины. Моисею сильно хочется быть в ней — и он пламенно молится о том Богу ([Втор. 3:23—25](#)), но Господь сказал: «взойди на гору... и умри» ([Втор. 32:49—50](#)), — и, со всем благодушием покоряясь определению Божию, он говорит только: «да изберет Господь Бог духов и всякия плоти человека над сонмом сим» ([Чис. 27:16](#)), восходит на гору и умирает там ([Втор. 34:1, 5](#)). Недостатки, неудобства в странствовании по пустыне иногда смущали часть народа, иногда весь сонм его превращали в один жалобный стон, а благочестивое сердце благодушествовало под убеждением, что Господь так озлобляет и искушает, чтобы напоследок от того вышло существенное благо для него и из него ([Втор. 8:16—17](#)). Тот же и другой ряд чувств, развивающихся из любви, во взаимной совокупности внушал и во свидетельство о себе, и в подкрепление себя —

и) **благоугождение Богу** — полную покорность воле Его — Спасителя, Защитника, Отца. В том и любовь к Богу, кто все слова Его хранит в сердце своем и в душе своей ([Втор. 6, 5—6, 11:1](#)); тот величает и прославляет Его как сын, кто доброе и угодное всегда пред Ним творит ([Втор. 13, 18, 32:3—6, Лев. 19:12](#)); тому и можно надеяться на Его особую помощь и покровительство, можно быть убежденным, что несомненно придут на него все обетованные блага, кто не восстанет против Господа ([Чис. 14:8—9](#)), и вообще — тогда только и будет хранить Господь завет Свой и милость Свою, когда сохранят Его постановления ([Втор. 7:12](#)), —

к) **смирение**, признающее в сердце и исповедающее, что Израиль силен и доволен не сам собою, а только в Боге и от Бога; — что не «ради правды своя, ниже ради преподобия сердца своего входит он наследити землю» ([Втор. 9:4—5](#)), — что не собственная его крепость, и не сила своей руки сотворила ему силу великую; но Господь Бог, «Той даде... крепость, еже сотворити силу» ([Втор. 8:17—18](#)). Кто забудет Иегову и вознесется сердцем, погибнет ([Втор. 8:11, 14, 19](#)), —

и л) **молитву**, как полное выражение всех религиозных чувств и их упражнение и пища, укрепление и возвышение ([Исх. 15:1—18](#); [Лев. 4, 26, 14:20](#); [Чис. 14:19](#); [Втор. 26:5—9, 13—15](#)).

Но, когда Израиль изображал Бога в мыслях своих во всем том величии, в каком Он обыкновенно открывался ему, — тогда сердце его исполнялось —

м) **притрепетного благоговения** не только к Богу, величайшему и могущественнейшему, но даже и к месту Его явления: Моисей иззывает сапог и от ног своих — и весь Израиль не смеет прикоснуться к горе, избранной для Богоявления. «Убояшася людие Господа», когда увидели «руку великую», спасшую их и потопившую египтян в море ([Исх. 14:31](#)), — и в трепете отступили от горы, с которой между громами и молнией Господь давал им закон ([Исх. 20:18—19](#)), —

н) **раболепного самоуничужения** падающего в прах пред великим и праведным Богом: «Господь праведен, аз же и людие мои нечестиви», — исповедал Моисей ([Исх. 9:27](#)), — и в этих, без сомнения, мыслях всякий раз вместе с Аароном падал пред скиниею, —

о) **смертной боязни** приблизиться к Богу, тем паче увидеть лице Его. «И ныне да не измрем», — говорил Израиль Моисею, выслушав десятословие, — «яко потребит нас огонь великий сей, аще приложим мы слышати глас Господа Бога нашего ктому, и умрем» ([Втор. 5:25](#)), —

и п) **боязливое хождения пред Богом** — так полно выражаемого стоянием на страже Господней ([Лев. 18, 30, 22:9](#); [Чис. 1:53](#) — и множество других). Господа Бога твоего «да убоишися... яко Бог ревнив Господь Бог твой посреде тебе; да не разгневався яростию Господь Бог твой на тя, истребит тя» ([Втор. 6:15](#)).

Таким образом, в вере подзаконной во всей полноте выражены и любовь, и страх, и сыновство, и рабство. И сын Израиля, ходящий в духе своей веры, — в отношении к Богу, — то исполнялся благих, веселящих, умиротворяющих и расширяющих дух сердечных чувств, то болезненных, томящих, возмущающих и стесняющих. Переходя от одних к другим и медля и поражаясь в одних более, а в других менее, смотря по состоянию сердца и совести, и отрезвляя и ободряя первые последними, — а последние умаляя и умягчая первыми, — он являлся во всякое время благоговейным читателем чудного в делах, хранящего правду и всегда открывающего милость Свою, как бы сквозь гнев ([Исх. 20, 5, 34:6—71](#) [Чис. 14:18](#); [Втор. 7:9—10](#)), Иеговы, Бога своего, так что у него никогда ни любовь не поглощала страха, ни страх не подавлял любви, но то и другое чувство, в какой бы то ни было мере, имели место в его сердце во всю жизнь. Должно, однако ж, положить, что первоначально преобладал страх над любовью, а под конец любовь возвышалась над страхом, как это в своем примере показал Моисей и как думать должно по отношению душевных чувств. Нельзя было не бояться Бога, так страшно явившегося; но, чем более сей Бог являл милости и благодеяний и чем более человек являл опытов своей покорности Его воле, тем более страх сей должен был умаляться, тем большее право и большую смелость давали человеку сердце и совесть — приступать к Богу с благонадежностью и сыновним дерзновением.

4. Нравственные расположения, или практические чувства

В полном соответствии с заветом, религиозными понятиями и чувствами предписываются и практические чувства — нравственные расположения, или деятельные стремления воли. В первом положено для всех их одно общее основание, последние, с одной стороны, развивают и ообразообразивают, с другой — возбуждают и укрепляют их в сердце.

Завет в существе своем носит нравственный характер. Он возбуждал и требовал а) воодушевленной «решимости ходить в воле Божией». Она и составляла коренное настроение

воли, воспринимавшее с равною готовностью и обя-занностью все, что исходило от воли Божией,— и «заповеди, и оправдания, и суды» ([Чис. 36:13](#); [Втор. 6, 1, 8:11](#)). Дав Иегове однажды обет от всей души и от всего сердца хранить все сие, Израиль всегда уже потом сознавал, что в том и праведность его, если он будет стараться исполнять все заповеди закона пред лицом Иеговы, Бога своего, как Он повелел ([Втор. 6:25](#)). Это совестное обязательство, при убеждении в непреложности воли Божией, доказанной и внушенной самым делом, первоначально возбудило и образовало — б) **чувство** являться в сонме сынов Израилевых — в скинию. А здесь один общий взгляд на скинию и торжествующих братьев не мог не восстановить в его душе разорванного союза с Богом. Таинственная прикровенность жилища Божия, его неприкосновенность и освященность должны были породить в нем ощущение присутствия здесь невидимой и сокровенной силы; торжественность и великолепие обрядов внушали мысль о живой связи с нею служения и служащих; а веселый, торжествующий, удовлетворенный вид празднующих убеждал, что от нее чрез сие служение исходит блаженство.

Кто не пожелает и себе вкусить сего блаженства — общим, видимым у всех путем — особенно когда сей путь может быть не раз уже был изведен? — Мало того: он слышит книгу закона причем повторяет в мысли все благодеяния Божий, завет, обетования и казни. Кто не пожелает засвидетельствовать Богу благодарность и сохранить завет Его, чтобы удостоиться обетования и избежать казни? Когда же, таким образом, воскреснет общий дух благочестия, возбудится религия сердца, тогда легко ему развиться в многообразии религиозных чувств, как общих, так и заветных. Обряды, совершающиеся пред его глазами или совершаемые им самим, помогут ему в этом. Ибо если они удовлетворяют религиозные чувства, то в их форме и принадлежностях должно быть некое их предызображение. Потому каждый обряд мог и возбуждать прикрытое в нем чувство — в том, кто его видит или совершает, подобно тому, как какая-либо мысль или какое-либо чувство, выраженное художником на картине, воспроизводятся и в душе ее наблюдателя. Этим путем обрядность могла возбужденное им первоначально неопределенное чувство своего близкого отношения к Богу раскрыть в разнообразии всех чувств, коим удовлетворяет, и потом воспитать и укрепить каждое в отдельности. Должно, впрочем, заметить, что как вся обрядность носит один неко-торый тип, то известного рода и дух благочестия могла она образовать. Это — опасливое, притрепетное хождение пред Богом, от которого, однако ж, надеются несомненно получить всякое благо, усиливаемое и поддерживаемое убеждением в ничтожности пред Ним и всецелой чистоте. Мы уже видели, как Бог приближался к народу в обрядах и как вместе отдалялся от него. Кто ходил по сим постановлениям, тот не мог не исполняться и чувством близости к Богу, а отсюда — чувством благонадежности от покровительства Божия, и смертным страхом, ограждавшим все богослужение, который, однако ж, был очевиднее тех благих чувств. Истрезвляя сии последние и по временам даже прерывая болезненными потрясениями, он делал человека бодренным стражем и, таким образом, внушал дух, благоговейно ходящий пред Богом, Которому предан всем своим существом. Свою ничтожность народ сознавал и ощущал вполне, наученный рабством в Египте и постоянными испытаниями в пустыне. Чувство смирения укреплял потом в народе и поставлял ему в непременную обязанность Моисей в последней речи своей к народу, изображая пред ним все неправды пред Богом и оскорбления Его величия и любви ([Втор. 9](#)). Смирение и самоуничижение существенно необходимы для поддержания в сердце благочестия, преданности и непоколебимой верности Богу. Потому и сознание своей греховности пред Богом, как первое из средств к самоуничижению и смирению, в такой же силе внушается обрядностью, в какой и самые религиозные чувства. Рождается у израильянина сын или дочь: дитя и мать — и сами нечисты, и делают нечистым все, к чему ни прикасаются, как будто они вышли из какой-нибудь области нечистоты, и не прежде получают право на общение с другими,

как по принесении чрез известное время жертвы, которая притом напоминала о грехе как источнике нечистоты ([Лев. 12:1—8](#)). Начинает кто болеть или совсем умирать — он нечист; не должно входить в общение с ним и прикасаться к нему ([Лев. 12:13—15](#)). А в день очищения ([Лев. 12:16](#)) весь Израиль приходил пред Господа, смирялся, исповедовал себя грешником пред Ним и от Него единого ждал очищения. Никто не говорит здесь о том или другом грехе, о той или другой нечистоте, для всего этого были особые обряды. Здесь все исповедают только, что они вообще нечисты, вообще грешны, и нечисты до того, что само святое жилище Божие и все святыни Его, находясь среди их, делаются нечистыми и требуют очищения ([Лев. 16:16](#)). Мог ли кто после сего думать, что он прав и невинен пред Богом? И так в каждом внимательном исполнителе своем обрядность могла образовать дух смиренный и самоуничиженный, страшливый и бдительный, но преданный Богу всем своим существом, упокоевающийся под Его защиту и покровительством и блаженствующий в сем упокоении.

5. Обрядность как средство к образованию и укреплению нравственных расположений

Нравственные расположения Израиля стоят, как мы видели, в тесной непосредственной связи с заветом и религиозными чувствами, так что они суть не что иное, как приложение сих последних к деятельности, или восприятие их волею. Потому обрядность, находясь в таком близком отношении к завету и чувствам, показывая на них такое сильное влияние, тем сама простирает уже сие влияние и до чувств практических. Впрочем, в своем устройстве она представляет способы и к прямому непосредственному их образованию, и особенно главнейших из них, каковы: аа) решимость исполнять волю Божию и бб) братняя деятельная любовь.

аа) Убеждение в необходимости исполнять волю Божию, так сильно внушаемое и тем, что все в обрядах до самонаименьших подробностей поставлено в неизменный вечный закон, за нарушение коего смерть, и особенно тем, что в Церкви подзаконной нет места грешнику, намеренно грешащему или не раскаивающемуся, и если есть жертвы очистительные, то только для тех, кои грешат по ошибке и неведению ([Лев. 4:2, 13](#) и др.), — такое убеждение не могло не рождать желания ходить в заповедях Божиих. Сие желание, первоначально еще не утвержденное и не окрепшее в душе, более и более потом могло устанавливаться, ближе и ближе подходить к постоянным настроениям и перейти наконец во всегдашний характер воли у того, кто неуклонно станет ходить в оправданиях Божиих. Ибо здесь все запечатлено волею Божиею: ходящий в оправданиях невольно приучался волю свою подчинять воле Божией и подчинять без размышления, потому что очень многого здесь он совершенно не мог понять и должен был исполнять только потому, что на то есть воля Божия. Это, можно сказать, преимущественная цель того, что Израиль во всех своих путях был огражден обрядностью, — чтобы, после того как он дал клятву исполнять единственно волю Божию, с одной стороны — вблизи его, как бы под рукою, положить ему средства к исполнению сей клятвы, с другой — доставить способ к возведению соответственного сей клятве расположения воли в постоянный неизменный закон сердца и совести, как бы в закон природы.

бб) Закон обрядовый тем, что приучал всякое благо получать как бы из руки Божией, устранил всякую мысль об исключительной собственности и отвлекал сердце от всякого пристрастия к ней, а повелевая так щедро и притом самым лучшим жертвовать Богу — в начатках, десятинах и других приношениях, он располагал к щедродательности и благотворительности всем братьям своим вообще, ибо это первый непосредственный плод беспристрастия. Если бы у кого ослабело чувство братства, закон сей мог возобновить и оживить его, показывая, что все вообще сыны Израиля равны пред Богом и равное имеют право

приступать к Нему с служением и жертвами, повелевая приглашать к столу своему в известных торжествах и раба, и пришельца, и левита. И, особенно, с этою целию учреждая общенародные праздники. Здесь весь Израиль стекался в одно место, воодушевлялся одним чувством, преисполнялся одними воспоминаниями и тем, естественно, приходил к единодушию и взаимной сердечной связи.

6. Практические правила, как поприще для упражнения по преимуществу нравственных расположений

Следовало бы по плану начертать теперь частные правила нравственные, как законные способы выражения практических чувств и как поприще для их упражнения, но оставляем такое начертание и потому, что оно ничего не прибавит к тому, что уже сказано о нравственном настроении Израиля, а особенно потому, что сии частные правила и руководствовали нас к уразумению самых практических чувств, кои в Писании не указаны слово в слово, — так что доказательство и подтверждение их мы обыкновенно приводили только несколько правил, кои заставляли предполагать в основании своем известное чувство и могли при исполнении их возбудить и образовать его. Итак, все частные правила деятельности уже указаны там, где говорено о нравственных. Заметим только, что как в обрядах, направленных собственно к воспитанию религиозных чувств, есть место и развитию нравственных расположений, так и в нравственных правилах — собственно, поприще для воспитания практических чувств — есть и такие, кои представляют средства к выражению и упражнению чувств религиозных. Стоит только обратиться к десятословию, — которое есть семя всех нравственных правил, рассеянных в Пятюкнижии, — чтобы увериться в этом. В нем первая скрижаль выражает и упражняет исповедание Бога своим Богом, благоговение к Нему и желание служить Ему — упражняет чувства религиозные. К тому же направлена потом и целая часть нравственных правил. Это значит, что, когда из завета, под влиянием известных понятий о Боге, развились религиозные и практические чувства, тогда все это в совокупности составило внутреннее сердца Израилева, самую его глубину. Теперь сему невидимому духу дается двоякий покров — двоякое средство раскрытия и засвидетельствования о себе и пред своим сознанием, и пред другими. Будучи не разделен сам в себе при обоих родах чувств, дух сей там и здесь находит для себя пищу, поприще для деятельности, там и здесь выражается весь, питает и свои религиозные чувства, и свои нравственные расположения.

7. Гражданские постановления и вообще все устройство общества применительно к религии подзаконной

Еще нагляднее и крепче ограждение нравственно-религиозного духа заключается в гражданских постановлениях. В яйце есть зародыш; его облегает жидкость, необходимая для него в первом развитии пища; и зародыш, и сия жидкость ограждаются скорлупою. — В древе начало жизненности составляет сок; клетчатая система — поприще его движений; кора — необходимое для него ограждение. Нравственно-религиозные чувства — это зародыш, начало жизни; их пища и поприще, где они раскрывают свою деятельность: — обрядность и частные практические правила; гражданские постановления — ограждение, опора, обезопасение бытия последних, а чрез них и первых. Нравственно-религиозные чувства не разовьются и не окрепнут без правил и обрядности, по последние не устоят, если не оградить их строгою необходимостью, казнию и принуждением. Потому-то заповеди и оправдания — и

а) обезопасиваются судами. Постановлено умертвить пророка, который бы говорил Израилю, еже прельстите его от Господа Бога его ([Втор.13:5](#)); каждый израильтянин должен был первый открыть и первый наложить руку на брата, сына, дочь и жену, если бы кто из них тайно говорил: «идем и послужим богам иным» ([Втор. 13:6—10](#)). Должно было убить убийством меча и проклятием проклясть все живущее во граде, зараженном идолопоклонством, самый град и корысти его сжечь, чтобы был пуст и «не возградился по сем» ([Втор. 13:15—16](#)); должно было изыскать со всем тщанием мужа и жену, о которых возвещено, что они поклонялись «солнцу, или луне, или всякому, яже от красоты небесныя»,— и побить камнем «да умрет» ([Втор. 17:2—5](#)); смерть — дающим от семени своего Молоху и причащающимся Веельфегору ([Лев. 20:2—3](#); [Чис. 25:4—5](#)); смерть волхвам, чревобасникам и волшебникам, равно как и тем, кои прибегают к ним ([Исх. 22:18](#); [Лев. 20:6, 27](#)). Весь сонм сынов Израилевых «камением да побьют... иже аще прокленет Бога своего... и нарицай» таким образом («хуляй» в подлиннике) «имя Господне, смертию да умрет» ([Лев. 24:15—16](#)). Потребуется от среды людей своих всякая душа, которая осквернит субботу, сотворив в нее какое-либо дело ([Исх. 31, 14, 35:2](#); [Чис. 15:32—36](#)), и вообще смерть всякому, кто нарушит какое-либо обрядовое постановление (например, [Лев. 23, 29, 17:11—12](#) и др.). Таким образом, вся первая скрижаль из нравственной сделалась гражданскою, и заповеди ее стали судом. То же самое и в отношении ко второй скрижали. Действия неуважения к родителям — удар, злословие, проклятие — наказываются смертию и проклятием ([Исх.21:15—17](#); [Лев.20, 9](#); [Втор.27:16](#)), — и сын непокорный, безнравственный и притом неисправимый по суду изымается из среды народа, как злой, как язва его ([Втор. 21:18—21](#)). Судом ограждены жизнь, здоровье, целость всего тела и каждого в частности члена: «воздают жизнь за жизнь, око за око, зуб за зуб, ногу за ногу, руку за руку, рану за рану, ожжение за ожжение» ([Исх. 21:23—25](#); [Лев. 24:19—22](#); [Втор. 19:16—21](#)). Строгим правом возмездия обезопасено имущество и всякий даже малейший ущерб его ([Исх. 21, 33—36, 22:1—11, Лев. 24:21](#)). Гражданский закон охраняет целомудрие и доброе имя другого, казнит нецеломудренных во всех их видах ([Исх. 22:16—17](#); [Лев. 26:10—21](#)), а лжесвидетелю налагает то же самое наказание, какое следовало оклеветанному ([Втор. 19:18, 20](#)).

Приемля, таким образом, в свое заведование нравственные правила, облакая их таковою строгостию, гражданский закон становится каменною оградой и движущимся в них религиозным и практическим чувствам: он упокоивает, собирает душу в себе, не давая ей расходиться вовне. Обезопасенный насчет внешнего своего состояния, человек мирно мог чтить Бога и благотворить ближнему, не тревожась и не мучась подозрениями: закон все взял на себя. Даже и тогда, как другой является преступником именно в отношении к нему, он может сохранять к нему мирные расположения и, не раздражаясь против него, предать его законам. При таком порядке Израилю дана полная возможность зреть в духе своей религии под прикрытием закона, как птенец зреет под скорлупою.

Находясь в таком близком отношении к нравственности и религии, служа им так благоприятно, гражданские постановления

б) естественно приноравляются к ним, проникаются ими, и, с одной стороны,—

аа) берут себе из них начала и основания. Оттого, разбирая преступное дело, закон смотрит на намерение,— и объявляет невинным того, кто нанес вред здоровью или имени другого, даже лишил его жизни, не имея злобы в сердце ([Исх. 21:12—14](#)); имеет в виду религиозное значение обиженного,— и казнит смертию насильственно лишившего свободы брата, который должен быть рабом единственно Божиим ([Исх. 21:17](#); [Втор. 24:7](#)), и не по-зволяет при легких преступлениях давать брату более 40 ударов, ибо «иначе срам брату» ([Втор. 25:2—3](#)) и

бб) усвоят их дух — дух строгого суда и казни в отношении к преступникам

злонамеренным,— и дух сострадательности и сердобольности, какой выражен в законах о рабах, пришельцах, бедных, и в предписании изыскивать намерение преступника и действительность проказы у оподозренного: «здесь они щадят и смятенное состояние доброго сердца, и вообще дух правоты самостоятельной, благо-рассмотрительной, нелицеприятной, бескорыстной» ([Исх. 23:1—8](#); [Втор. 24, 16, 27:18](#)) — точь-в-точь соразмеряющей воздаяние с делом и решающей его всегда так, как требует правдивое сердце; —

с другой — вв) делают уступку, жертвуют собою нравственности и религии и умягчают ими строгость свою, оттого не попускают только, но предписывают то, что по началам прав в обществе неуместно, как то: «давать другому займы без роста и даже ожидания отдачи; отказываться от некоторой части своей жатвы — в пользу бедного и путешественника» ([Втор. 24:19—22](#)); чрез 6 лет давать рабам свободу; из воинов оставлять дома тех, кои заняты каким-либо семейным делом.

в) Отсюда уже само собою следует, что они теряют свой самостоятельный характер. Не имея цели в себе, а в религии и нравственности, они становятся в отношении к ним средством, а следовательно, приличны и дают бытие обществу нравственно-религиозному, или Церкви, там, где приходят в исполнение. Таковым и было общество еврейское. По завету Израиль сделался народом святым, царством священников — непрерывных служителей истинного Бога ([Исх. 19:6](#); [Лев. 11:44—45](#) [Втор. 7, 6](#) и др.),— и посмотрите ли на его семейную или на общественную жизнь: там и здесь все носит характер религиозный, в жизнь поглощена, так сказать, религиею, и непрерывная цепь дел ее представляет непрерывное служение Богу. В пище, одежде, чистоте тела и дома, в сыне и рабе — Израиль не напоминая только носит о Боге своем, но и творит волю Его. Он живет в прекрасной земле, но она Божия; у него крепкие города, хорошие дома, но их дал ему Бог; первенец его или скот его есть достояние Божие, и всякое вообще благо он ожидает и получает прямо от Бога. С Божия благословения начинает он жатву, в радости о благословении продолжает и оканчивает живым благодарением: он не съест зерна, не вкусит плода прежде приношения от них Господу. Осчастливленный, приносит благодарственные жертвы и устраивает пир, где участвуют у него, кроме семейства, вдова и сирота, пришлец и левит ([Втор. 12:4—19](#)): «ест и веселится пред Господом» ([Втор.16:11](#)), но не для пресыщения, а для того, чтобы научиться бояться Господа ([Втор. 14:22—29](#)). Господу посвящает он утро и вечер дня, начало месяца и года; все празднества его, установленные в воспоминание событий, утвердивших его народную независимость, суть празднества религиозные; и в своих субботних годах и юбилеях — временах по преимуществу народных — он упражняет только свою добрую волю, или служит Богу, или учится служить. Он исполнен единодушия: «общим судом решает дело и определяет казнь» ([Втор. 17:7](#)), всем собором и исполняет ее; но, совершая это, он изымает и погубляет злое из себя самого ([Втор. 13:5](#)), истребляет мерзость во Израиле ([Втор. 17:4](#)). Его единодушное ревнование о правоте и чистоте есть плод патриотизма, не терпящего ничего оскверняющего или унижающего целое общество или один какой род его ([Лев. 20:14, 21:9](#)); не терпит он ничего в себе нечистого потому, что среди его живет Святой Бог его ([Втор. 23:13—14](#); [Лев. 13:46, 15:23](#)). У него есть писанные законы, но сии законы от Бога; есть начальники и судьи, но их избирает Бог и многое за них решает Сам; есть войско и предводители, но поборают за них всегда один Бог. Для него всё — Бог. Он Царь его, которому одному и платит дань ([Исх. 30:13—14](#)), его верховный законодатель, каждый закон освятивший Своим Царственным именем: «Я Иегова» ([Исх. 20—23](#)), его верховный Судья, посредственно и непосредственно решающий его сомнительные дела ([Чис. 12:1—11](#); [Втор. 17:8—12](#) и др.), и Сам же исполняющий определения своих судов, или чудесно ([Чис. 11:33—35, 12:1—15, 16:1—50](#)), или невидимым устройством Промысла ([Лев. 26](#); [Втор. 28—30](#); [Лев. 20:3—6](#)), его предводитель в войне, назначающий, на кого воевать, кого щадить и кого истреблять вконец, Сам поборающий

в сражении и получающий часть из добычи ([Чис. 31:27—34](#)). Скиния, жилище Божие — есть жилище его Царя; в ней хранятся законы — основание государства; около нее, как стражи дома царева, располагаются левиты, а далее уже и все израильтяне в четырех полках по четырем сторонам. Здесь звук трубы у скинии назначал собрание ([Чис. 10:2—4](#)); движение облака над скинией давало знак к начатию и прекращению пути; сюда стекается народ решать свои дела и вопрошать Бога о суде ([Чис. 15, 32—41, 17:1—11](#)). Скиния с освященными лицами составляет центр, душу всего народа.

Так, и внутри — в нравственно-религиозном порядке, и извне — в устройстве гражданском. Там все исходит, а здесь все возвращается к Богу. Там из завета, как из семени, развивается ряд религиозных чувств и нравственных расположений, облекающихся потом множеством обрядов и практических правил. Здесь законы гражданские принимают сии правила и обряды под свою защиту, сходятся потом сами в некоторые круги (семейство, общество, правители, управляемые) и, сосредоточившись около скинии, и сами восходят, и всех возводят к Богу. Страх суда и смертной казни вразумляет человека и, приведши его к скинии, вводит в завет с Богом. Живя по сему завету, он развивал в себе нравственно-религиозный дух, который опирается на оправдания и заповедях, и питается в них, огражденных судом.

Если снова забывался человек, сии суды снова вразумляли его и снова приводили к Богу. Вообще бодренный страж завета то свободно витал в духе, — в завете и нравственно-религиозных чувствах, то подчинялся принятым оправданиям и заповедям; то жил в чувстве, то переходил в холодную законность; то блаженствовал, то страшился; но во всяком случае исходил от Бога и к Богу возвращался. Таким образом, все устройство постановлений в подзаконной религии походит на устройство вен и артерий в нашем теле: последние берут из сердца кровь хорошую и разносят ее по всему телу во множестве своих разветвлений; так из завета развиваются нравственно-религиозные чувства; первые множеством своих разветвлений собирают из всего тела ненужное и испорченное и возвращают к сердцу для оживления и очищения; так суды возвращают к Богу порочных. Потому сие устройство есть устройство живое и живородящее.

8. Как освоился народ с новым порядком и чем укреплялся в хождении по нему

Таков нравственно-религиозный и обще-ственный порядок, учрежденный в народе еврейском! Как порядок чисто положительный, он стоял еще вне его: надобно было сроднить, освоить с ним дух народа, чтобы уже не чуждым и сторонним, а своим кровным считал он его; надобно было обезопасить его пребывание в сердце, дать духу крепительную силу к хождению по нему. Спрашивается, как сделано то и другое в народе еврейском?

а) Как освоился с сим порядком народ?

аа) Начало такого освоения, возможность, или психическая основа, лежит в состоянии еврейского народа и особенно в настроении его духа. Народ еврейский уже возрос в Египте и был готов принять новое религиозно-гражданское устройство. Формы патриархальной жизни стали сменяться у него новым порядком. У него являются уже надзиратели ([Исх. 5:13—14](#)) и старейшины ([Исх. 6:14](#)) — не отцы семейства, священники — не старшие в роде, или первенцы; но то и другое — лица, составляющие особенный класс; образуются правила и постановления, известные всем и всеми принимаемые, расширяется образ богослужения. Он созрел уже к преобразованию, следы которого начинают показываться и сами собою. Значит, народ еврейский, по степени своего развития, сам в себе не представлял никакой препоны, даже являл себя готовым тому, кто бы хотел дать ему новое образование. Мы знаем уже, как народ

еврейский и пал, и омертвел в духе и как Бог чудодейственной силою воскресил сей дух и явил его, как из мертвых, живым. Народ еврейский, значит, был то же, что мертвая масса. Бог взял ее, исполнил новою жизнью и, как художник, мог дать ей какое угодно образование, а новая, еще не устоявшаяся жизнь способна была принять его, в каком бы виде оно ни явилось. Это гражданско-психическое основание усилено потом и освящено религиозным. Народ изъявил воодушевленную решимость слышать Бога и творить волю Его. На таком основании можно благонадежно называть какое угодно здание, только бы оно во всех своих частях и подробностях носило один общий характер — волю Божию. Так это и сделано. Потому вообще новый порядок принят народом, как роса жаждущею землею, как нечто чаемое и желаемое, и, следовательно, легко мог быть усвоен им, потому что народ еще прежде, в предрасположении, уже сроднился с сим порядком.

бб) При всем том такая основа к освоению не решительно надежна. Как основа более психическая, она легко могла изменяться, подобно самой душе, непрерывно изменяющейся; и, как основа общая, неопределенная, сокрытая еще как бы в семени, могла не быть достаточною для малейших подробностей и частных, коих так много, потому Господь а) укрепляет ее чудесным руководством и б) расширяет практикою.

а) Сие руководство, вообще давая ощущать близость Бога к себе, возобновляло и чувство отношения к Нему, а вместе и сознание необходимости ходить в воле Его. Свидетель чудес беспрекословно будет исполнять сию волю, что бы она ни предписывала, особенно же такого расположения должно ожидать от него, когда чудеса направлены именно к тому, чтобы образовать в душе его чувства и убеждения, непосредственно направленные к новому порядку. Действительно, такого свойства все чудеса, виденные Израилем при Синае и вскоре по отходе от него. Одни действия Божий по преступлении народом закона показывали непреложность завета и строгое правосудие в Боге, готовом на милость, но как бы сквозь гнев возбуждали в оставляемом себе народе сознание своей ничтожности и сильное желание Божественного покровительства, внушали, что от него по преимуществу требуется Детская покорность беспрекословная, а в конце воскресили вообще нравственно-религиозный Дух, который после сего, как дважды образованный — сначала свободно, а здесь в болезнях рождения, — стяжал как бы двоякую и крепость. Другими судами внушал Господь частнее то святость обрядовых постановлений, в умерщвлении Надава и Авиуда, то неприкосновенность Моисеева и Ааронова достоинства, в поражении Корея, Дафана и Авирона и в прозябении жезла Ааронова; или укреплял убеждение, что народ без Него — ничто, преданием его поражению при Кадес-Варни, и что вся помощь его от Господа — в питании крастелями (перепелами) чрез целый месяц, или вообще приучал — быть на страже, опытно уверяя, что всякое преступление Он видит и в каждое мгновение готовит для него казнь. А чудеса постоянные — именно, что израильтяне были всегда предводимы небесным путеводителем — свидетелем присутствия Божия в сонме Израильском, что они самым необыкновенным образом получали пищу и питье, никогда не оскудевали ризами и сохранили крепость тела в столь трудном путешествии, — всякому давали ощущать, что он под кровом Божиим, что, следовательно, Иегова — Бог его, а он — часть Иеговы, что потому ему должно жить в воле Его.

б) Впрочем, такое обильное чудесами руководство продолжалось недолго и по чрезвычайно понудительной силе своей не могло быть всегдашним: при нем не оставалось бы места свободе. По своему значению оно было более приготовлением к другому, действительнейшему способу освоения, именно — к практике, образуя нужные для нее нравственные силы. Потому Господь поставляет народ в обыкновенной жизни при новорожденном порядке, как бы не возмущая его необыкновенными действиями, и к этой исключительно цели направляет некоторые свои особенные действия — именно:

аа) Он не ведет их прямо в Палестину, причем войны, встречи с народами, беспокойства путевые легко могли привести в забвение новые постановления; а оставляет их в пустыне на 37 лет, вести, как говорит, пастушескую жизнь ([Чис. 14:33](#)), где, удаленный от всех развлечений, вблизи с природою, к которой так приспособлены новые учреждения, он, можно сказать, только и имел возможность — совершать оправдания, ходить по заповедям и творить суды, если была нужда;

бб) целым рядом чудесных своих действий возбуждает в народе особенную доверенность к верховным правителям: Моисею и Аарону, без чего не может стоять никакое, даже малейшее общество, и дает в помощь 11, 70 мужей, исполняя их духом, ревностным к благу народа и славе Божией, мудрым и твердым, подобным духу самого Моисея, чтобы под их надзором и советами соблюдались все постановления ([Чис.11:24](#));

ее) предназначает и избирает для новой религии и новое юное поколение, еще не утвердившееся в характере. Новый порядок, при котором оно должно было установиться в своих правилах и нравах, мог быть для него как бы усвоенным с молоком матери, тогда как устарелых трудно переменить. Необходимость такого избрания Господь дважды объявляет Моисею (при Синае и Кадес-Варни), и именно жестокостью народа, притом в минуты, когда Моисей пламенно молился за него:

гг) направляет поход в Кадес-Варни, к пределам Палестины, чтобы, показав ее, **великостию ожидаемого блага** воодушевить юное поколение к 37-летним трудам, а **трудностию достигнуть обладания им**, потрясти страхом старое и, тем ослабив и как бы уничтожив в нем даже и желание к вступлению в сию землю, заставить как бы молча нести тяготу 37-летнего медления в пустыне. После таких приготовлений Господь оставляет их обыкновенному порядку, приучаться к новым учреждениям и зреть под их влиянием в духе. Мы видели, как обрядность может образовать нравственно-религиозный дух и как гражданское устройство, страхом суда, приводило к Богу. Кто подчинил себя тому и другому порядку, у того, естественно, сей дух должен был более и более возрастать и расширяться; вместе с тем требовать большего и большего поприща для своего упражненья — обрядов и правил, и таким образом необходимо сродняться с ними и в силе своей сравниваться с их объемом. Потому должно ожидать, что чрез 37 лет все постановления Израиль считал уже не внешними, сторонними, а своими, внутренними, как бы уже совестными.

вв) Последний способ освоения с религиею оставлен единственным, или преимущественным, и на последующие времена. Сыны Израиля, возрастая среди порядка, которого держатся отцы, естественно приучались к нему и свыкались с ним даже без размышления. Потому здесь к простой практике приложены еще наставления домашние. Отец должен был наставлять закону сыны и сыны сынов своих ([Втор. 4:9](#)), непрестанно говорить им о нем — сидя в дому и идя путем, лежа и восстая ([Втор.6:7](#)), рассказывать им свою историю, происхождение всех постановлений и особенные цели их ([Втор.6:20—25](#)), объяснять значение каждого праздника, каждого обряда и вообще силу всего закона ([Исх. 12:26—27, 13:8, 14—15](#)). Таким образом, он мог провести сына своего мысленно среди всех благодеяний и чудес, явленных в своем народе, а тем незаметно возвести сердце его к внутреннейшему завету с Богом, к сокровенному обету — Его единого почитать, Ему единому служить и к Нему единому прилепиться.

а) Если бы неведение или нерадение отца лишали сына такого блага, он сам собою мог вознаградить недостаток его. Было положено в законе, чтобы левиты, «по семи летех во время лета оставления, в праздник кущей, егда сходится весь Израиль, явится пред Господа... читали закон пред всем Израилем во уши их». Для этого должно было созывать мужи и жены, и дети, и пришельцы, «да услышат и научатся бояться Господа Бога своего и послушают творити вся

слова закона сего» ([Втор. 31:10—12](#)). б) И чтобы непрерывнее, полнее, действенное входило в душу сие наставление, было заповедано — выучить закон ([Втор. 5:1](#)), навязать на руку слова его, «да будут непоколеблемо пред очима», написать их «на празе храмин и врат» и на воскрилиях одежд ([Втор. 6:8—9](#)). Таким образом, сын Израиля на каждом шагу встречал напоминание о предметах своей религии, отсюда приходило к нему наставление в ней и разве только по нерадению он мог оставаться в неведении о своем завете, своих оправданиях, заповедях и судах.

в) Так народ осваивался с своею религиею, узнавал ее, переносил в душу во всем ее объеме и составе; спрашивается: чем обезопасивалось ее существование в сердце? — аа) Как сам человек а) укреплял волю свою в хождении по уставам ее и б) чем были предотвращены возможные уклонения от нее? — бб) и как помогал ему в этом Сам Бог.

аа) Нравственную силу воли а) внутри составляли побуждения, с особенною силою объясненные Моисеем в последних речах своих к народу,— побуждения и духовные, и чувственные. Они, возбуждая коренные требования сердца, чрез них с нравственною необходимостью определяли волю к повиновению законам Божиим. Существеннейшие из них собраны вокруг завета, другие извлечены из истории народа, а иные применены к местному его быту. Моисей к покорности закону обязывает волю то воспоминанием завета, торжественно данного Богу ([Втор. 4, 13, 5:2—4, 26:16—19](#)), то особенным Божиим избранием — особенно Его любовь и покровительство ([Втор.4:20, 37, 7:6—7, 13, 14:1—2, 10:15, 8:5, 28:9](#)), то неслыханною великостью благоденствий Божиих в прошедшем ([Втор.8, 15—16, 4:32—35](#)) и готовностью обильных благословений в будущем ([Втор.28, 1—6, 11, 8, 7:13](#)), то мудростью самых постановлений ([Втор.4:6—7](#)), то особенным величием и силою ([Втор.28:13, 7, 7:22—24](#)), то преимущественным возвышением пред всеми народами в могуществе, славе и довольстве ([Втор.7:14, 28:1, 10, 15:6, 28:12](#)), то вообще счастливою жизнью в земле благословенной,— жизнь веселую, довольную, чуждою болезней, скорбей и опасностей, однакож не чувственную, а такую, в которой осчастливленный Израиль жрет (приносит жертву) только Богу благодарственные жертвы, радуется и веселится пред Ним с благоговением и любовью ([Втор.7:15, 19, 8:7—9, 4:40, 11:8—9, 11—12, 14, 23](#)); а от уклонения от Него предостерегает угрозами всякого рода бедствий, кои ([Втор.28:63](#)) Господь будет посылать им одно за другим и не прекратит, пока не вразумится народ, а еще более и более умножит, даже расстроит общественный быт народа, рассеяв его в далеких странах, а в душу его пошлет расслабление, болезнь, трепетное сердце, так что он побежит ни от кого, и шум листа погонит его ([Лев. 26; Втор. 28](#)). б) Сердце, огражденное такими побуждениями внутри, заграждалось от искушений — аа) совне — решительным отделением еврейского народа от всех других народов и в бытность его в пустыне, и во время постоянного пребывания в Палестине, как положением страны, в которой жил, так и особенным устройством, своими уставами и законами. Он не должен был входить в близкие сношения с соседями, а племена палестинские истребить вконец со всеми следами их идолопоклонства, чтобы они не были для него сетью ([Втор. 12, 1—3, 16:21—22](#)). бб) Внутренние же соблазны сердца, у самого входа его, были посекаемы страхом смертного суда, готового на всякого унижающего и оскверняющего свой народ нечестием, или злобою, или неправдою. Всякого рода преступления, как мы видели, наказывались гражданским судом: воздерживаясь по страху от порочных дел, Израиль приучался воздерживаться и от порочных желаний и расположений.

Такое, впрочем, нравственное укрепление воли было только приготовлением к высшему ее укреплению — небесному, благодатному. Быть не может, чтобы Израилю не подавалось такое подкрепление к выполнению условий завета! — Уже то одно, что и иудейская Церковь была Церковь Христова, что и она была Его благодатным царством, заставляет думать, что там была и

действовала благодать. Видели мы, что предписывается полная любовь к Богу, бескорыстная любовь к ближним и даже ко врагам,— расположения духа, кои производятся только Духом Божиим чрез смерть духа человеческого. Потому совсем неуместны были бы такие предписания, если бы тогда не действовала благодать. Бог вселяется в скинии, видимо живет среди Израиля. Была бы неизъяснимая несообразность думать, что так близкий совне Бог нисколько не приближался вовнутрь, не озарял мыслей, не двигал сердца. Путь, коим сообщалась благодать,— это были обряды, и по преимуществу жертвы. Обряды сами по себе суть только тени, формы внутренней силы; но не таковы они, если рассматривать их в связи с внутренним расположением совершающего и с обетованиями Божиими. С некоторыми обрядовыми действиями Господь соединил особенные обетования: оно принесет тебе благоволение и благословение Божие, будет тебе прощено, и проч. не потому, чтобы такое соединение было существенно необходимо, но потому, что людей, склонных к внешнему, нельзя было иначе возбуждать и приводить в общение с Собою. Потому кто чрез сии обряды искал возбуждения от Бога и смиренно предавал свой дух Его влиянию, тот вместе с совершением их получал без сомнения и самую благодать и освящение от Бога. Бог не оставляет преданных Ему всецело, уповающих, жаждущих Его душ; но склоняется к ним милостию, благословляет их внутренним благословением, и делает способными ко всякому чувству и делу благому,— не пролагает только путь к принятию Духа, а вселяет его и им производит то самое, чего чаяла душа чрез жертву. Так, когда благочестивый иудей приводил животное, чтобы принести его в жертву умилоствления пред Господом, тогда благодать Духа, нисходя в сердце, умерщвляла там грех, примиряла с Богом и тем жарчайшую зарождала здесь любовь к Нему. Нет сомнения, что такое благодатное укрепление давалось уже тогда, когда раскрывалась внутренняя жизнь и пробуждались высшие потребности, потому что только под этим условием возможна жажда высшей помощи — первое, что нужно для получения благодати. Исполнять обряды, ходить в заповедях можно и без особенного руководства; но Израиль не мог не чувствовать в нем нужды, когда постигал высшие духовные требования своей религии, которым удовлетворить хотел, но не имел возможности. На этом основании отличительными признаками благодатных действий Ветхого Завета можно почесть не всеобщность и не непрерывность. Сколькими путями можно было входить тогда в общение с Духом Святым, для привлечения Его благодати, — определить трудно. Можно указать на известнейшие. Образование давало благодать общения с Церковию, вводило в завет с Богом, очищало от греха (Григорий Назианзин и Августин) и делало членом Царства Христова; жертвы за грехи низводили благодать помилования и примирения; посвящение и облачение первосвященника вводили его в тесное общение с Богом; жертвы спасения и всежжения привлекали всеобщее Божие благословение. Но то несомненно, что, каким бы образом ни сообщалась благодать, нисшед в душу, она уже не с одной какой стороны, а всю ее вообще оживляла, освящала и возгревала в ней все доброе и святое. Так производила она под сению закона тот облак свидетелей, который в образец христианам поставил апостол Павел в 11 главе послания к Евреям.

Впрочем, в религии подзаконной очевиднее действовала благодать особенная, которая некоторым избранным лицам сообщалась для отправления известного служения в Церкви. Так Господь дает дух премудрости, разумения и ведения для всякого дела при скинии в душу Веселеила, и в сердце каждого художника влагает мудрость ([Исх. 31, 4—6, 35:30—35, 36:1, 2](#)) — это как бы дух искусственности. Унимается от духа Моисея и дается 70 избранным старейшинам,— и действие сего духа, в первый раз сознательное, выражается в обильном потоке нравственного учения, и изречения правил благоразумия ([Чис. 11:16—27](#)). В самом же Моисее была благодать возблагодать, как это показывало необыкновенное просветление лица его. Это благодать законодательная, ходатайственная и правительственная. Последнюю он потом чрез

помазание и рукоположение предал Иисусу Навину. И такая особенная благодать, по самому значению своему, давалась не всякому без разбора, но по некоторому предрасположению приемлющего. Так мудрость искусственная дается тем, коих влекло сердце ([Исх. 36:2](#)) и кои еще прежде умели изобретать вымыслы ([Исх.35:35](#)), имели то есть естественную искусственность; от Моисея переносится дух на старейшин, но тех, коих сам знает и коих избрал; и Иисус Навин был человек, в котором есть дух ([Чис. 27:18](#)). То и другое предполагает естественное предрасположение к принятию даров свыше.

Вот как осваивался народ с своею религиею, вот чем обезопасивалось ее существование в сердце! При таких побуждениях, такой помощи и при таком руководстве она могла быть исполняема и могла стоять сама по себе вечно, отчего все в ней и поставляется в вечный закон. Но все подзаконное устройство могло не быть таким, если поставить его в отношении к лицам, кои подчинены ему. Здесь возможно то же, что бывает с скорлупою яйца. Птенец внутри зреет и разрывает ее. Созреют люди, и потребуют нового порядка, новых учреждений. Можно ли ожидать такой потребности — это откроется само собою, когда рассмотрим основания, по которым религия в народе еврейском явилась в такой, а не в другой форме.

9. Почему религия и церковь явились теперь в таком виде

Положительная религия является в том или другом виде применительно к возрасту людей, которым она дается. По заключениям мужей, опытнейших в наблюдении вещей, человечество, а потому и иудейский народ, во время Моисеево вступило только в возраст юношеский. Итак, подзаконная религия и Церковь такова потому, что такой именно, а не другой требовал юношеский возраст. Другая была бы не по нему; он не сроднился бы с нею; она осталась бы навсегда чуждою для него, а эта вполне соответствует а) религиозному и б) нравственному характеру юноши, и приспособлена в) к состоянию его ума и потребностям г) воли и д) сердца.

а) Юноша еще не так ясно сознает состояния и движения своей души, потому они для него не столь многоценны. Внешнее для него тверже и убедительнее. Скорее он нарушит и изменит то, что возродилось в мысли, нежели то, что не возродилось только, но утверждено словом. Оттого он всегда тверд в слове. Обещаясь, он всею душою решаете жить и действовать по обету, презирает, даже ненавидит тех, кои не сдерживают его. Поставьте его в крайности между обетом и другими побуждениями,— он будет скорбеть, внутренне терзаться, но никак не позволит себе нарушить обет. Он сроднился с ним; стал в ряду законов совести, самым ясным образом сознаваемых. Вот почему в основание подзаконной религии положен завет видимый и притом такой торжественный. От народа истребовано согласие, и на сем согласии, как внутренней основе со стороны народа, наздано уже и все законоположение. Это совестное обручение с законом, с таким восхищением обнаруженное, и составляло нравственную крепость и благонадежность к выполнению его,— самое достаточное воодушевление к тому. Словами «сотворим и послушаем» положительный закон перестал быть чисто положительным, он перешел уже в сердце и с этой минуты оттуда уже начинал обязывать.

В первый раз в юной душе раскрываются высшие требования во всей своей неопределенности и, по новости и особенной привлекательности, уносят его сознание в некоторую выпренную даль, где он любит привитать мечтами и сердцем. Оттого он жаждет сверхъестественного, чудесного; ждет особенного воззвания и определения свыше. И случится ли это действительно или юноша дойдет до убеждения в этом по заблуждению, религиозная воодушевленность возносит его тогда над всеми препятствиями в действовании. Тогда он все относит к Богу, при всяком случае обращается к Нему и ждет от Него разрешения. Считая все свои действия предопределенными в книге судеб, сам собою он не сделает шага, опасаясь

поступить не так, как угодно Богу, не так, как ему предназначено. Оттого, определяя еврейский народ к высоким целям, где он должен действовать с особенным воодушевлением и ревностью, Бог видимо воззывает его, особенно приближает к Себе и Сам приближается к нему, указывает ему блистательную цель и обещается руководить к ней, утверждает между ним жилище и дает средства во всякое время узнавать волю Свою; оттого всякое правило исходит здесь с неба: и в семействе и в обществе, и в доме и в храме, и в чувствах и в обрядах,— всюду он ходит по воле Божией; сею волею запечатлена вся его деятельность и во всех путях его не оставлено ничего установлению человеческого. Это самое глубокое основание к стоянию закона: действующий здесь действует по религиозному воодушевлению. И чтобы укрепить, продолжить, сохранить навсегда такое воодушевление, дается обет быть всегда Богом Израилевым, всегда близким к нему, непосредственно вести его к цели; чем поддерживается постоянная уверенность, что он избран, что он действует по предначертанию небесному, под кровом и защитою Самого Бога.

Однакож, требуя внутренне такой близости к Богу, он не хочет, чтобы Божественное лицо нисходило до лица обыкновенного. Для него дорого только убеждение, что он — Божий, а Самого Бога он все желает видеть в таинственной сокровенности, в неприступной отдаленности, изображать величественнейшим, могущественнейшим. Он хочет покоиться на лоне великого с трепетом в сердце. Юноша не способен различить милостивого снисхождения к себе от равенства себе. Он самомнителен, самовластен, готов повелевать, и только великое и сильное может держать его в подчинении чрез благоговение. Над милостивым без строгости, кто бы он ни был, он сам возвышается и скорее его поставит в подчинение себе, нежели сам подчинится ему. Вот основание, почему Бог, приближаясь так к народу еврейскому, являл Себя величественным, могущественным и превознесенным в Египте и в пустыне, почему завет окружил такими ужасающими явлениями силы Своей и почему потом среди Израиля жил в такой сокровенности, неприступности, почему заповедал создать себе такое великолепное жилище, учредил такое великолепное служение, даже порядок самого путешествия установил такой стройный, таинственный и торжественный, и вообще все относящееся к Себе запечатлел страхом и неприкосновенностью. Это истрезвляло Израиля, не давало ему забываться, держало на страже, в строгом подчинении. Окончательное изображение Бога у него: величественный, превознесенный, страшный, хотя и мой Бог; окончательное религиозное чувство — благоговение.

б) Юноша по преимуществу правдолюбив: что поставлено законом, то он сознает вечным, неизменным законом, и при всяком случае готов внушать то другому. Он принимает, потому всегда и держит важный тон; он не горд, не презрителен, каждому отдает свое, внутренне почитает другого; но все эти чувства у него покрываются убеждением, что, действуя по ним, он действует право, не унижает себя, поддерживает достоинство своего лица, достоинство юноши. Желание нравиться у него то же, что у мужа честолюбие: быть убежденным, что другие о нем думают хорошо,— это главное. Здесь научается он чистоте, опрятности, скромности. Не потому ли и чистота составляет отличительную как бы черту израильянина? С такою подробностью изображена и с такою строгостью предписана в законе? Не отсюда ли между побуждениями к сохранению завета поставлена особенная важность пред Другими народами: они будут бояться приступить, сами побегут, будут удивляться? Не от того ли народу еврейскому усвоится покровительственный тон в отношении к сим народам, тон не страшный и смущающий, а благосклонный, внимательный? Милостиво принимает он пришельца и дает ему некоторые права братства. И по закону он относится к другому в строгой ответственности с его поведением. Вообще закон и изображал, и мог образовать благородного правдивого юношу, чуждого жестокости, но и непоблажающего. Как в Боге Израилевом, так и в самом Израиле — очевиднее всего ненависть к преступлению и покровительство правде.

в) Посмотрите на мысли юноши! И потому, что они необходимо составляются при помощи памяти и воображения — хранилища образов, и потому, что фантазия, по преимуществу в его возрасте живая и деятельная, принимает их при первом появлении и мгновенно облакает в образы,— у юноши нет мысли без образа, и нет, с другой стороны, образа без мысли: его образы всегда суть облачения чего-нибудь; в них светит его любимое — его мысли и убеждения, а более его ожидания и надежды. Можно ли желать лучшего приспособления к такому характеру, какое премудрость Божия представила, в устройстве скинии и вообще во всей образной обрядности ветхозаветной. Здесь всё — образ и всякий образ проникнут мыслию. То, что возлюбил сердце Израиля — Бог, к Которому он прилепился за милости и по завету,— отображается во всем. Всякая вещь имеет надпись: святыня Господня — и Божественное проникает все. Израиль видит пред глазами вещь, а под нею невидимую силу; пред глазами у него, например, жертва, а под нею милость Божия.

Кто привык к образам, тот живет вовне и совне приемлет истину. Потому и юноша убеждается более видимостию, осязательностию: глубина разумного доказательства малодоступна для него. Он любит действительное и окончательно удостоверяется опытом. Потому-то Господь учит израильтян не мысленными доводами, а действительностию, не словом, а делом: внушая ту или другую истину, уверяя в том или другом Своем свойстве, давая тот или другой порядок, Он не говорит, что так должно быть по тому и тому, но представляет внушаемое пред очи. Чтобы уверить, что Он невидим, указывает на образ своего явления,— для убеждения в своем величии и могуществе представлял суды над Египтом или силы, явленные в пустыне,— удостоверение в том, что суды Его не коснят (не медлят), Он производил тем, что в самом деле казнил преступника на месте преступления; говорил, что Он вселится среди народа — и представил видимое свидетельство такого вселения. Желая сроднить дух Израиля с новым порядком, Он не полагается на обет его, а водит его в нем целые 40 лет, чтобы чрез опыт заставить возлюбить его. Вообще во всем устройении подзаконном ни слова не сказано о премудрости и целесообразности Божественных распоряжений, и в ряду побуждений мудрость выставлена только с внешней, а не с внутренней стороны.

Почему, наконец, все подзаконное устройство представлено в таких подробностях, не имеющих по видимому связи? — Везде встречаем только частные правила и предписания, только дела и суды, и все это в смешении, по частям: ничто здесь не приведено в один состав; не указан и не объяснен дух всего? — Израиль, как юноша, был еще неспособен принимать истины в их строгом развитии из начал. Ему легче было усвоить правила без связи, истины без выводов, здесь он во многом еще зависел от памяти и потому любит раздробленность, частность. Израилю предложены истины только так, как они есть, подобно тому, как рассудку представляет их чувство: понять их в основаниях, во взаимном отношении и связи, он должен был уже сам собою, однако ж сделать все это ему предоставлено не мысленною работою, а делом; самая жизнь, проходя среди частных, должна была вызвать его мысль к целому,— от безжизненных подробностей довести сердце его до живого ощущения всего.

г) В юношеском возрасте человек в первый раз возникает к самостоятельности. Доселе силы его развивались сами собою, в лоне природы; теперь он берет их себе в свое собственное употребление, чтобы свободно напечатлеть в них особенное настроение. В этом отношении юношество есть время не утвержденного, не устроенного движения и колебания сил, из которого, однако ж, должен выродиться неизменный характер человека. Как важен поэтому порядок жизни для юношей,— в нем зародыш его вечной участи. С другой стороны, если характер юноши определен предварительно, как важно привести сей порядок в совершенное с ним согласие! Характер может быть такой и другой, но у народа Божия и характер должен быть религиозный. Израилю и дается такое устройство, ходя в котором он мог сделаться не иным

чем, как народом Божиим, Божиею Церковью. — Вот почему у Израиля вся законность религиозная!

У юноши все силы проходят в движении, но преимущественно силы воли: юношество есть время живой и сильной деятельности. Что по преимуществу можно требовать от него — это дела. Но сия деятельность требует сама особенного внимания и образования. Сколько в ней возможно уклонений, как она изменчива и непостоянна! Сын из отрока делается живым беспокойно-деятельным юношею. Если отец желает ему добра, он должен усугубить надзор; прежние поверхностные шалости сменяются теперь делами из сердца; надобно предписать правила, определить действия, подчинить его строгому порядку. Господь сходит к Израилю, предлагает ему свое покровительство, а от него требует дел и потом всю его деятельность ограждает строгою мерностью во всех путях и малейших подробностях. Вот почему у Израиля религия законная!

Доселе страсти молчали. Сердце беспрепятственно во всей живости воспринимало уроки совести и беспрекословно повиновалось им. Теперь восстает — у юноши — другой ряд внушений: склонности и страсти. Возможно, что юноша не различит при этом стороны законной, возможно, что противозаконная будет влечь с такою силою, которой не может преодолеть обязательство к закону, приходящее от одной совести. Юноша имеет нужду в благовременной помощи: надобно уяснить для него закон, надобно усилить обязательный голос совести и ослабить голос страстей. Для Израиля это и делается. Внушения совести превращены в нравственные правила, определены письменно и утверждены Божественным авторитетом. Внутренний закон был еще жив и указывал, что делать; но его обязательность ослаблялась движением плотской воли, всегда предъявляющей некоторые права на повиновение. С словом: «не делай» у последней отнималась и возвращалась первому вся нравственная сила. Вот значение нравственных правил и основание, почему они изложены большею частию отрицательно.

Однако ж такое охранение нравственного закона, — так же нравственное, — условно и не вполне надежно. Воля плоти может разрушить нравственную преграду, потому что на ее стороне весь юный человек, — и потом увлечь неопытного в постоянную жизнь по своим внушениям. Надобно связать сию волю. У Израиля она и связана гражданским законом и страхом суда, — не сама в себе — чего сделать нельзя, но во всех тех действиях, в коих может обнаруживаться. Пусть и при этом есть движение внутри, но ему нет исхода. Впрочем, ограждением внешней деятельности наложены узы и на внутренние движения, хотя не непосредственно. Без возможности упражняться они естественно должны были слабеть и истощаться.

д) Юноша не слишком предается грубым наслаждениям. Он любит удовольствия, но легкие, невинные. Не терпит он недостатка, но непристрасен и к богатству; собственно, ему нужно только довольство. Он любит здоровье, крепость, живость, светлое небо и прохладу, безопасность и безмятежность; не терпит болезней и беспокойств, хочет жить весело, приятно; близок к природе и любит смотреть на ее красоты. Если хотите, чтобы юноша беспрекословно повиновался вашей воле, обещайте ему все это, и он всецело будет предан. Израилю обещано ([Лев. 26](#)) — и с каким восхищением он отвечает: сотворим и послушаем. Обетовании чисто духовных, небесных, он не был способен правильно уразуметь. Скажите ему о небесном рае, о блаженстве вечном, — он и стал бы ожидать рая с чувственными наслаждениями; притом деятельность законная была собственно деятельность плотская — как обещать за нее духовные блага? Здесь он нашел бы повод к глубокому самообольщению.

В таких, впрочем, побуждениях видно самое премудрое направление чувственного к целям духовным. Израиль, как юноша, желал веселой, мирной, довольной жизни; но, по живости

движения страстей, он готов был искать такой жизни в удовлетворении сим последним, между тем как страсти и не дают того, что ожидают от них, и во всякое время препятствуют действиям благодати. Господь все здесь устроит особенным образом. Не допускает только, а дает блага, каких ищет и желает юноша, но требует от него исполнения таких правил, кои по содержанию совершенно противоположны внушениям страстей. Повинуясь воле Божией, Израиль ожидал и получал блага только земные, а между тем незаметно приобретал духовные — в укрощении страстей и в возведении себя тем в состояние принимать благодатные внушения.

Израилю не говорят о благодатной помощи. Полный сил и жизни, он не поймет сего внушения. Потому пред ним раскрывают только, чем он должен быть, и требуют, чтобы он был таким непременно. Опыт — обыкновенный способ убеждения для юноши — скорее научит его, сколько он бессилен. При всем том, однако ж, благодать действует и здесь, но действует не постоянно, прерывчато, и как бы внешне. Иначе и быть не могло. Действия благодати не могли быть ощущаемы тогда постоянно. Юноша час от часу чувствует прилив душевно-телесных движений, кои для духа то же, что облака и туман для солнца. Только тогда проглядывает солнце в ненастное время, когда ветер разгонит густые облака; только тогда и у юноши возможны ощущения и явления благодатных действий, когда прекратятся и заметно стихнут движения души и тела: а это может быть только очень редко.

10. Какой религия подзаконная должна образовать дух в народе?

Ежели весь порядок и вид религии подзаконной приспособлен к возрасту юношескому, а юношеский возраст носит в себе зародыш высших сил мужа, то сия религия в устройстве своем должна представлять способы и к развитию сих сил, чтобы, живя под ее руководством, юноша не остался навсегда юношею, а легко возрос в мужа.

Что это значит, что в подзаконной религии, — в особенном виде, как нечто преимущественно важное и значительное, — стоят оправдания, заповеди и суды? Своею строгою мерностью не убивают ли они скорее жизни, чувства, свободы и вообще высших сил духа, нежели развивают? — Нисколько: они-то и составляют необходимое условие к развитию сих сил. Человека составляют дух, душа и тело. Душа развивается и зреет на счет тела, дух — на счет души. Надобно обуздать тело, чтобы стройно действовала душа; надобно устроить душу, чтобы раскрылся дух. Значит, там должен раскрываться дух, где связано тело и упорядочена душа, — требование, которому вполне удовлетворяет подзаконная религия. Ее суды связывают полную необходимостью тело; ее оправдания и заповеди подчиняют регулярности душу. И то и другое по своему значению есть то же, что телесная деятельность у христианских подвижников. Под влиянием судов и законной праведности развивался у Израиля его нравственно-религиозный дух — живой, свободный, блаженный. Это были для него то же, что подставки для нетвердого еще в стебле растения.

И по частям. — Чувства любят разнообразие впечатлений; и потому, когда подчиняют себе душу, приучают ее к рассеянности, которая в ней и становится главною препоною к развитию духа. Господь удовлетворяет желание впечатлений, но так, что они не развлекают, а собирают, не убивают, а оживляют, — обращают душу внутрь, к источнику жизни. Это производило особенно устройство скинии. Своею таинственностью она давала предощущать присутствие Божественной сокровенной силы и тем заставляла мысль благоговейно погружаться в беспредельном, а своею телесностью стояла средостением между сим беспредельным и духом. В скинии, значит, Израиль ходил, как бы в преддверии беспредельного Бога. Всюду видел он следы Его, но не Его Самого; пред ним везде сила Иеговы, но не Сам Иегова; он беспрерывно как бы соприкасался Ему, а между тем всегда был и отдален от Него.

Умиление, в какое поставляло душу предошущение Божества, рождало желание чаще приближаться к Нему, а постоянное хождение в жилище Его образовывало жажду непрерывного общения с Ним — хождения в непрерывном свете Его. «Коль возлюбленна селения Твоя, Господи сил! Желает и скончается душа моя во дворы Господни» ([Пс. 83:2—3](#))... Когда прииду и явлюся лицу Твоему?.. Не отврати лица Твоего от мене... Это было единственным желанием благочестивого израильянина! — Но до нароча (срока) Израилю должно было прозирать Бога только за обрядностью, видеть Его как бы сквозь оконце ([Песн. 2:9](#)), как рассудок видит необходимо Сущего сквозь видимую природу, и притом не иначе, как сквозь свои формы.

Душа своевольна: чужая воля для нее нестерпимое иго. Но, развиваясь и усиливаясь, она отнимает свободу у духа, самоотверженного по существу, желающего почивать в Боге и святой воле Его. Израиль подчинен строгим правилам во всем своем поведении и во всех отношениях своих. Все у него до малейших подробностей определено — и обрядах и в судах, и в домашней и в общественной жизни. На его произвол, на его волю не оставлено ни-чего. Эта смерть воли и сама собою должна была воскресить, образовать и укрепить свободу духа, тем более сего должно было ожидать от строгой законности, когда она во всем своем составе запечатлена волею Божию. Хотя в кругу ее Израиль не только отвергался своей воли, но и отвергался ее для Бога; отвыкая от своей воли, он прилеплялся не к другой чьей, а к Божией воле, приучался желать ее, жаждать закона Божия. «Отверзаю уста моя, — молился он, ища прохлады, — ибо заповедей Твоих жажду... Возлюби душа моя возжелати судьбы Твоя на всяко время... Буду ходить свободно, ибо я взыскал повелений Твоих ... Пришлец аз есмь на земли: не скрый от мене заповеди Твоя... На пути свидений Твоих насладихся, яко о всяком богатстве» ([Пс. 118:131, 20, 45, 14, 19](#)).

Страсти умучивают сердце — сожигают чувство, и делают его неспособным к восприятию впечатлений духа, к ощущению духовных благ. Эта сторона нашего существа оживает на погашении, или, по крайней мере, умиротворении страстей. У Израиля они ограждены отвне страхом смертного суда; благонамеренный находил для них, так сказать, противоядие в жизни по закону, и укрощал внутри; а умиротворяя таким образом душу, он давал возможность действовать в ней Духу Божию, даже привлекал Его, как награду за усердное служение; а эти наития Духа, освещая душу и производя ощущение сладостей духовных, устремляли сердце к невидимому и в Нем научали искать блаженства. Пусть нет мира в сердце: страх суда и не имеет силы прекращать греховные движения, но он поставлял человека внешнего с внутренним в совершенное противоречие, — обличал последнего первым, и тем производил в сердце тоску, тугу, недовольство собою, тяготу жизни. Кто не пожелает осчастливить себя? Но как усмирить и страсти — источник скорбей? В крайности Израиль невольно обращался к Богу, Покровителю своему, и в Нем искал помощи и духовных утешений. «Всем сердцем моим ищу Тебя, — взывал он, — не дай мне уклониться от заповедей Твоих. Да приидет ко мне помощь Твоя, Господи, спасение Твое по слову Твоему. Истаевает душа моя, желая спасения Твоего, исчезают очи мои, устремленные в слово Твое, я говорю: когда Ты утетиши меня?» Чаю Бога, спасающего мя от бури» ([Пс. 118:10, 41, 81—82](#)). И эти воздыхания были собственно воздыхания духа: его молитва о свободе от тяготящих его уз.

У кого образуется сколько-нибудь сей самособранный дух, жаждущий общения с Богом, мирного хождения в воле Его и благодатных утешений, того уже мало будут удовлетворять оправдания и суды. Пока еще не устоялся его дух, они были для него крепостию, опорой и ограждением, если не питали, по крайней мере руководили туда, где можно питаться; теперь они уже отправили свое служение и для духа созревшего стали скорбными узами; ему нужна теперь полная свобода, ее жаждет он, о ней воздыхает там, где лишают его сего блага. Вообще в

подзаконной религии — на виду, впереди — только оправдания, заповеди и суды; тот дух, который мы изобразили в религиозных и практических чувствах, должен был образоваться уже после посредством их. И Израиль точно сначала должен был ходить в страхе, быть постоянно как на страже: страх — начало всей его мудрости. Но долгое хождение в сем страхе укрепляло его волю в законе и некоторым образом обезопасивало ее: отсюда естественно рождалась благонадежность, чувство благоугождения Богу, Его благоволения к себе, покровительства и сыновства. Страх был страж закона, за которым образовывалась и зрела любовь — союз совершенства, исполнение закона, страж его уже внутренний, при котором первый делался ненужным, а вместе излишними становились и наставления, рождавшие его, и не только излишними, даже оскорбительными для любящего сердца, которое хочет жить, как сын в дому. Там образовалась жажда свободы от всей внешней законности — и подзаконная религия сама в себе нашла начало своего разрушения!

Для укрепления сей жажды, а вместе для утоления скорби от нее, вся подзаконная Церковь так была устроена, что на каждом шагу внушала ожидание чего-то важного, некоего совершеннейшего порядка, некоего лучшего устройства и образования. Закон у Израиля не покровительствует наукам и искусствам; для него отнимают у других землю; его поселяют в чужих городах и домах: он странник, которому нет нужды заботиться о жилищах и об их украшении. — Бог вселяется среди его, хранит его, неведомыми путями ведет куда-то: это народ, с которым чудное хочет сотворить Господь напоследок. Вкушая Пасху, Израиль готов к чему-то, чего-то ожидает: на 7 дней потом истребляет в земле своей все квасное, — чрез что целый народ представляет что-то не законченное, не совершенное, не полное, — нечто только начинательное, имеющее созреть, когда вскиснет все. Настает суббота — весь Израиль упокоен от трудов своих; приходит юбилей — и все в земле его возвращается в свое, все восстанавливается. Частое повторение таких действий должно было возродить желание и ожидание, что будет некогда всеобщий покой, всеобщее восстановление порядка.

Кто учредит сей новый порядок, в чем он будет состоять, когда явится, при каких обстоятельствах, где — все это до времени было сокрыто от Израиля: он еще не вырос до уразумения сего. Пусть созреет или, по крайней мере, возбудится прежде дух и возродит требования новых учреждений, тогда раскрытие их будет благовременное и даже необходимое. Правда, Израиль пред собою, — и в событиях, и в оправданиях, — постоянно видел образы будущих вещей; но они могли быть понимаемы уже возрастными. Последние могли уразуметь, особенно из вселения Бога среди Израиля, что явится некогда на земле лицо, в коем будет обитать вся полнота Божества телесне, поживет между людьми, будет входить в общение с чистыми и возбуждать нечистых к общению с Собою, Которое, как глава сонма избранных, будет править всем, как Пророк будет вразумлять всех, как Первосвященник будет ходатайствовать за всех и всех Своею кровию примирит с Богом. Но для руководства в таком разумении и в подтверждение его важности и верности и они имели нужду в особенном наставлении Божественном. Оно и доставлялось в предсказаниях и пророчествах, которые почти только со времен Моисея получили некоторую определительность. Прежде сии предсказания изображали в будущем только некоторое желанное, особенно благодетельное для человечества лицо, не указывая ни дел его, ни жизни, ни благодетельных. Иаков первый показал в нем всеобщего Примирителя; потом Моисей — Пророка, Валаам — Царя и Владыку всего; а далее, чем более возрастал Израиль, тем полнее раскрывалось пред ним изображение и нового порядка, и того Божественного лица, которое учредит его. При руководстве сих наставлений благочестивый уже несомненно мог и вообразить новые учреждения и нового Учредителя, и узнать обстоятельства, время, место, и тем, упокоиваясь в Боге, терпеливо нести туту созревшего и томящегося под игом законностей — духа.

Так подзаконная религия скрывала внутреннее во внешнем, жизнь и чувство — в регулярности, свободу — в необходимости и руководствовала от последних к первым. Виднее всего в ней страх суда, за ним строгая мерность, во всем — внешность: здесь только оправдания, заповеди и суды — этот тройкий закров внутренней души, как тройки опоны (завесы) над скинией. По ходу развития человеческой природы она — необходимое звено, но не окончательное, потому должно быть сменено другим. При юном растении ставят подставки, кои делаются лишними, когда растение укрепится; вырастает младенец, и его отдают под надзор учителей; пройдет срок учения, отстают и учителя; зародыш в семени развивается и сам разрывает теснящие его покровы. Цель устройства подзаконного не в нем самом; следовательно, по достижении сей цели оно должно быть устранено: должно отпасть внешнее для внутреннего, строгая мерность поглотиться жизнью и чувством, необходимость замениться полною свободою. «Закон пестун нам бысть во Христа, да от веры оправдимся. Пришедшей же вере уже не под пестуном есмь» ([Гал. 3:24—25](#)). «Во елико время наследник млад есть, ничимже лучший есть раба, господь сый всех. Но под повелители и приставники есть даже до нарока отча. Также и мы, егда бехом млади, под стихиами бехом мира порабощени» ([Гал.4:1—3](#)). Возрос Израиль — и стихии, стеснявшие его распались.

Но до сего нарока — ничто так не выражает духа и характера всего подзаконного смотра Божия, как следующие слова из беседы Господа к Моисею: «увидишь задняя Моя, лице же Мое не будет видимо тебе... потому что не может человек увидеть Меня и остаться в живых» ([Исх. 33:20, 23](#)). Есть жажда ближайшего общения с Богом, как бы видения Его; но самое дело не вместиимо для юноши. Земляность души, форменность рассудка не снесли бы всего света Божества и расстроились. Посему-то до времени все оставляется под покровом: Бог видим, как бы осязаем, но как сокровенная сила. Скиния Божия с человеки была только предображением того общения, о котором говорится: «вселюся в них и похожду» ([2 Кор. 6:16](#)). Там Бог близ, но не внутри, среди народа, но не внутри сердца, соприкасается с ним, но не общится, держит Себя в отдалении, будучи близким. И здесь явлены все благие свойства Божий и провозглашено славное имя Иеговы, но тайна Божества и Божественного смотра о человеке, тайна общения Бога с ним — сокрыта. Показана основа всего — благодать, образовано в душе человека коренное чувство — благо-надежность, но то и другое — горчичное семя христианства. Завет подзаконный — заря, весна завета Христова. Однако ж и при этом первый завет в существе своем равен последнему. Как семя не равно дереву только по виду и внешнему явлению, а по существу равно, так и Ветхий Завет не равен с Новым в явлении, но в существе тот же, только там он — в семени, неразвит, сокрыт под корою, в веще-ственной оболочке, и мог быть прозреваем только Богопросвещенным оком, как зародыш в зерне зрится только оком вооруженным.

Как зародилось и созрело дело о смерти Господа Спасителя у врагов его со времени явления им Себя миру, и как относился к этому Сам Господь

Дивные события рождения Господня во плоти прошли для врагов истины бесследно. Явление Им дивной мудрости пред тогдашними многоученными мудрецами, на двенадцатом году своего человеческого возраста, могло оставить в голове их вопросы, но как потом ничего подобного не повторялось, то скоро все то забылось; когда явился Предтеча, власти церковные поспешили форменно осведомиться, кто он такой, и, удостоверясь, что не он Обетованный, успокоились или, может быть, положили высматривать, кто это будет тот Дивный, Которому сам Иоанн недостоин разрешить ремень сапог его. Не видев Его, они не имели основания враждовать на Него, однако ж из слов Иоанна, обозвавшего их порождениями ехидны, могли догадываться, что Он едва ли будет одного с ними духа.

Почему, когда Господь в первую Пасху изгнал бичом из храма торжников, которые помещались там не без их соизволения, они тотчас приступили к Нему с вопросом: «кое знамение являеши, яко сия твориши?» ([Ин. 2:18](#)). Вопрос искал только разъяснения дела, однако ж само дело, столь смелое и властное, исходя от такого невидного по внешности лица, не могло не породить подозрительности. И породило; и они начали с сего времени преследовать Его с заметною настойчивостью. Никодим уже боится их и, боясь, прячется от них, и тайком приходит к Господу. И Сам Господь, по поводу речей их о том, что Он больше, чем Иоанн, творит учеников, оставил Иудею и извратился в Галилею, видя в этом их к Нему недоброхотство, начало неприязненности ([Ин.4:3](#)).

Тут народ принял Его с радостью; фарисеи же и книжники сразу стали относиться подозрительно и критически к делам и словам Его. Что назаретяне восстали на Него ([Лк 4:15—30](#)), это можно еще объяснить тем, что Он гласно обличил их неверие и что предпочел Капернаум Назарету. Но когда они в Капер-науме в доме напали на Него за то, что Он отпустил грехи расслабленному, то это могло произойти только от не с добрым намерением творимого надзирания за Ним, хотя то, что породилось в их душе по случаю отпущения грехов, должно было исчезнуть после того, как Он власть Свою отпущать грехи подтвердил исцелением расслабленного ([Мф. 9:2—8](#); [Лк. 5:17—26](#)). Святой Лука замечает, что эти вопрошатели, криво толковавшие дела и слова Господа, были фарисеи и законоучители, пришедшие из всякой веси Галилейской, Иудейской и Иерусалимской. Это — **Иерусалимской** — порождает вопрос, что привело их сюда?

Вслед за сим видим Господа в доме Матфея, только что Им призванного к следованию за Собою. Книжники и фарисеи и тут не упустили случая придирается: зачем Господь ест и пьет с мытарями и грешниками? Зачем ученики Его не постятся, как делают ученики фарисейские и Иоанновы? То и другое Господь объяснил им: первое — что не требуют здравые врача, а болящие; а второе — что придет время, и ученики Мои станут поститься. Но не видно чтоб возражатели тем удовольствовались ([Мф. 9:9—17](#); [Мк. 2:13—22](#); [Лк. 5:27—39](#)).

Настала вторая Пасха. Господь прибыл на нее в Иерусалим. Там исцелил Он тридцативосьмилетнего расслабленного, лежавшего при овчей купели, в субботу. Иудеи стали гнать Его, и искали убить Его за то, что Он делал такие дела в субботу, а когда в оправдание Свое указал Он на Свое равенство Богу Отцу, они еще сильнее искали убить Его ([Ин. 5:15—18](#)). Раздражение неудобобъяснимое, если не признаем, что им передано было все, что делал Господь в Галилее, и с кривотолкованием.

На возвратном пути в Галилею, когда в субботу проходил Он с учениками по засеянному полю, ученики, чувствуя голод, стали срывать колосья, растирать и есть. Фарисеи укоряли Его, зачем позволяет ученикам Своим делать то, что делать не следовало в субботу ([Мф. 12:1—8](#)). В другую за тем субботу вошел Господь в синагогу и учил. Там был некто сухорукий. Книжники и фарисеи наблюдали, не исцелит ли его Господь в субботу; и когда исцелил, пришли в бешенство, и, вышедши, составили с иродианами совет, как бы погубить Его ([Мф. 12:14](#); [Мк. 3:6](#); [Лк. 6:11](#)).

И все так было: мало-мало делалось что не по-фарисейски, фарисеи тотчас выступали против того. Кажется, стая их отряжена была из Иерусалима для наблюдения за Господом, как можно заключить из того, что евангелисты не раз замечают о пришедших из Иерусалима возражателях. Так, когда однажды исцелил Господь слепого и немого и народ начал толковать: «не это ли Христос, Сын Давидов», — фарисеи и книжники, пришедшие из Иерусалима, пустили в ход хулу, что «Он изгоняет бесов... силою князя бесовскаго веельзевула, и что Сам в себе имеет веельзевула». Может быть, иерусалимские власти так повелели толковать, ибо чудес и знамений отвергать было нельзя. Господь наглядно представил нелепость такой хулы, но они все продолжали свое: «о веельзевуле» ([Мф. 12:23—24](#); [Мк. 3:22—27](#)). Так, когда Господь, по воскрешении дочери Иаировой и исцелении двух слепых, изгнал и духа немого, народ возглашал: «николиже явится тако во Израили», а фарисеи внушали ему опять: «о князе бесовstem изгонит бесы» ([Мф. 9:33—34](#)).

И Господь заметил это изменение к Нему речи фарисейской и, давая наставления Апостолам, когда вскоре после того посылал Апостолов на проповедь, помянул: «аще господина дому веельзевула нарекоша, кольми паче домашния его» ([Мф. 10:25](#)). Это было пред третьєю Пасхою. После чудного насыщения пяти тысяч святой Иоанн замечает, что Господь все ходил по Галилее, а в Иудею не хотел идти, потому что тамошние хотели Его убить ([Ин. 7:1](#)). Так замечено, надо полагать, в объяснение, почему Господь не был на третьей Пасхе, ибо она прошла. Можно заключить, что убийственные замыслы иудейских властей сделались гласными.

И опять видятся близ Господа иерусалимские соглядатаи — книжники и фарисеи. Они укоряли Господа, зачем позволяет Он ученикам Своим принимать пищу, не умывши рук; а Он строго обличил их за нарушения заповеди в отношении к родителям в силу предания человеческого, назвал их лицемерами; и, созвав народ, гласно дал ему внушения, противные фарисейским понятиям — и учениям. В первый раз так строго отнесся Господь к фарисеям, как бы в противодействие их хуле: «о веельзевуле». Фарисеи соблазнились. Ученики заметили это и сказали Господу, и Он назвал их (фарисеев) «вождями слепыми» ([Мф. 15:12—14](#); [Мк. 7:1—23](#)).

Когда после чудного насыщения четырех тысяч, переплыв море, Господь вступил в пределы Магдальские и Далмануфские, обступили Его фарисеи и саддукеи, предлагали вопросы, заводили споры и требовали знамения. Господь, назвав их лицемерами и родом лукавым, объявил, что не дастся им иного знамения, кроме знамения Ионы пророка. Разделение, вражда и сопротивление фарисеев усилились. И Господь заповедал ученикам беречься закваски фарисейской и саддукейской ([Мф. 16:6](#); [Мк. 8:10—15](#)).

Началось последнее хождение Господа по Галилее, фарисеи и соглядатаи опять тут. Господь изгнал беса. Народ дивился, а те: «о веельзевуле». Господь, назвав их родом лукавым и прелюбодейным, объяснил для народа, как и прежде, как бессмысленно так думать ([Лк. 11:14—29](#)). Но когда вслед за сим один фарисеи позвал Его на обед и изъявил некое неудовольствие, что Он возлег к трапезованию не умыв рук, Господь, оговорив его, указал другой способ (милостыню) сделать, чтоб все у нас всегда было чисто, и затем строгое произнес обличение на фарисеев вообще, а потом и на книжников. Те сильно раздражились, поднялись, стали приступать к Господу, вынуждая ответы, чтоб уловить Его ([Лк. 11:37—54](#)). За это Господь,

когда собралось много народа, всем сказал: «берегитесь закваски фарисейской» ([Лк.12:1](#)). В одну субботу Господь в синагоге исцелил скорченную. Начальник синагоги вознегодовал за нарушение субботы и сказал к народу: «есть шесть дней» для дел, тогда и приходите исцеляться, а в субботу не приходите. Господь обличил его в лицемерии, и народ радовался о славных делах Его, а противники стыдились ([Лк. 13:10—17](#)).

Кончилось последнее хождение Господа по Галилее. Подошел праздник Кущей; Господь сошел в Иерусалим и нашел тут сильное раздражение властей против Себя. Вероятно, фарисеи и книжники из Иерусалима, соглядатаи, все передавали властям, как Господь относился к ним, и, как обычно им, с кривотолкованием. От этого неприязнь их к Господу росла и к сему времени возросла до того, что синедрион постановил отлучать от сонмища всякого, кто исповедует Его Христом, — Обетованным ([Ин. 9:22](#)). Вследствие сего никто уже не говорил о Нем явно, «страха ради Иудейска» ([Ин. 7:13](#)); и в народе разошлась молва, что власти хотят убить Его ([Ин. 7:25](#)). Господь появился в храме в половине праздника и, по обычаю, начал учить. Между беседою помянул Он: «что Мене ищите убить?» Они отпирались: «кто Тебе ищет убить?» Но некие из иерусалимлян тут же, когда продолжал Господь Свою беседу, говорили между собою: «не сей ли есть, егоже ищут убить?» Но «вот Он явно говорит, — и ничего» ([Ин. 7:19—26](#)). Да и дела их обличали это: они тут же хотели взять Его, но не взяли, «потому что не пришел час Его» ([Ин. 7:30](#)); слуг посылали схватить Его и привести, которые, если не схватили, то только потому, что сила слова Господня не допустила их решиться на это, как сами они исповедали сие, говоря: «николиже тако глаголаше человек, яко сей человек» ([Ин. 7:32, 46](#)); наконец они раздражились до того, что «взяли камни, да вергут Нань», но Он стал невидим и прошел посреде их ([Ин. 8:59](#)).

Сие происходило на празднике Кущей, но и потом, на празднике Обновления, поднялась буря не менее сильная. Они взяли «камни, да побьют Его». Когда Господь спросил: «за какое это дело?» — они отвечали: «за то, что Ты Сыном Божиим Себя объявляешь» ([Ин. 10:31—36](#)). Когда же Господь объяснил им, что слова Его подтверждаются делами, говоря: «дела Мои показывают, что Отец, во Мне, и Аз в Нем», они вящше (более) «искали яти Его», но Он «изыде от рук их», — и отошел за Иордан ([Ин. 10:38—40](#)).

Вероятно, ярость их обнаружилась при сем с такою силою, что оставила глубокий след в душах учеников. Ибо они, когда Господь, пробыв за Иорданом, сказал им: «идем во Иудею паки», в страхе напоминали Ему: «Равви, ныне искаху Тебе камением побити Иудее, и паки ли идеши тамо?» ([Ин. 11:7, 8](#)). — У тех в самом деле убийственное рвение не пресекалось и только по отсутствию предмета своего не обнаруживалось. Но когда Господь воскресил Лазаря и чудо сие произвело на народ неописанное впечатление, архиереи и фарисеи поспешно собрали сонм, чтоб решить, что делать, «яко человек сей много знамения творит». И решили устами первосвященника Каиафы: «уне есть нам, да един человек умрет за люди... И от того дне совещаща, да убьют Его» ([Ин. 11:47—53](#)).

Решение принято бесповоротное, но исполнение его пришлось отложить до времени. Ибо как до праздника оставалось еще немало дней, то Господь удалился на этот срок в Ефраим. Не видя Его более, власти иудейские постановили и обнародовали наказ, чтобы «кто ощутит Его, где будет», давал знать о том, и Его можно бы было схватить ([Ин.11:57](#)). Как бы в ответ на это постановление Господь, по возвращении из Ефраима и после вечери в Вифании, совершил торжественный вход Свой в Иерусалим. Возбуждение народа меры не знало. Смотря на это, фарисеи говорили между собою: «видите, никакой нет пользы от наших мер, весь мир по Нем идет» ([Ин. 12:19](#)).

В словах сих слышится боязнь, как бы жертва не ускользнула из рук. Почему можно с вероятностью предположить, что вследствие сего было ими постановлено строже наблюдать за

Ним, чтоб собрать побольше случаев, к коим можно придрататься и обличить Его. Такие именно придирки видятся в словах их по случаю взывания детей в храме: «слышиши ли, что сии глаголют?» ([Мф. 21:16](#)), и по случаю властного учения Его в храме: «коею властью сия твориши?» ([Мф. 21:23](#)), — особенно же в той злобе, с какою искали погубить, в чем, если не успевали еще, то потому только, что народ неотступно окружал Его, слушая Его ([Лк. 19:47—48](#)).

По сей же причине, скрепя сердце, должны были они на второй день после входа Господня в Иерусалим выслушать строго-обличительные для них слова Его и в притчах, и в безжалостном перечислении всех худостей в фарисейском поведении и действовании. Но, терпеливо выслушав это обличение, они опять собрались на совет, как бы хитростию взять Его незаметно для народа. Может быть, они ничего бы не придумали в исполнение такого решения, если б не подоспел к ним на помощь Иуда. Он обещал предать Господа и доставить им случай взять Его тайно от народа ([Мф. 26:3—5, 14—16](#); [Мк. 14:1—2, 10—11](#); [Лк. 22:2—6](#)).

Иуда исполнил свое злое обещание, когда, оставя Тайную вечерю, пришел к ним и уверил их, что в эту ночь удобно будет взять Господа. Те поспешили собрать множество народа из служителей храмовых, из воинов, старейшин, книжников и даже первосвященников и, поручив их водительству Иуды, отпустили в сад Гефсиманский. Они двигались туда, когда Господь молился о чаше, и пришли, когда молитва была окончена и Господь ждал их.

Господь все сие видел; видел и то, чем все кончится. Во все продолжение Тайной вечери чаша, которую положено было в совете Божиим испить Спасителю нашему, носилась пред очами Его. И не только теперь это было, но и во все сии последние дни, и прежде в Галилее, Да и с самого начала явления Им Себя миру она виделась Ему.

Первый указал на это святой Предтеча, когда по крещении, сорокадневном посте и победе над диаволом приходил Господь на Иордан, — говоря: «се Агнец Божий, взявляй грехи мира» ([Ин. 1:29](#)). Сам же Господь возвестил сие о Себе на первой Пасхе, когда на вопрос властей храмовых, по случаю изгнания Им из храма торжников: «кое знамение являеши нам, яко сия твориши?» — ответил: «разорите церковь сию, и тремя денми воздвигну ю» ([Ин. 2:18—19](#)), разумея под церковию тело Свое, а под разорением ее — страдания Свои и смерть. И скоро после сего не приточно, а прямым словом поучал Никодима: «якоже Моисей вознесе змию в пустыни, тако подобает возвестися Сыну Человеческому, да всяк веруяй в Онъ не погибнет, но имать живот вечный. Тако бо возлюби Бог мир, яко и Сына Своего Единороднаго дал есть» ([Ин. 3:14—16](#)).

Пребывая в Галилее, Господь не тотчас определительно объявил, что Его ожидают страдания и смерть, но сначала намекал только на сие приточною речью. Так, когда фарисеи просили у него знамений, Он дважды отказывал им, говоря: «не дастся вам знамение, кроме знамения Ионы пророка» ([Мф. 12, 39—40, 16:1—5](#)). И еще, — когда беседовал Он о хлебе небесном, сказал: «хлеб сей... — плоть Моя, юже Аз дам за живот мира» ([Ин. 6:51](#)).

Определенно же открыл Он о сем, — и то только ученикам Своим, тайно, уже после того, как они исповедали Его обетованным избавителем Христом, Сыном Бога Живого ([Мф. 16:13—20](#); [Мк. 8:27—30](#); [Лк. 9:18—21](#)). «Оттоле же, — замечают евангелисты, — начат Иисус сказовати учеником Своим, яко подобает Ему ити во Иерусалим и много пострадати от старец и архиерей и книжник, и убиену быти, и в третий день востати» ([Мф. 16:21](#); [Мк. 8:31](#); [Лк. 9:22](#)). Сие было в пределах Кесарии Филипповой, после третьей Пасхи, незадолго до вхождения Господа в Иерусалим, где и совершилось предсказанное Им.

После Кесарии Филипповой видим Господа на Фаворе. Здесь Моисей и Илия говорят с Ним об исходе Его, а Сам Он потом сказал Апостолам, что как с новозаветным Илиею (Иоанном Предтечей) поступили власти иудейские, так и «Сын Человеческий имать пострадати от них»

([Лк. 9:31](#); [Мф. 17:12](#)). По схождении с горы и исцелении бесноватого, когда все дивились, Господь настоятельно внушал ученикам: «вложить вы во уши ваши словеса сия: Сын Человеческий имать предатися в руце человечесте» ([Лк. 9:44](#)). И затем, проходя по Галилее, опять говорил ученикам: «яко Сын Человеческий предан будет в руце человечесте, и убьют Его, и убиен быв, в третий день воскреснет» ([Мк. 9:31](#)). Но ученики, как прежде, так и теперь, ничего не поняли... сокровен был глагол сей от них ([Лк. 9:45](#)).

Во время последнего хождения Своего по Галилее Господь дважды помянул о Своей смерти, и притом всенародно: в первый раз, когда возвестили Ему, будто Ирод желает убить Его. Он сказал тогда: «шедше рцыте лису тому: се изгоню бесы и исцеления творю днесь и утре, и в третий день скончаюся. Обаче подобает Ми днесь и утре и в ближний ити, яко невозможно есть пророку погибнути кроме Иерусалима» ([Лк. 13:32—33](#)). Во второй раз помянул, когда говорил о втором пришествии. Сказав, что оно будет, как молния, Он прибавил: «прежде же подобает Сыну Человеческому много пострадати, и отвержену быти от рода сего» ([Лк. 17:25](#)).

Приблизились «дни взятия Господа от мира» ([Лк. 9:51](#)), и Он, по обхождении Галилеи (как изображает евангелист Лука, 9—18) восходит в Иерусалим на праздник Кущей. Он явился прямо в храм в половину праздника и начал учить. Зная, как раздражатся против Него власти, Он внушал им, что действует и учит не Сам от Себя, но послан от Отца Небесного и Его волю исполняет, чем внушалось: «поопаситесь, ибо, враждуя и убийственные строя замыслы против Меня, вы оказываетесь богоборцами». К сему приложил Он: «еще мало время с вами есмь, и иду к Пославшему Мя» ([Ин. 7:33](#)), говоря как бы им: вы хотите Меня убить назло; а это вот куда поведет; Я не только не боюсь, но с радостью готов на это.

Утром после последнего дня праздника Кущей Господь опять пришел в храм и говорил, что Он — свет миру, что не один учит и действует, но что с Ним и Отец, пославший Его. Потом опять прибавил прежнее: «Аз иду; и възщете Мене, и во гресе вашем умрете» ([Ин. 8:21](#))... «аще не имате веры, яко Аз есмь (что Я есмь то, что говорю), умрете во гресех ваших» ([Ин. 8:24](#)). Как слышавшие неясно видели, кто есть Пославший Его и, не понимая, куда Он хочет идти, разно толковали это, то Он сказал им: «егда вознесете Сына Человеческаго, тогда уразумеете, яко Аз есмь (что есмь то, что о Себе говорю), и о Себе ничесоже творю, но, якоже научи Мя Отец Мой, сия глаголю» ([Ин. 8:28](#)). Сим предуказывалась и смерть, и род смерти.

В пространстве времени между праздником Кущей и праздником Обновления Господь, по исцелении слепорожденного, говоря о Своем пастырстве, опять указывает на Свою смерть, говоря: «пастырь добрый душу свою полагает за овцы» ([Ин. 10:11](#)). «Аз есмь пастырь добрый... и душу Мою полагаю за овцы» ([Ин. 10:14—15](#)). Потом прибавляет, что это делает Он не по какому-либо принуждению или насилью, но Сам о Себе. «Аз Душу мою полагаю, да паки прииму ю. Никтоже возмет ю от Мене, но Аз полагаю ю о Себе; область имам положить ю, и область имам паки прияти ю» ([Ин. 10:17—18](#)).

Так во все сии дни Господь видел пред Собою смерть и всем явно говорил об ней. И враги напоминали Ему о ней своими порывами на побитие Его камнями. Ввиду сего, так как еще не пришло время смерти Его, Он удалился за Иордан.

Из-за Иордана вызвала Господа смерть Лазаря. Начав свое по сему случаю движение в Иерусалим, на последнее там и вообще на земле пребывание, Он сказал ученикам Своим особо: «се восходим во Иерусалим, и Сын Человеческий предан будет архиереом и книжником, и осудят Его на смерть, и предадут Его языком, и поругаются Ему, и уязвят Его, и оплюют Его, и убьют Его» ([Мк. 10:33—34](#)). Вот что и теперь было пред очами Господа! — И это, конечно, побудило Его, при переходе чрез Иерихон, сказать в доме Закхея притчу о некоем человеке, отходящем в дальнюю страну — приять царство и возвратиться. Ибо сей высокого рода муж есть Он Сам, отхождение Его — Его страдания и смерть ([Лк. 19:11—27](#)).

Славное воскресение четверодневного Лазаря не закрыло в Нем уничижительного образа готовящейся Ему смерти. А если б и случилось это невероятное, церковные власти позаботились отдернуть эту завесу своим определением: «уне есть.., да един человек умрет за люди» ([Ин. 11:50](#)). Потом же, когда, пребыв в пустыне Ефраимской подобающее время, перешел Он оттуда в Вифанию и принял от знаемых в честь Его вечерю, об этом напомнила Ему Мария, помазав Его миром, как Сам Он определил смысл сего ее деяния, сказав: «на погребение Мя сотвори» ([Мф.26:2](#)).

На другой день как торжествен был вход Господа в Иерусалим! А Он плачет, предзря его грядущую горькую участь за предание Его смерти. В храме же тем, что еллыны желали видеть Его, открывалось пространство имевшего устроиться на земле царства Его, а Он видит пред собою скорбный час Свой, и столь скорбный, что возмущился духом и воззвал к Отцу: «Отче, спаси Мя от часа сего», хотя тотчас и успокоился в предании Себя предвечным определениям триипостасного Бога: но «сего ради приидох на час сей» ([Ин. 12:27](#)). Ибо иначе нельзя было. «Аще, — говорит, — зерно пшенично пад на земли не умрет, то едино пребывает; аще же умрет, мног плод сотворит» ([Ин. 12:24](#))... «И аще Аз вознесен буду от земли, вся привлеку к Себе. Сие же глаголаше, назнаменуя, коею смертию хотяше умрети» ([Ин. 12:32—33](#)).

В следующие после сего дни Господь приходил в храм и учил. Святые евангелисты передают только то, что говорил Господь во второй день. Здесь между притчами, кои говорил Он, обращаясь к первосвященникам с книжниками и старейшинами, притча о винограднике и виноградарях вся направлена к живейшему представлению смерти Его, имеющей быть делом тех самых, к коим она изрекалась. Виноградари, перебив слуг хозяина, когда увидели сына его, идущего к ним, сказали: это сын и наследник! — пойдем и убьем его, и наше будет наследие; схватили его, вывели из виноградника и убили. То же самое сделали с Господом церковные власти, слышавшие сие. Они слышали, поняли, и однако ж, все же сделали, как предсказано ([Мф. 21:38—39](#); [Мк. 12:7—8](#); [Лк. 20:14—15](#)).

Кончив беседы в храме и потом с учениками на Елеоне, Господь заключил день сей такими словами: «через два дня Пасха будет, и Сын Человеческий предан будет на пропятие» ([Мф. 26:2](#)).

Обстоятельства текли своим чередом и вызывали Господа к соответственным деяниям и речам. А у Него — мысль все о смерти, и смерти, которая проторгалась и в течение бесед Его. На третий день в доме Симона прокаженного в Вифании была для Него вечеря. Жена некая помазала Его миром. В некоторых из бывших на вечери обнаружилось роптание из-за такой траты... Господь сказал: «оставьте ее. Она хорошо сделала: ибо возливши на Меня миро сие, она приготовила Меня к погребению» ([Мф. 26:12](#); [Мк. 14:8](#)).

На другой день после сего, — четвертый после входа в Иерусалим, — была у Господа Тайная вечеря с учениками. Она была прощальная, и очень естественно, что мысль о смерти непрестанно входила в беседу в продолжение всей вечера. Только что возлегли, как Он, «зная, что пришел час Его, прейти от мира сего к Отцу» ([Ин. 13:1](#)), сказал: «желанием возжелех Я сию пасху ясти с вами, прежде даже не прииму мук. Ибо сказываю вам, яко отселе не имам ясти от нея» ([Лк. 22:15—16](#)).

По омовении ног, сказав ученикам по ходу речи: «и вы чисти есте, но не вси, возмущился духом и свидетельствовал им: истинно, истинно говорю вам, что один из вас предаст Меня... и се рука предающего Мя со Мною есть на трапезе» ([Ин. 13:10, 21](#); [Лк. 22:21](#)). А предателю, когда он, хотя неясно еще, признан был таковым прочими учениками, столь доволно, однако ж, обличен был словами Господа, что ему лучше было удалиться с вечера, сказал: «еже твориши, сотвори скоро» ([Ин. 13:27](#)).

В продолжение вечера, установляя таинство Тела и Крови, что говорил Господь? — «Сие

есть Тело Мое, за вы даемо... Сия есть Кровь Моя, за вы изливаемая» ([Мф. 26:26—29](#); [Мк. 14:22—25](#); [Лк. 22:19—20](#)).

Кончилась вечеря. Господь начал прощальную завещательную беседу. Много говорено; но все, что было говорено, исходило от смерти Его и к ней возвращалось. Она шла как бы в преддверии смерти. «Чадца мои! Не много уже Мне быть с вами» ([Ин. 13:33](#)). «Да не смущается сердце ваше... Иду уготовати место вам» ([Ин. 14:1—2](#))

«Иду к Отцу Моему» ([Ин. 14:12](#)).

«Еще мало, и мир ктому не увидит Мене, вы же увидите Мя» ([Ин. 14:19](#)).

«Да не смущается сердце ваше... слышасте, яко Аз рех вам: иду и прииду к вам... Иду ко Отцу... Ныне рех вам, прежде даже не будет, да егда будет, веру имете. Ктому не много глаголю вам» ([Ин. 14:27—30](#)).

«Ныне иду к Пославшему Мя... Но, яко сия глаголах вам, скорби исполних сердца ваша. Но истину вам глаголю: уне есть вам, да Аз иду. Аще бо не иду Аз, Утешитель не приидет; аще ли же иду, пошлю Его к вам» ([Ин. 16:5—7](#)).

«Вмале и ктому не видите Мене, и паки вмале и узрите Мя, яко иду ко Отцу... Аминь глаголю вам, яко восплачетея возрыдаете вы, а мир возрадуется... Но печаль ваша в радость будет... Паки узрю вы, и возрадуется сердце ваше, и радости ваша никтоже возмет от вас» ([Ин. 16:16, 20, 22](#)).

То же и в первосвященнической молитве Своей ко Отцу молится Он об учениках: «Отче Святыи, соблюди их во имя Твое... Егда бех с ними в мире, Аз соблюдах во имя Твое... Ныне же к Тебе гряду» ([Ин. 17 11—13](#)).

Так говорить мог только Тот, Кто глаз своих не отводил от лица предстоящей Ему смерти. Ему уже нечего ожидать; еще шаг, и Он отдаст Себя в руки врагов Своих, которые осудят Его, измучат и предадут позорной смерти.

Все сие Он видел и, однако же, пошел на то не колеблясь, говоря: «возстаните, идем» ([Ин. 14:31](#)).

Час-другой спустя, вероятно, и Иуда подобное слово сказал своему сборищу: пора! пойдёмте.

Так дело созрело.

Но обратимся к началу сего конца земного поприща Господа Спасителя нашего.

Начало сие, собственно, положено было молением Спасителя о чаше в саду Гефсиманском. Но, судя по тому, о чем шла речь на пути в Гефсиманский сад, к нему следует относить и переход в сей сад с Тайной вечери.

Переход Господа на Елеон

Когда кончено было все на вечери, Господь повторил: «встаните, идем» ([Ин. 14:31](#)). «И воспевше изыдоша» ([Мф. 26:30](#); [Мк. 14:26](#)). И изшед Иисус, «иде со ученики Своими на он пол потока Кедрска» по обычаю в гору Елеонскую, «идеже бе вертоград». (Он впереди) «по «Немже идоша ученицы Его»» ([Лк. 22:39](#); [Ин. 18:1](#)).

Настало время, когда Господу Спасителю нашему надлежало совершить жертву, или Себя принести в жертву, за род наш, для коей Он и на землю пришел.

Тайная вечеря, на коей Он вместо видимого установил таинственное Свое среди верных присутствие в таинстве Тела и Крови,— кончена; завещательное слово ученикам предложено; первосвященническая молитва к Богу Отцу вознесена. Теперь делается первый шаг к страданиям и смерти крестной. И с какою решительностью изрекает Господь: «встаните, идем отсюда».

Воззвание: «встаните, идем отсюда» — приводится только святым Иоанном, и оно стоит у него не пред самым выходом, а выше того. После сего воззвания беседа продолжалась долгая, простирающаяся на три главы ([Ин. 15—17](#)). И после нее уже говорится: «сия рек, изыде» ([Ин. 18:1](#)). Следовательно, прежде изречения всего не выходил и, следовательно, беседа та была в Доме. Надо положить, что, когда сказал Господь «встаните», все встали. Но беседа продолжалась, как обычно бывает при прощании любящих друг друга, что и вставши — говорят, и сделав несколько шагов — говорят, и пред самыми дверьми — говорят. Признать сие заставляет и важность предметов, о коих шла речь. Что говорилось об них, должны были знать все ученики, но на дороге трудно всем все слышать. Потому напрасно некие в своих Евангельских историях ставят сии речи в промежутке между выходом из дома вечери и вступлением в сад Гефсиманский. Можно так положить: по слову Господа, встали; но Господь все еще говорил, стоя, а ученики слушали, стоя. Когда все переговорено было, Господь мог сказать: теперь пойдете отсюда. Вышли и пошли. Этим оправдывается, почему в нашем своде сказаний о сем переходе помещено: повторил Господь: «встаните, идем». Можно и без — «встаните», так: теперь идем отсюда, так как они все стояли уже. Беседа после воззвания начинается словами: «Аз есмь лоза» ([Ин. 15:1](#)). Иные толкуют, что поводом к сему слову послужили виноградники, мимо коих проходили. Этим хотят оправдать, почему речь ту влагают в уста Господу в продолжение перехода на Елеон. Но тогда Сион был внутри города, где виноградникам неуместно быть; а ограда городская шла очень близко к обрывистой окраине Сиона, так что за нею места не было для садов. Стало быть, виноград не мог подать повода Господу начать речь: «Аз есмь лоза», и Он говорил по Своим намерениям внутренним.

«И воспевше изыдоша». «Воспевше» — не «начавши петь», чтоб продолжать дорогою, но «пропевши».

Слово в день святой великомученицы Варвары

Священный долг празднующих в честь святых состоит в том, чтобы смиренно размышлять о делах их жизни, усматривать в них мудрое водительство благодати Божией и их смиренную покорность сему водительству и потом, восхваляя благодать Божию и их покорность, стараться стяжать первую и подражать последней, чтобы чествование, начавшись таким образом в уме размышлением, непрерывно продолжалось в жизни подражанием. Сей долг и на нас лежит, ныне празднующих в честь святой великомученицы Варвары. Всякий пришедший в храм сей держит, без сомнения, в уме своем — вместе с прекрасным ликом великомученицы — и мудрый образ ее жизни. Станем же смотреть на сей образ, станем восхвалять благодать Божию, восхвалять подвиги великомученицы и поучаться в них.

И первее всего — видите ли премудрое водительство Божие? Видите ли, как оно творит добро из того, что человек делает не как добро? Как оно не благие намерения заставляет споспешествовать своим благим определениям и зло делает средством к стяжанию истинного блага? Диоскор, сокрывая юную дочь (дочь) свою на столпе, не простирает далее видов своих, как только до того, чтоб сохранить в ней девственную чистоту сердца или, может быть, еще чтобы дать ей возможность беспрепятственнее научиться всему, что прилично и свойственно ее полу и возрасту. Он не видел ничего выше и далее земли и, может быть, в самом намерении мешал с родительскою любовью порочную ревнивость. Но чего не видел он, то дал Господь, и чего не думал произвести, то произвела благодать. Укрытой от взора людей — она дала узреть Бога, ревнивостью сохраненную чистоту сердца — возжгла ревностью по славе Божией. Сетовавшую о неестественном удалении от общения с людьми — утешила общением с Богом, удаленную от земли — привлекла к небу, уготовляемую в невесту человеку — уневестила Христу, учимую делам житейским — научила делам благочестия. Так, когда земной отец своими попечениями хотел возвести дочь свою на возможное совершенство дочерей земных, Отец Небесный благодатью Своею соделывал из нее прекрасную дочь Неба — общницу Ангелов и святых и невесту Христу.

Наступило брачное время, и Диоскор с печалью увидел, что на леторасли (ростке), которую он хранил с такою заботливостью, расцвел цвет, совершенно им неожиданный, что та, которою он чаял стяжать большую славу, не ищет славы, и которой хотел доставить возможное счастье на земле, не находит в нем ничего привлекательного, — и начал разорять то, что прежде созидал; что прежде хранил, то предал на расхищение, что прежде было ограждал, от того теперь отъял всякую ограду и предал пагубе очей ту, которую укрывал от всех. Радовался мир, видя, как приносят ему столь богатую жертву, радовался ад, ожидая близкую себе добычу, радовался Диоскор, надеясь наконец увидеть плод своих трудов. Но радость их отъята от них. Благодать Божия посрамила надежды суетные! Лишенная всякого надзора — блюдетя недремлющим оком Царя Небесного, всем открытая — покрывается кровом крыл Божиих, сведенная с столпа — вводится в купель крещения, подаренная на время свободою суеты — приемлет вечную свободу во Христе на дела благие, объята житейскою молвою — слышит сладчайшее слово Божие, окруженная прелестями мира — узнает сладости райские, и чаемая юношами невеста — уневещивается Христу. Видите ли, что имел в виду Диоскор и что произвела благодать? Так и всегда Господь недобрые дела людей обращает на служение воле Своей к Своим благим намерениям.

Диоскор надеялся удалением из дома сблизить сердце дочери своей с целями, от коих несколько удалил его, как думал, строгим своим блюстительством; но, возвратившись, нашел совсем не то, что чаял, — нашел, что совершенно похищена та, коею хотел больше возобладать,

что своя ему уже не его, что рождение его перерождено, что в той, в коей кровь его, не его ум и не его сердце. И, не разобравши, хорошо ли это или худо, предается ярости и, забыв законы естества, устремляется с мечом за тою, которую родил, терзает ее, морит голодом, предает на позор всему городу, с радостью смотрит на ее страдания и, наконец, становится сам ее палачом. Кто управлял его сердцем, как не ад, который вместил в него всю злобу, чтобы отмстить посрамление свое на той, которую посрамлен! Но под сими внешними делами тьмы какое сокрыто богатство Божественного света и сквозь ухищрение злобы какое зрится обилие благодати Божией, посрамляющей их! Святую великомученицу хотят уморить голодом, а ей дается хлеб небесный; ее хотят подавить тяжестью мучений, а она исполняется мужеством, сильным подъять тяжесть всего мира; ей досаждают — она благодушествует, ее терзают — она радуется, на нее злобствуют — она молится, ее предают крайнему посрамлению, а ей ниспосылается ощущение славы небесной и после является Сам Господь славы; у нее отъемлют главу, а она возносится к главе Церкви — Христу, в страданиях, как золото в горниле, искушенная. Так Господь посрамил злобу ада!

Видите ли, как чудны дела Божии? Как непререкаемы намерения Его? Диоскор замышлял одно, а Господь произвел совсем другое. Так и в жизни каждого человека; с течением многообразных обстоятельств, Он всегда совершает то, что Ему угодно, только сего пути Промышления Божия никакой ум постигнуть, никакая мудрость определить не может. Мы видим только и в себе, и около себя, как действуют люди, а того, что производит Господь людьми, не видим, разве только тогда, как в конце всего увидим плод мудрого водительства Божия — всегда в вечную нам пользу. Потому, при изменении обстоятельств своей жизни, нам не должно ни роптать, ни жаловаться, а только, с совершенным преданием себя воле Божией, смиренно ждать, что, наконец, даст нам Господь.

Не многообразен и не долог путь жизни святой великомученицы Варвары, но обилен назиданием и потребует много трудов и времени от желающего подражать. Ибо, скажите, какой добродетели нет в ней? — Веры ли? Но она желала научить ей и отца своего, и научила бы, если бы око ума его не было закрыто суеверием и злобою. — Упования ли? Но чем же отвлекла она сердце свое от всех надежд земных, кои в таком привлекательном виде и так верно предлагал ей мир? — Любви ли? Но вспомните, о чем молилась она, когда меч был занесен над главою ее? — Мудрости ли? Но познать Бога в видимых тварях — не мудрость ли? Искать света истины среди суеты, найти его, последовать ему, — не мудрость ли? Уединенную жизнь употребить не в пользу плоти, а в назидание духа, — не мудрость ли? — Мужества ли? Но преодолеть естественную над сердцем власть отца и родных, предать себя страшным и опасным мучениям, нимало не колебаться от них, не видя им конца, радостно встретить смерть — не есть ли это громогласное свидетельство ее высокого мужества? Но и вся добра есть прекрасная невеста Христова — святая великомученица Варвара. Да удобрит же она и нас добротой своею и да научит нас подражать своему святому житию! Не можем и не будем отказываться от сего ни по высоте образца, ни по своей слабости. Ибо и она была человек с подобными нашим немощами, но возмогла о Господе. Господь же — всех есть Господь.

Правда, мы не всегда можем быть уединенными, как она; но не уединение умудряет, а умение пользоваться уединенными минутами дает возможность стяжевать мудрость. А разве мы никогда не бываем одни — с Богом, совестью и своею жизнью, а от сих трех чему нельзя научиться в несколько минут, особенно при сближении их? Даже если бы в самом деле были чрезвычайно обременены необходимыми занятиями, то у самых нужных дел нужно похищать, так сказать, по несколько минут для беседы с ними. Не имеем такой отрешенности от забот, такой живости и чистоты сердца, такой светлости ума, чтоб могли ощутить беспрепятственно бесконечные Божии совершенства, явленные в тварях? Но, братие, и из кремня выбивают искру,

и из холодного дерева вытирают огонь. Чего не находим в душе — это не значит еще, что того в ней и совсем нет. Оно есть, но только не раскрыто. Решимостью, напряжением воли, трудом, упражнением — из нее можно извлечь все, что видим у кого. Наблюдатель упражнением так приучает свой глаз, что он замечает наконец самые мелкие оттенки. Природа пред нами. Частым обращением с нею так можно приучить чувство, что оно во всякой малой вещи может ощущать бесконечную силу Божию. Что же касается до того, что святая великомученица, позванная Богом, неуклонно последовала Его внушению, что потом употребила все усилия, чтоб точнее познать истину, что все вменила в уметы (ставила ни во что) Христа ради, что среди страданий возросла — в вере, любви, уповании, преданности, мужестве, — что, несмотря на препятствия, не отказалась от веры, несмотря на ужасы мучений, не устыдилась исповедать Христа, чем всем обнаружила преимущественно смиренную покорность воли своей воле Божией; то это такие добродетели, без которых никто не бывает истинным христианином, если не в таком виде, то в другом, и если не во всех сих действиях в отдельности, то в неточной их причине — совершенной то есть покорности манованиям Божиим, как, когда и откуда бы они к нам ни приходили, которую стяжать да поможет нам молитвами своими святая великомученица! Аминь.

Легкое средство к усвоению святой жизни христианской (Поучение в Неделю 23-ю по Пятидесятнице)

«Того бо есмы творение, созданы во Христе Иисусе на дела благая, яже прежде уготова Бог, да в них ходим» ([Еф. 2:10](#)).

Так, братие, христианская жизнь и святость, истинный христианин и человек святой суть одно и то же. Тот только и христианин, кто творит дела благие, и та только жизнь христианская, которая есть непрерывная цепь благих дел. Христианин на то и создан благодатию Иисуса Христа в крещении, чтобы творить только благое, чтобы служить непрерывно Богу живу и истинну, чтобы быть постоянным ревнителем добрым делам. Он — Ангел на земле, и еще более — сын Божий. Все в нем чисто и свято от души до тела, от внутреннего до внешнего, от простого взгляда до полного преднамеренного и обдуманного действия. Блажен тот человек, коего жизнь течет, как струя чистой воды, в прекрасном, стройном, ангельском виде. Кто не пожелает ревновать по ней? Кто не пожелает стяжать небесную красоту и облечься ею?

А есть, братие, средство к тому, и средство самое легкое из всех, какие даны нам к совершению нелегкого дела нашего спасения. Оно состоит в блюдении чистоты мыслей. Надобно так устроить свои мысли, чтобы ни один предмет, не только соблазнительный, даже простой, не поучительный, не входил в нашу душу, так держать ум, чтобы он занимался только Богом и божественными вещами, чтобы постоянно Его видел как бы пред собою, Вездесущего, и ни на одно мгновение не отклонял от Него своих взоров. Надобно размышлять или о Божиих свойствах, или о Божиих делах, или о спасении человеков, или о погибели их, об Иисусе Христе, об Ангелах и святых, и о других спасительных предметах. Когда мы таким образом будем блюсти чистоту в мыслях, когда мы будем думать только о добром и спасительном, то от добрых мыслей непременно родятся у нас и добрые чувствования; а от добрых мыслей и чувств произойдут и добрые расположения, далее — добрые дела и доброе поведение. И мы, значит, достигнем того, чего ищем, — жизни непорочной и богоугодной.

Добрые и благочестивые мысли подобны лучам солнечным. Лучи солнца, падая на холодную и бесплодную землю, согревают и оплодотворяют ее, так и добрые мысли, касаясь нашего холодного и плотяного сердца, согревают его и рождают в нем святые чувства, и чем более кто держать будет духовных мыслей над сердцем, тем оно и само будет духовнее, мягче, чувствительнее. Так, например, если кто размышляет о благодати Божией, тот сначала может и ничего не чувствовать; но если далее поддержит мысль свою на сем одном предмете, то сердце его начнет мало-помалу приходить в движение, и, чем более он будет думать о благодати, чем более будет постигать и яснее изображать ее в своих мыслях, тем более в нем будет возрастать и расширяться чувство души, наконец же он всецело проникнется чувством благодати Божией, и с сих пор человек и сам станет подражать в благодати Господу. То же произойдет, если кто станет думать и о другом каком благочестивом предмете, например о Страшном суде. Сначала душа может и ничего не чувствовать; а потом мало-помалу начнет трогаться все более и более, живее и живее, смотря по степени живости и ясности, с какою будет раскрываться в его мыслях картина Страшного суда, наконец в сердце возродится полное чувство страха и трепета, и человек с тех пор станет бегать всякого греха, как огня гееннского. — Итак, братие, несомненно, что если у нас на душе будут добрые мысли, то вместе с тем будут и добрые чувства, затем добрые расположения и добрые дела, и мы тогда будем на самом деле Божие творение, на дела благие во Христе Иисусе созданное и являющее их, будем действительными ревнителями добрым делам. Возлюбив христианскую жизнь, добрую и благообразную, возлюбим и добрые мысли: так их устроим, чтоб в них не было ничего земного, суетного,

пустого, а было одно небесное, святое, божественное.

Не думайте, чтобы это было слишком трудно и чтобы нельзя было совсем выполнить спасительного правила благомыслия. — Не справедливо. Трудно, правда, будет сие занятие несколько времени, но только сначала. Чем же более кто будет упражняться в сем святом деле, тем оно будет для него легче и приятнее. Душа наша походит на резвое дитя. Не хочется ей быть в себе самой, как дитяти не хочется сидеть дома на одном месте: беспрестанно рассеивается она и блуждает по разным предметам. Но как дитя приучают к тихости, так можно приучить и душу к постоянству, то есть приучить к тому, чтобы она пребывала внутри себя и занималась спасительными размышлениями о Боге и вообще о божественных вещах. Надобно только понудить себя к тому, надобно, не жалея себя, противиться душе и не пущать ее в мир к суетным вещам. Сначала это будет скорбно и не угодно душе, мало-помалу потом она будет привыкать к такому занятию, а далее будет находить в нем уже приятность и наслаждение. И всякое дело трудно сначала. — Трудно писать, трудно читать, трудно петь тому, кто начинает только учиться сему. Но кто приучится и привыкнет, например, писать, тому не только не трудно, даже хочется писать: он находит в том удовольствие. Так и здесь. Трудно на первый раз держать душу в постоянном напряжении на духовные предметы; но потрудимся и понудим себя к тому несколько времени, и заметим сами, что сие трудное дело значительно облегчится; потрудимся еще и еще понудим себя — оно еще станет легче, и, чем более будем упражняться в богомыслии, тем сие занятие будет легче и приятнее, под конец же исчезнет всякий труд, и мы будем чувствовать неприятность, будем скучать и тяготиться не тем, что занимаемся небом и небесными вещами, но тем, что не занимаемся ими или занимаемся другим чем. Кто вкусит сладкого, тому отвратительно горькое, а в богомыслии — всякое веселие и всякая радость и блаженство. Та душа, которая думает только о божественных предметах, живет как бы в раю, окружена божественным невещественным светом, разливающим блаженство, и, входя в общение с Богом всеблаженным, блаженствует. В той жизни, которую она провождает, есть полнота всяких наслаждений, и тамо, говорит святитель Христов Димитрий Ростовский, тишина и покой, тамо безбоязньство и беспечалие, тамо сокровище и вечное наслаждение, тамо радость, веселие, тамо красота, сладость и всякое утешение. Кто не пожелает стяжать такое сокровище?!

Одно только, братие, несколько законное можем мы представить препятствие к непрерывному занятию богомыслием. — Это необходимое развлечение внешними предметами. Живем в мире, среди сует, поминутно встречаем обстоятельства, отвлекающие нас от неба. Как при сем держать мысль вперенною в Бога? Увидишь что или услышишь — тем и займешься, а уже не тем, чем бы хотел, не небом и не небесными вещами. — Справедливое оправдание, но всему этому мы сами причиною. Сами мы причиною, что вещи развлекают нас, а не собирают, разоряют, а не созидают. Какая-нибудь вещь развлекает нас, потому что мы привыкли соединять с нею неблагочестивые мысли. Если же приучим себя соединять с нею благие помышления, то она перестанет для нас быть соблазнительною и суетною. — Например, видим золото и тотчас помышляем — о нарядах, о вкусных яствах, об угощениях и других суетных предметах, какие могли бы приобрести помощью сего золота. Золото соблазнило нас и дало повод если не сделать, то подумать о делах не богоугодных, но соблазнило потому, что мы не знали до сих пор лучшего золоту назначения. Если бы мы привыкли в золоте видеть не средство к удовлетворению наших пожеланий, а средство к творению добродетели, то вместо соблазна встреча с ним была бы для нас благочестивым поучением; тогда, посмотря на золото, мы подумали бы: если бы это золото было наше, то мы того-то избавили бы от беды, тому-то доставили бы пропитание, того-то вылечили от болезни и проч. Золото не соблазнило бы нас, а, напротив, подало повод обнаружить и укрепить доброе наше расположение. Как видите, мир и

все вещи мирские соблазняют и отдаляют нашу мысль от Бога только потому, что мы соблазнительно и неблагочестиво смотрим на них. Станем смотреть на них иначе, и вместо соблазна они будут составлять для нас назидание; оденем их, так сказать, небесным покрывалом, и, вместо того чтобы отвлекать нас от неба, они будут возводить к небу. Благочестивые люди давно заметили, что окружающие нас вещи действительно могут отвлекать наши мысли от Бога и осуечать душу, а потому всеми мерами старались дать им духовное значение, а после уже не иначе и представлять их, как под сим духовным значением. Когда они видели горящую свечу, она значила у них не просто только свечу, но нечто и другое, например — жизнь, которая сокращается подобно тому, как умалывается свеча; когда смотрели на зеркало, то думали не о зеркале, но от него переносили мысль свою на другой, духовный предмет, например — на совесть, которая также изображает чистоту или нечистоту состояния души, как зеркало — чистоту или нечистоту тела. Встречая какой-нибудь случай, они представляли его совсем не в том значении, какое он обыкновенно имеет; слыша, например, что один человек говорит другому: что ты здесь медлишь, тебя отец давно ждет, — они думали совсем о другом, нежели о чем заставляют думать слова сии, воображали грешника, удалившегося от Бога, Который, как отец, ждет его и зовет к Себе разными способами. Оградив себя такими мыслями и как бы написав на каждой вещи ее духовное значение, благочестивые не столько уже опасались соблазна со стороны мира и вещей мирских. Живя среди суеты, они как бы не знали ее и не прикасались к ней. Мир и прелести его исчезали пред их Богом хранимою мыслию, а вместо того построивался другой — поучительный, духовный, таинственный мир, живя в котором, они жили как бы на небе.

Так поступали святые мужи, так советовали поступать и всем, желающим и ищущим спасения. Мир точно сеть; но в нашей воле состоит снять сию сеть, снять с него покров соблазна и облечь в одежду духовную, небесную. Для сего, братие, осмотрим все окружающие нас вещи, перечислим все неизбежные для нас случаи и всему дадим поучительное значение. Пусть все, одежда и пища, дом и открытое место, сон и бодрствование, разговор и молчание, утро и вечер, полдень и полночь, — пусть все поучает, назидает и возводит нас к небу. Перевести обыкновенное значение вещей на духовное очень нетрудно: всякий, у кого есть здравый смысл и усердие, легко сделает это сам. Впрочем, если и полное усердие и сила требуют руководства в деле новом и необыкновенном, предложим вам образцы для примера. — Многие ревнители благочестия одухотворяли чувственные вещи и опыты своих трудов оставили нам. Вот целая книга таких опытов. Их оставил нам благочестивейший, всем известный архипастырь Воронежский Тихон — под заглавием: «Сокровище Духовное, от мира собираемое». Здесь он все одухотворяет — и вещи, и случаи... Будем читать их по воскресным и праздничным дням, избирая наиболее такие, кои были бы не только назидательны, но и приучали бы нас самих к такому же умному деланию. Если бы беседа наша не продолжалась так долго теперь, можно бы и прочесть что-нибудь. Внимание ваше утомлено, потому оставляем сие до следующего богослужения, пожелав вам непрерывного богомыслия в сей промежуток времени — по крайней мере, ревности и напряжения к богомыслию. Господь да укрепит вас. Аминь.

Что такое «анафема»? Слово в неделю Православия

Редко бывает, чтоб совершающийся ныне чин Православия происходил без нареканий и упреков с чьей-либо стороны. И сколько раз ни говорятся поучения в объяснение, что, так действуя, Святая Церковь действует мудро и спасительно для чад своих, недовольные все свое твердят. Или поучений они не слушают, или поучения сии не попадают на их недоумения, или, может быть, составили они свое понятие о сем чине и не хотят от него отстать, что им ни говори.

Иным кажутся наши анафемы негуманными, иным — стеснительными. Все подобные предьявления могут быть уважительны в других случаях, но никак нейдут к нашему чину Православия. Разъясню вам коротко, почему Святая Церковь так действует, и полагаю, вы сами со мною согласитесь, что, действуя так, Святая Церковь действует мудро.

Что есть Святая Церковь? — Есть общество верующих, соединенных между собою единством исповедания Богооткровенных истин, единством освящения Богоучрежденными таинствами и единством управления и руководства Богодарованным пастырством. Единство исповедания, освящения и управления составляет устав сего общества, который всяким вступающим в него должен быть исполняем неотложно. Вступление в сие общество условливается принятием сего устава, согласиём на него, а пребывание в нем — исполнением его. Посмотрите, как распространялась и распространяется Святая Церковь? — Проповедники проповедуют. Из слушающих одни не принимают проповеди и отходят, другие принимают и вследствие принятия освящаются святыми таинствами, вступают под руководство пастырей и втелесяются таким образом во Святую Церковь, или воцерковляются. Так поступают в Церковь все члены ее. Вступая в нее, сливаются со всеми, объединяются, и только пока суть едино со всеми, дотоле и в Церкви пребывают.

Из сего простого указания на ход образования Церкви вы видите, что Святая Церковь как общество составила и стоит как всякое другое общество. Так и смотрите на него, как на всякое другое, и не лишайте его прав, какие усвоятся всякому обществу. Возьмем, например, общество трезвости. У него есть свои правила, которые обязуется исполнять всякий член его. И всякий член его потому и есть член, что принимает и исполняет его правила. Случись теперь, что какой-либо член не только отказывается от исполнения правил, но на многое совсем иначе смотрит, чем общество, даже против самой цели общества восстает, и не только сам не хранит трезвости, но и самую трезвость поносит и распространяет понятия, могущие и других соблазнить и отклонить от трезвости. Что обыкновенно делает с такими общество? — Сначала увещевает, а потом исключает из своей среды. Вот и анафема! Никто на это не восстает, никто не укоряет общество в бесчеловечии. Все признают, что общество действует совершенно законно и что, если б оно стало действовать иначе, не могло бы существовать.

За что же укоряют Святую Церковь, когда она действует подобным образом? Ведь анафема и есть отлучение от Церкви, или исключение из среды своей, тех, кои не исполняют условий единения с нею, иначе мудрствовать начинают, чем она, иначе, нежели как обещались сами, вступая в нее. Припомните, как бывало? Явился Арий, нечестиво мудрствовавший о Христе Спасителе, так что сими мудрованиями извращал и самое дело спасения нашего. Что с ним делали? — Сначала увещевали и увещевали многократно, со всеми убедительными и трогательными приемами. Но как он упорно стоял на своем, то его осудили и отлучили от Церкви Вселенским собором и повсюду огласили, что вот такой-то за такое-то нечестивое мудрование отлучается от Церкви, то есть изгоняется вон из нашего общества. Смотрите, не сообщайтесь с ним и подобными ему. Сами так не мудруйте и мудрствующих так не

слушайте и не принимайте. Так поступила Святая Церковь с Арием; так потом поступала со всяким другим еретиком; так поступит она и теперь, если где покажется кто нечестиво мудрствующий. Скажите же, что тут укорного? Как иначе могла бы действовать Святая Церковь? И могла ли бы она существовать, если бы действовала не так строго и не остерегала так заботливо своих чад от тех, кои могут развращать и губить их?

Посмотрите, какие лжеучения и какие лжеучители отлучаются? Отвергающие бытие Бога, бессмертие души, Божественное промышление, не исповедующие Пресвятой Троицы — Отца и Сына и Святого Духа — Единого Бога, не признающие Божества Господа нашего Иисуса Христа и искупления нас крестною Его смертию, отметающие благодать Святого Духа и Божественные таинства, подающие ее, и проч. Видите, каких предметов касаются? Таких, по коим Святая Церковь есть Церковь, на которых она утверждается и без которых ей быть нельзя тем, чем она есть. Следовательно, те, кои вооружаются против таких истин, суть то же в Церкви, что в нашем быту покушающиеся на жизнь и достояние наше. Разбойникам и ворами ведь не позволено действовать свободно и безнаказанно нигде! И когда их вяжут и предают суду и наказанию, никто не считает этого негуманностию, или стеснением свободы. Напротив, в этом самом видят и дело человеколюбия, и обеспечение свободы — в отношении ко всем членам общества. Если здесь так судите, судите так и об обществе церковном. Эти лжеучители, точно воры и разбойники, расхищают собственность Святой Церкви и Божию, развращая чад ее и губя их. — Худо ли делает Святая Церковь, когда судит их, вяжет и извергает вон? И было ли бы человеколюбие, если б она равнодушно смотрела на действия таких лиц и оставляла им свободу губить всех? Какая мать позволит змее свободно подползти и ужалить свое дитя, малое и не понимающее своей опасности? Когда бы в какое семейство вкрался какой-либо развратник или развратница и стали соблазнять вашу дочь или вашего сына, можете вы равнодушно смотреть на их действия и речи и, боясь прослыть негуманными и отсталыми, свяжете себе руки, не вытолкаете таких вон и навсегда не затворите для них двери вашего дома?! Так смотрите и на действия Святой Церкви. Видит она, что являются лица, растленные умом, и растлевают других, — и восстает против них, и гонит их вон, и всем своим делает оклик: смотрите, вот такой-то и такие-то души ваши губить хотят, не слушайте их и бегите от них. Этим она исполняет долг материнской любви и, следовательно, поступает человеколюбиво, по-вашему — гуманно.

У нас ныне много распложается нигилистов и нигилисток, спиритов и других злоумников, увлекаемых западными лжеучениями. Думаете ли вы, что Святая Церковь наша смолчала бы, не подала бы голос, не осудила и не анафематствовала их, если б их пагубные учения содержали что-либо новое? — Никак. Собор был бы и соборно были бы они все с их учениями преданы анафеме и к теперешнему чину Православия был бы приложен еще один пункт: Фейербаху, Бюхнеру, Ренану, спиритам и всем последователям их — нигилистам — анафема. Но нужды нет в сем соборе, нужды нет и в сем прибавлении. Их лжеучения наперед уж все анафематствованы в тех пунктах, где произносится анафема отвергающим бытие Бога, духовность и бессмертие души, учение о Пресвятой Троице, о Божестве Господа нашего Иисуса Христа. Не видите ли, как мудро и предусмотрительно поступает Церковь, когда заставляет совершать нынешний оклик и выслушивать? — А говорят: не современно. — Теперь-то оно и современно. Может быть, лет за сто было не современно. А о нынешнем времени надо так говорить, что, если бы не было настоящего чина Православия, следовало бы ввести его и совершать не в губернских только городах, а во всех местах и церквях. Да собрать бы все злые учения, противные слову Божию, и всем огласить, чтоб все знали, чего надо опасаться и каких учений бегать. Многие растлеваются умом только по неведению, а гласное осуждение пагубных учений спасет их от погребели.

Итак, Церковь отлучает, изгоняет из среды своей (когда говорится: такому-то анафема, это

значит то же, что: такого-то вон отсюда), или анафематствует, потому же, почему так поступает всякое общество. И она обязана это делать по требованию самосохранения и охранения от пагубы чад своих. Почему нынешний чин ничего укорного и недоуметельного не представляет. Кому страшно действие анафемы, то пусть избегает учений, кои подводят под нее. Кто страшится его за других, пусть возвратит их к здоровому учению. Не благоволящий к сему действию — если ты православный, то ты идешь против себя. А если потерял уже здоровое учение, какое тебе дело до того, что делается в Церкви содержащими его? Тем самым, что ты образовал в себе [другой] образ воззрений на вещи, чем какой содержится в Церкви, ты уже отделился от Церкви. Не запись в метриках делает членом Церкви, а дух и содержание мудрования. Произносится или не произносится твое учение и имя под анафемою, ты уже под нею, когда мудрствуешь противно Церкви и упорствуешь в сем мудровании. Страшна анафема — брось мудрования злые. Аминь.

13 февраля 1866 г.

О внезапной смерти (Слово написано в связи с гибелью русских моряков на судне «Русалка», потерпевшем крушение в Балтийском море в мирное время)

Поразила вас участь «Русалки» и бывших на ней... Кого же она не поразила?! Все поражены — и больше всех Государь... Но не имеем ли мы возможности найти утешение в обетованиях христианских? — Кажется, имеем. Не погибель корабля ужасает, а участь бывших на нем. Станем мерить сию участь в отношении к участи вечной. Это главное. В каком положении были все эти лица? — В положении исполняющих долг свой. Военный долг стоит ли в ряду Божиих, Богом определенных и Богом награжденных? — Да! Морское воинствование не одинаково ли с воинствованием сухопутным? — Да! И думается, его надо поставить немного впереди и выше... Теперь судите — люди, исполнявшие свой долг, внезапно захвачены смертью и отошли в другую жизнь. Как их там встретят? — Конечно, без укора... и притом как исполнителей долга своего... Говорит Господь: «в чем застану, в том и сужду». Так и их судить будет, то есть как исполнителей своего долга. Исполнителям же долга предлежит добрый приговор... Теперь поставьте сие решение с тем вопросом... зачем мы живем? — Живем, чтобы, проживши здесь, на том свете встретить добрый приговор и соответственную тому участь. Не видите ли, что отшедшие от нас на «Русалке» ничего не теряют в отношении к главной цели нашего существования? — И утешьтесь!

Прибавьте к сему — смерть их была ли сладка или мучительна? — Я думаю, что подобную мучительность испытывали только великие мученики... Хоть она была непродолжительна, но меры ей определить нельзя... За что потерпели они сию мучительность? — За исполнение долга.

Так терпели и все мученики... и, следовательно, скончавшиеся по причине крушения «Русалки» должны быть причислены к сонму мучеников. Я желал бы, чтобы все матери и отцы, братья и сестры и жены умерших тогда прочитали сии строки, поверили истине их и утешились. Я почитаю смерть их, в отношении ко спасению вечному, лучше смерти всех, кои в ту пору умирали, будучи окружены родными и знакомыми. Да упокоит Господь души их в Царствии Небесном!

О богатом и Лазаре (Беседа в Неделю 22-ю по Пятидесятнице)

Притча, ныне читанная, есть, братия, одна из самых умиленных и вместе самых поучительных и глубоких. Потому, думаю, благочестие ваше не позволит вам скучать, если я снова перескажу вам ее, чтобы потом яснее увидеть, какие она дает нам уроки.

Притча сия изображает судьбу двух человек, противоположную и в сей жизни, но еще более противоположную в жизни загробной. Один из них жил в полном довольстве: имел покойный кров, хорошее содержание, добрую славу и никогда никаких не чувствовал недостатков и скорбей. Другой, напротив, совершенно ничего не имел: ни крова, ни одежды, ни пищи, даже самого близкого и нужного блага — целости и здоровья в теле. Смотри на богатого, люди говорили: вот как Господь благословляет его; а проходя мимо Лазаря, думали, может быть, в себе: карает тебя Бог за какие-нибудь тайные грехи. Так думали люди — несходно с истиною; да и не могли думать иначе, ибо судят обыкновенно по тому, что видят, не постигая, что у кого на сердце. Но пришла смерть и вернее людей определила истинное достоинство и цену Лазаря и богатого. Души их, отделившись от тела, вошли в другой мир — одни. С богатым не было ни пышной одежды, ни прислуги, ни друзей; у Лазаря не было ни его рубища, ни ран. Обнаженные от всего — только с делами, какие кто совершил в продолжение жизни — стояли они пред взором Ангелов и святых. Святые Ангелы видели, как светла, праведна и богоугодна душа Лазаря, — взяли ее и, радуясь, вознесли в рай, на лоно Авраамово; к душе богатого, напротив, приступили злые духи и низвергли ее в ад, на вечное горение в огне. Так счастливый в сей жизни сделался самым несчастным в жизни другой, а несчастный здесь стал самым счастливым там; и оправдалось слово Спасителя: «будут последнии перви и первии последни» ([Мф. 20:16](#)). Прежде богач, с высоты жилища своего смотря вниз, видел, может быть, не однажды у ворот своих Лазаря и без всякого внимания опускал его нужды и скорби, а теперь сам — в муках — из преисподней, возвед очи на небо и видел там Авраама и Лазаря во славе и блаженстве, понадеялся чрез них облегчить свои мучения. Вероятно, он вспомнил какие-нибудь добрые дела, потому обратился к Аврааму, — вероятно, прежде он оказывал помощь Лазарю, потому просил употребить его орудием милосердия к себе. «Отче Аврааме, — взывал он, — помилуй мя, и послы Лазаря, да омочит конец перста своего в воде и устудит язык мой, яко стражду во пламени сем» ([Лк. 16:24](#)). Но за добрые дела Бог наградил уже его благами временными: довольством, славою, бесскорбностию; потому, оставшись с одними худыми делами, он должен был за них только принимать и воздаяние — терпеть вечную казнь. И сказал ему Авраам: «приял еси благая твоя», чем следовало наградить тебя «в животе твоём», — все уже воздано тебе, когда ты был еще на том свете; теперь страдай — и страдай вечно: «между нами и вами пропасть велика утвердися» ([Лк. 16:25—26](#)). От нас к вам, а от вас к нам нет перехода. Сознал справедливость слов Авраамовых богач и с безотрадным томлением предал себя вечным мукам, упрекая себя за прежнюю жизнь. Но при сем невольно пришли ему на мысль дом отца и братья, кои все жили так же, как жил и он. Не сомневаясь, что и их за гробом ожидает тоже вечный огонь, если они не переменят своего поведения, он сжалился над ними и, почитая милость к ним — еще живым — правую, молил Авраама, чтобы он послал Лазаря по крайней мере к братьям, исправить их, «да не и тии приидут на место сие мучения» ([Лк. 16:28](#)). Молитва правая, но бесполезная. Если бы грешники удобно могли обращаться от проповеди воскресенных умерших, то разве бы Господь, Который ничего не щадит для нашего спасения, не посылал бы их к нам? Нет — уж таково ожесточение сердца человеческого, что если оно кротко и благопокорливо, то покорится правде, хотя бы она исходила из уст самого простого и незнатного человека, а если грубо, своевольно, то, воскресни кто, явись Ангел, даже Сам Бог, —

оно не повинуется. Потому Авраам сказал: у них есть слово Божие — книги закона Моисеева и пророческие писания; пусть читают их и умудряются во спасение. Другого средства нет, кто не слушает Моисея и пророков, тот не поверит, хотя бы кто и из мертвых воскрес.

Вот притча, а может быть, и самая истина. Господу известно все, и что было, и что будет; что делается в этой жизни, и что будет за гробом. Он мог видеть или в прошедшем, или в будущем — может быть, в нашем времени — как какой-нибудь достаточный человек не хотел принимать на глаза бедного, особенно к нему близкого, и как потом, после смерти, бедный прославлен, а богатый предан огню. Истинное ли, впрочем, это происшествие или притча — назидание сего сказания, уроки поведения, предложенные в ней, всегда ценны и действенны. Их много, заметим важнейшие.

Не могло, без сомнения, укрыться от вашего внимания, что три места в сей притче особенно поучительны и важны: 1) «чадо, помяни, яко восприял еси благая твоя в животе твоём» ([Лк. 16:25](#)); 2) «между нами и вами пропасть велика утвердися» ([Лк. 16:26](#)); 3) «имут Моисея и пророки, да послушают их» ([Лк. 16:29](#)). — Первое изображает правило суда Божьего, второе — состояние осужденных, а третье — указывает способ избежать осуждения.

1) «Чадо, помяни, яко восприял еси благая твоя в животе твоём». Надобно заметить, братия, что притча не говорит, чтобы богач собрал имение свое неправдою, не называет его жестоким притеснителем бедных, презрительным или гордым; говорит только, что он жил в довольстве, пышно одевался, жил открыто и всегда почти вел взаимные беседы с своими друзьями. Быть может, он делал и добрые дела. Как человек видный в обществе, он, вероятно, не отказывался от общих пожертвований, а может быть, и превосходил в этом других; всякий праздник ездил в церковь, раздавал милостыни, был приветлив, гостеприимен, делал что-нибудь и другое доброе. Но как во всех сих случаях он поступал не по любви к добру, а потому что видел такие обычаи с малолетства, — не для славы Божией, а для того, чтобы об нем самом не сказали чего худого, то Бог и воздавал ему за его добро благами временными: приятною, безбедною и славною жизнью. Потому, когда явился он на том свете, то уже совершенно не за что было награждать его. За все доброе ему уже было воздано: оставалось незнагражденным зло, — за него и воздали ему — вечным мучением. Станем, братия, и мы некогда пред судом Божиим и будем говорить пред Судиею все, на нем теперь основываем надежду спасения, — будем говорить, что мы сделали такое и такое доброе дело, — тогда-то подали милостыню, тогда дали благой и спасительный совет, часто постились, нередко бывали в церкви и усердно молились, — будем вообще выставлять все добрые дела, какие у кого есть, ибо эта единая, твердая и известная основа спасения. У кого нет добрых дел, того и судить нечего. Но, о если бы, братия, Судия никому из нас не сказал: «чадо, помяни, яко восприял еси благая твоя в животе твоём». А может случиться, что Он разорит все наши нетвердые надежды спасения. — Ты подавал милостыню, скажет Он, но зато тебе самому Я всегда и всего доставлял довольно и предовольно; ты иногда постился, но зато у тебя всегда был крепкий кров, покойная одежда, вкусный стол; ты усердно молился Богу, но зато всю жизнь твою ты не знал ни одной скорби и печали; может случиться, что вообще на всякое добро наше Господь Судия укажет нам какое-нибудь благо в нашей жизни как воздаяние за сие добро. Что же тогда? — Тогда и из нас каждому скажет Он, как Авраам богачу: «помяни, яко восприял еси благая твоя» — и воздаст нам за одни худые дела вечную казнию.

А мы еще скорбим, когда встретится какое горе, и радуемся до безумия, когда получим какое временное благо! Неправо судим и чувствуем мы, братия! Не вернее ли будет, если всякое временное благо, пришедшее к нам, будем считать подрывом нашей надежды спасения, похитителем нашего права на блаженную вечность. Мало сказал Премудрый: «богатство егда течет, не прилагайте к нему сердца» ([Пс. 61:11](#)). — Нет, когда течет богатство, отвращайся от него, ненавидь его всю крепостию сердца, плачь, когда оно течет. Мало сказать: когда находит

беда, терпи великодушно. — Нет, жаждай бедствий, молись о ниспослании их и встречай их с полною радостью, как вестников Божией милости, как залог вечного блаженства, как двери в рай. «Всяку радость имейте, братие моя, егда во искушения впадаете различна» (Иак. 1:2), то есть когда подвергаетесь бедствиям. Один благочестивый человек, когда Господь посылал ему какую-нибудь радость временную, с скорбию неутешною встречал ее и с обильными слезами зывал Господу: «Господи! зачем даешь мне это тленное благо? Или хочешь Ты отъять у души моей оправдание на суде Твоем? Человеколюбец! поели лучше мне какое-нибудь горе!» Помолимся, братия, чтобы и нам Господь положил на сердце такие же мысли и чувства. Иначе, принимая каждое благо с приложением к нему сердца, мы делом признаем в нем награду себе здесь и, следовательно, отнимаем у себя награду в будущем. Сохрани, Бог, если в сей еще жизни исчерпаем все свои награды. На суде Божиим, если не награды, то казнь, и казнь — вечная.

2) Казнь вечная! Страшно слово сие, но истинно. Кого определит Господь на вечное мучение, тот вечно уже будет в аде. Как Сам Господь, так и Его определения неизменны. Кому неизвестно сие из многократных опытов! Определил Господь потопить первый грешный мир — и потопил; определил сжечь Содом и Гоммору — и сжег; определил разорить Иерусалим и рассеять иудеев — и сделал; и так вообще, как определит Господь, так и бывает без всякого изменения и отмены. Так окончательное решение Божие на суде станет непроходимую пропастью между раем и адом. «Между нами и вами пропасть велика утвердися», сказал праведный Авраам грешному богачу. Чтобы уничтожить сию пропасть, необходимо, чтобы Бог перестал быть Богом и чтобы Он, уничтожив всех осужденных на вечное мучение, сотворил, вместо их, новых людей. Как глиняный нечистый и разбитый сосуд не годится при царской трапезе, так и осужденник ада не годится в рай, — ад его вечное жилище, там плач и скрежет зубов. Плач и скрежет зубов не от великости только мучений, но и особенно оттого, что им не видно конца. Когда наказывают преступника, то он болит и терзается, но болит и терзается еще не всю полнотою скорби. Его скорбь облегчается надеждою, что болезнь и раны скоро прекратятся, что ударам его есть конец. Не то в аде. И на мысль не придет грешнику, чтобы был когда-нибудь конец его мучениям, и это воображение бесконечности мучений в каждое мгновение убивает душу его безотрадным томлением и отчаянием. Подумает: вот пройдет сто лет, может быть, тогда сжалится надо мною Господь; сто лет пройдут, а мучениям не будет конца. Будет ожидать, что спустя тысячу лет, верно, умиосердится Господь и, если не прекратит, по крайней мере облегчит мои страдания; но пройдет тысяча и тысячи тысяч лет, а мучениям не будет конца, и не будет заметно умаления их.

Один римский царь осудил некоторых вельмож своих на темничное заключение. Спустя несколько времени они, надеясь на свои прежние заслуги, послали просить царя об отмене наказания, но царь сказал посланным: скажите пославшим, что я еще гневаюсь. Спустя довольно времени они еще послали просить царя о милости, но царь и в этот раз сказал то же: я еще гневаюсь. И еще спустя — долго, долго времени посылали, но царь и тогда дал тот же ответ: я еще гневаюсь. Пройдут, братия, тысячи лет мучений адских, — грешники восшлют молитвы свои к Богу о пощаждении, но праведный Судия скажет им: Я еще гневаюсь. Пройдут миллионы миллионов, но и тогда Бог на молитвы грешников ответит: Я еще гневаюсь. Пройдет несметное число лет — умы ангельские потеряются в исчислении их, — а над адом все будет греметь одно слово неумолимого Судии: Я еще гневаюсь, еще гневаюсь.

3) Из нас, братия, без сомнения, никто не хочет испытать подобной участи над собою. Кто враг себе?! Не надобно, однако ж, забывать, что одно желание не быть в аде не избавит нас от ада. Мало ли желающих, например, быть учеными и славными, а на самом деле учены и славны только те, кои ревностно ищут того, чего желают, — не спят, не вкушают в сытость пищи, не жалеют трудов и времени. Так и здесь: только тот не будет в аде, кто со всею ревностию, со

всем жаром, со всею заботливостью и даже спешностью творит дела, достойные рая. Ревность по благочестию, решимость все отдать — даже самую жизнь за спасение — вот что преимущественно должен возбудить и укрепить в своем сердце человек, желающий избежать мучений адских. Кто решится, тому уже ничто не трудно, тот все сделает, все перенесет. Но главное — как возбудить решимость? Как пробудить себя от беспечности, как согреть холодное сердце? Богач думал обратить своих братьев чудом воскресения, но праведный Авраам сказал: не послушают и воскресшего, если не будут слушать Моисея и пророков, и указал в откровении единственное средство к пробуждению ревности в душах ослабевших: «имут Моисея и пророков, да послушают их». И точно, кто любит слово Божие и читает его, у того только и может быть мягкое, простое и благопокорливое сердце. Оно для нас в настоящей жизни есть единственный светильник, освещающий, согревающий. Жизнь в мире сем походит на странствование в мрачном и холодном подземелье. Как в подземелье тогда только и видна дорога, когда сверху проникает хоть слабый луч света, тот только и может идти прямою дорогою, кто сверху взял с собою светильник; так и в жизни нашей, тогда только и можно знать и определить истинный образ поведения и понятий, когда чрез откровение с неба доходит к нам свет истины; тот только и может ступать право, кто частым приникновением к сему небесному свету возжег и в себе Божественный светильник, зажженный еще при сотворении, но потом потушенный ветром страстей и худых наклонностей. Обратим же, братия, очи и сердца наши к слову Божию, возлюбим его, обыдем его всею крепостию сил. С покорным сердцем, с искренним желанием назидания, с полною веры молитвою к Богу, чтобы Он чрез слово Свое тайно воздействовал на наше сердце и умягчил его, сколько можно чаще будем приступать к Нему. Быть может, при этом воспрянем от сна, быть может, Господь пошлет нам благие мысли и чувства. Пусть первый опыт будет и без всякого плода — понудим себя к тому в другой; не будет успеха во второй — понудим в третий, четвертый и так далее. Уж, несомненно, найдет когда-нибудь такая минута, когда возгорится огонь в душе нашей, поглотит все нечистое и греховное и возбудит светильник благочестной, праведной и целомудренной жизни. Тогда и Господь, видя усердие наше и труд, не умедлит дать нам Свою всеосвещающую и всеоживляющую благодать. Ибо Он же обещал: «толцуйте и отверзется, ищите и обрящете» ([Мф. 7:7](#)). Будем сколько можно усерднее искать живости, теплоты и света в слове Божиим — и найдем. А тогда, как огонь сей — воодушевленная решимость на добро — возгорится в сердцах наших, тогда мы натворим столько дел, в столь короткое время, с такою поспешностью и живостью, что и другие, и мы сами будем дивиться себе, не постигая, откуда такое богатство благих дел. Воодушевленная решимость благоугождать Богу — ревность по благочестию, есть Божия сила в нас, для которой нет ни трудов, ни препятствий, ни усталости. Да даст нам Господь такую чудную силу! Аминь.

Слово в день сошествия Святого Духа

«И явишася им разделени языцы яко огненни, седе же на едином коемждо их, и исполнишася вси Духа Свята» ([Деян. 2:3—4](#)).

Ныне, братия, исполнилось обетование, которое дал Господь святым Своим Апостолам пред вознесением послать им иного Утешителя, иного Учителя и Защитника. Апостолы радовались тому радостию неизглаголанною; сорадуемся им и мы, и ради веселия духовного составляем ныне светлое торжество. Потому что нисшедший на них Дух Святой есть достояние всех христиан, всех истинно и православно верующих. Что дано Апостолам, то дано Церкви, что в Церкви, то должно быть обще всем. Всякий член Церкви носит в себе благодать Духа, и потому — член ее, что облагодатствован. Не сам себя кто делает христианином, а Божественная сила. Потому радость и торжество Апостолов есть радость и торжество Церкви; радость и торжество Церкви есть радость и торжество всякого христианина. Возрадуемся же, братия, о сошествии Святого Духа, потому что чрез то мы все соделались участниками благодати Его.

Но чем выше дар, тем сомнительнее обладание; чем существеннее благо, тем горестнее обольщение. Потому у многих может при сем родиться желание спросить: все мы соделались участниками Святого Духа; когда же и как сие совершилось? И чем увериться, что точно обитает в нас и действует Божественный Дух? Может родиться такое желание не из любопытства, а из разумного опасения, потому что обладание Духом есть существенная нужда верующих, так что у кого нет Духа, тот не спасается и не спасется. Тем естественнее, следовательно, искать разрешения на такие вопросы. Когда же это приличнее сделать, как не в настоящее празднество во славу сошествия Святого Духа?

Когда и как приняли мы и принимаем благодать Святого Духа? — В Святых и Божественных таинствах. В каждом таинстве тайно действует Божественный Дух и сообщает верующим благопотребную силу свою освящающую. Кто крестится, получает от Него новую жизнь в возрождении; кто миропомазывается, приемлет дар некий к созиданию Церкви; кто исповедуется, очищается от грехов; кто причащается, Самого Господа приемлет в себя. Других ли кто сподобляется таинств? — Иную некую получает и благодать: или священства, или таинственного единения душ и телес, или врачевания духа и плоти. Столько обильных в Святой Церкви даров Божественной благодати! Приходи всякий и насыщайся до преизбытка. Никому не загражден вход, всем открыта сокровищница неистощимая. Собирай, сколько можешь вместить и понести. Здесь, не как у земных: кто больше берет, тот похвальнее; кто чаще приходит, тот с большею любовью принимается.

И всякий, кто приступает к сему источнику, приобщается Духа Божия и несомненно сподобляется дара Его. Ибо «верен есть Обещавый» ([Евр. 10:23](#)). Только верны ли бываем при сем мы? С истинным ли духом и сердцем, с верою ли, то есть страхом, желанием, чистотою, приступали и приступаем к Нему?

Ибо не так, как некоторые думают, принимается благодать Святого Духа: приступи только, говорят, к таинствам, — и получишь дар, каково бы притом ни было расположение сердца, и не так, как мудрствуют другие: напечатлей только в сердце условные расположения и молись — придет осенение от Духа, совершается ли притом таинство или нет. Нет, братия, ни одно таинство без участия нашего сердца не сообщает Духа, ни одно сердце без таинств не привлекает силы Его, а только то и другое вместе. Пусть есть сладкое питье, но надобно отверзть уста и привлечь его, чтоб напоиться; есть ароматы, но надобно вдыхать, чтоб облагоухаться; есть свет, но надобно отверзть очи, чтоб видеть. Так и здесь.

Таинства суть сосуды благодати преизливающиеся; но, приступая к ним, отверзи добрым

расположением уста духа и сердца, чтоб исполниться полностью ее. Человек не телесен только, но и духовен, и таинство не из видимого только состоит, но и из невидимого. Ни одним умом — невидимым — нельзя привлечь благодать из таинства, имеющего и невидимое, ни одним видимым приятием таинства нельзя извлечь из него то, что видимо, а должно совместить то и другое. Когда видимое приобщится видимого, тогда и невидимое сообщится невидимому, то есть благодать Божественного Духа — нашему духу. И сие несомненно совершается всякий раз, как приступает кто к Тайнам с истинным сердцем. — И вот как и когда принят и принимается нами Дух Святой!

Но здесь, братия, заключается уже ответ и на другой вопрос: по чему узнать, есть ли в нас благодать Святого Духа?.. Принимали таинства? И принимали с соблюдением всех необходимых условий? — Будем же несомненно верить, что имеем и Святого Духа. Ищешь ощутительнейших признаков присутствия в себе Святого Духа? — Бывают и они, и бывают у всякого; но знай, что тот лучше поступает, кто верует, нежели тот, кто хочет осознать. «Блажени не видевшии и веровавше» ([Ин. 20:29](#)), говорит Господь. Бог ведет нас в примраке, хотя не лишает и просветления. Потому тот ближе к Божественному порядку, кто отдает себя вести, не усиливаясь усматривать, как ведут. Он-то есть то дитя боголюбезное, которому несомненно принадлежит Царство. Успокоимся же и мы на лоне матери нашей Церкви и поверим, что она не лишила нас благодати Духа, коль скоро должным расположением отверзали мы уста к приятию ее из таинств. И это лучше, безопаснее, богоприличнее, нежели, как если видит кто, что уповает.

Есть и ощутительные признаки благодатного в нас обитания Духа Божия, и ищущему самым простым и внятным образом открываются они в видимых явлениях, сопровождавших сошествие Святого Духа на Апостолов; ибо, по разумению святых отцов, они суть символы невидимых действий Духа Святого на души верующих. Потому желаем ли осознательнее увериться в силе Духа, действующей в нас? Обратимся к сим знакам, пойдем их духовное знаменование и потом совестью своею определим, есть ли в нас то, что они означают, или нет. Если есть, то есть и Дух Божий в нас; если же нет, нет Духа Божия в нас. Так, шум и бурное дыхание означают то смятение нашего духа, в какое приходит он, когда в первый раз воздействует на него Дух Божий, — когда то есть Он пробуждает совесть, обличает во грехах, грозит судом и казнию и, таким образом, весь дом души исполняет движениями страха и глубоко потрясает все здание существа нашего,— смятение, вследствие коего приходят в раскаяние и предаются истинно христианской жизни. Приступим же к сердцу своему и спросим: было ли когда оно потрясено сознанием своих грехов и потрясается ли? Сокрушилось ли о беззакониях и сокрушается ли? Оплакало ли и оплакивает ли свое непотребство? Возненавидело ли и ненавидит ли всякую неправду? Положило ли и хранит ли твердое намерение жить в заповедях Божиих? — Огонь, который избран Духом Божиим в символ Своего явления, означает, что когда Он осенит душу, то приносит с Собою свет видения духовного, или свет живой и разумной веры, согревает сердце теплотою любви и ревности к богоугождению, очищает ее от всей нечистоты страстей и облакает в светлую одежду добродетелей, подобно тому, как огонь и светит, и согревает, и очищает.

Войдем же в себя и посмотрим: жива ли в нас вера наша? И ею ли освещаются все пути жизни нашей, и внутренней, и внешней, или другим чем? Действует ли огонь святой ревности, устремляющей неудержимо ко всему, чем благоугождается Бог, и отвращающей от всего Ему неугодного? Облечены ли мы «во утробы щедрот» ([Кол. 3:12](#))? Есть ли в нас «любь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание» ([Гал. 5:22—23](#))? Напечатлены ли и напечатлеваются ли в сердце нашем такие добродетели — несомненные плоды и указатели Духа Божия в нас? Наконец, Дух Святой нисшел в виде огненных языков,

чтобы показать, что когда Он входит в душу, то сообщает ей дар слова духовного, или молитву, ибо молитва есть беседа ума с Богом, или благоговейное слово человека к Богу. Есть ли же в нас действие молитвы? Умеем ли беседовать с Богом? Знаем ли сладость сего делания? Охотно ли приступаем к такому служению? Восходит ли ум наш в молитве горе, как кадило, или простирается долу, подобно нечистому дыму?.. И вот, если найдем, что все такое есть в нас, то несомненно, что есть в нас и благодать Святого Духа; если же нет — не действует в нас и Божественный Дух. Это признаки благодати, решительные и как бы исключительные.

Но и при сем не забудем, братия, что никак не должно нам говорить в себе или думать: я имею Духа, потому что нахожу в себе то и то Его действие, но всегда окончательно успокоиваться только на вере в Его в нас присутствие и действие, — на вере хотя несомненной, но все же не на видении. Ибо не мы обязываем Его к тому или тому действию, но Он Сам производит в нас что хочет, по Своему благоизволению. Он, идеже хочет, дышит, и на всякого так дышит, как хочет. То производит Он печаль, то радость, то покой духа, то восхитительные выгорания его, то умиление, то болезнование, то оставление, то преисполнение, страх и упование, дерзновение и боязнь. Все же сие Божественный Дух, по премудрому смотрению о нас, действует, сообразуясь с свойствами и нуждами каждого лица, с способами воспитания именно его, с опасным и благоприятным именно для него. Что же изберешь ты, ищущий очевидных признаков Духа, во свидетельство Его в тебе присутствия? Изберешь ли сильные движения? — Но Он, может быть, Сам производит в тебе только тихие; сильные же суть плод собственного твоего напряжения, ибо мы и сами можем износить нечто доброе. Изберешь ли печальные? — Но Он, может быть, положил разливать в тебе отраду, а печаль предоставил тебе: ибо она несродна нам. Таким образом, что ты ни назовешь признаком Духа, всегда есть возможность обмануться и солгать, и притом солгать на Духа Святого. Будем же лучше верить, что имеем Божественного Духа, что Он обитает в нас и действует, устроая собственное наше спасение и созидание духа нашего, то нас самих оставляя действовать, то Сам непосредственно напечатлевая особенные указания, то предшествуя, то последуя, изменяя пути, но не оставляя на них. Что же именно когда от Духа, не будем испытывать. Предадимся только Ему и будем молить: «Сокровище благих, прииди и вселися в ны и очисти ны от всякия скверны»!

Так Господу угодно было устроить нам путь спасения, чтоб каждый знал только, что он ведется по нему, а как? — это сокрыто от нас. Человеку ничего почти нельзя открыть о нем самом ясно, без опасности для него. Такое злое око у нашего самолюбия, что что ни усмотрит в себе хорошего, все то поедает и убивает ядом своим. Потому для нас спасительнее держать себя в некотором опасении и боязливой заботе о Божественном Духе, нежели как дойти до решительного уверения: я знаю по тому и тому, что имею Духа. Там мы будем бодрствовать, искать, напрягаться; здесь же предадимся покою, как достигшие искомого и вошедшие в пристань. Недивно, если впадем в возношение и найдем смерть, мечтая о преисполнении Божественною жизнью. Или припишем духу, что от естества, и не станем искать Духа, без Которого нет никому спасения. Думаете ли вы, что и враг при этом будет спать и пропустит благоприятный случай? Но пред кем же он и преобразуется в ангела света, как не пред тем, кто ищет осязательных действий Духа? Зачем и вообще сеет он семена соблазнительных внушений, как не для того, чтоб мы сказали, что значим нечто, на собственное преткновение и падение. Что же выше, как иметь видимое содружество с Богом Духом? Вот почему по-молится ли кто и придет в умиление? — приходит враг и говорит: это от Духа; какой ты совершенный! Подает кто милостыню с благосердием и болезнованием? — враг опять подуцает: ты, как Бог, благ.. Оскорбление перенес кто? — видишь ли, говорит, ты подражатель Христовым страстям. И вообще — что бы ни сделал человек доброго, враг всегда спешит занять его мыслью, что он преисполнен Духа, что Дух очевидно действует в нем. И это затем, чтоб поселить самомнение и

гордость и тем, лишив Божественной помощи, погубить, ибо «гордым Бог противится» ([Иак. 4:6](#)). Итак, будем, братия, с опасением обращаться с решительными признаками присутствия в нас Святого Духа. Что Дух Божий в нас и действует, это несомненно будем принимать по вере нашей, не переходя мыслию к тому, что мы полные сосуды благодати. Что бы потому ни действовала в нас Божественная сила, да не оставляет нас некоторая робость и заботливое искание Духа и да исходит из сердца нашего непрестанная молитва: Душе Святой и Истинной! Прииди и вселися в ны и не остави от нас Божественных Твоих наитий!

Содержа себя в таком расположении духа и сами не замечая того, будем востекать к совершенству, подобно тому, как, по слову Спасителя, не знает человек, как растет посеянное им семя, а растет. Смирненно ходя в уставах Святой нашей Церкви, часто приобщаясь таинств, мы будем приискренно прикасаться Божественного Духа, возгревать Им и чрез Него вселенный в нас дар Его; и при сем, преспеявая в добродетелях, не будем решительно утверждать и обманывать себя, что уже имеем то, чего ищем, а, предаваясь в волю Божию упованием, да течем, во мраке веры, пока воссияет для нас день, имеющий привести во свете все тайное и сокровенное. Бог же и Отец Господа нашего Иисуса Христа да даст нам силою «утвердиться Духом Его во внутреннем человеке» ([Еф. 3:16](#)). Аминь.

Заступление и покров Пресвятой Богородицы

К Пресвятой Владычице Богородице празднеством нынешним призываемые, ум и сердце возведем и Ей усердно помолимся, скорой нашей Помощнице и Заступнице. Ведома вам, да и кому не ведома Ее поспешность на умоление, кто бы с теплою верою ни обращался к Ней? Ведая же сие верно, и притекаете к скорому Ее предстательству и покрову. Нелишним, однако ж, считаю, в оживление веры и упования и сердца вашего быстрейшего устремления ко Владычице Богородице, привести вам на память несколько опытов Ее заступления, чтоб в заключение сказать вам, какая бы нужда ни теснила кого, притекай, ничтоже сумняся, и получишь просимое. Начнем с нужд Духовных.

Владычица Богородица обращает грешников и помогает им одолеть свои греховные привычки. Припомните обращение преподобной Марии Египетской. Невидимая сила не пускала ее поклониться ко Гробу Господню и Животворящему Кресту Его, несколько раз отревая ее от входа в церковь. Опомнившись и сознавши, что, верно, это за грехи ее не дается ей вход в церковь, преподобная Мария падает ниц пред бывшею тут на стене святою иконою Пречистой Владычицы Богородицы, умоляя Ее дать ей узреть животворящее древо Креста Господня и поклониться ему и обещаясь отстать от обычного греха своего и не скверниться им более. Владычица Богородица тотчас услышала сию молитву, отвратив невидимое возбранение и сердце кающейся исполнив благонадежным дерзновением. После сего входит Мария в храм, поклоняется животворящему Кресту и Гробу Господню и, возвратясь, снова падает пред святою иконою Богородицы в чувствах благодарения и слышит глас: «Если перейдешь Иордан, обретешь добрый покой». Это то же, что: в пустынях заиорданских спасение твое. Последовало затем удаление в пустыню, постнические труды, брение со страстями, очищение, высота богообщения. Вот пресветлый путь покаяния, устроенный материнским попечением Владычицы о погибавшей во грехах. Так, у кого загрубело сердце от греха — притеки ко Владычице, и Она умягчит его и расположит к покаянию.

А вот и другой случай. Знаете икону Пресвятой Богородицы, что называется «Нечаянная Радость»? Она показывает, как Пресвятая Богородица помогла одному грешнику одолеть страсть, им обладавшую. Хотя грешник был человек сей, но имел добрый обычай всякий день со слезами поклоняться Владычице пред святою иконою Ее во храме, мимо коего надлежало ходить ему. В одно утро заходит по обычаю грешник сей и поклоняется. Но, восклонив главу, видит, что у Предвечного Младенца на иконе Пресвятой Богородицы рубашка изодрана и раны на руках и ногах и между ребр источают кровь. В испуге грешник воскликнул: «Владычице Богородице, кто это сделал?» — «Ты и подобные тебе грешники», — отвечала Владычица от иконы. Это слово так поразило его, что он совершенно отрезвился и с тех пор не поддавался уже обычной своей страсти. Так, не можешь одолеть страсть, хоть и хотел бы, — притеки к Владычице, и Она знает, как устроить, чтобы осенила тебя ревность к побеждению страсти и привлекла благодатную помощь на сие.

Это опыты обращения грешников вразумлением Пресвятой Богородицы; а есть опыт и того, как она возводит к совершенству ревнующих о спасении. Так, одного ревнителя благочестия руководила Она в подвигах спасения, как руководит иногда духовный отец его. В церковь Божию приходя, становился он обычно пред иконою Владычицы Богородицы и молился. Но Владычица так действовала на него, что, если он ни в чем не согрешил — ни словом, ни делом, ни помышлением, Она являла ему лик Свой на иконе светлым и приветливым, а если он в чем-либо согрешал, то являла лик Свой мрачным, строго зрящим и отвращающимся. В первом случае он радовался и благодарил Господа и Пречистую Матерь Его, а во втором тщательно

начинал пересматривать все дела свои и слова, все мысли и чувства и, нашедши неисправное, каялся и со слезами умолял о прощении до тех пор, как лик Пресвятой Богородицы являлся ему опять благостным. Так, по указанию лика Пресвятой Богородицы, всякую свою ошибку и неисправность исправлял он и при таком руководстве явился, наконец, мужем, во всем совершенным. Так, имеешь нужду в руководстве, — притеки ко Владычице, Она укажет или внушит, как и на что обратить внимание, труды и силы.

Вот и еще случай, как Она воодушевила на труды и подвиги одного начинающего ослабевать в них. Это был хороший подвижник, но подумалось ему, что можно иногда и послабить себе; можно, например, в церкви Божией полениться стоять благоговейно, и молиться не так прилежно, и мыслям дать свободу. Желая вразумить его, Пресвятая Богородица удостоила его такого видения. В храме, на всенощном бдении в Богородичный праздник, открылись умные очи его, и он увидел Владычицу Богородицу, ходящую между присутствующими в храме. Ходя же, Она иного проходила так, от иного отворачивалась, пред иным качала головою Своею, а иным раздавала монетки: кому золотую, кому серебряную, и — то большую, то маленькую, то среднюю. Подошла Она и к видевавшему видение сие и дала ему медную маленькую монету. Он возымел дерзновение смиренно спросить: «Что значит сие, Владычице?» И Она милостиво ответила ему: «По труду и награда; что посеял, то и пожнешь». С тех пор муж сей, как свечка, горел в храме, бодренно стоя, усердно молясь и мысли нерассеянно горе устремляя, а затем и вне храма, во всех других делах и подвигах, горячее усердие и тщание являя; преуспев же таким образом во всех добродетелях, в иную жизнь отошел он получить обетованную совершенным награду. Итак, слабеет ревность твоя, — притеки ко Владычице, и Она воодушевит тебя.

Так добродетелям учила Богородица; а то и от ересей предохраняла простых от заблуждений ума, тех, кои трудились много над познанием Божественных истин. Одному старцу, любившему читать священные книги, еретик несторианин дал книгу известного святого отца, в коей к концу нарочно приложены были тетради с их еретическим учением, — в той мысли, что старец по простоте, не разобравши, прочтет и это писание еретическое. И в самом деле старец соблазнился бы, но не допустила его до того Пресвятая Богородица. Однажды, сидя в келлии своей, увидел он идущую Владычицу и с детскою простотою стал умолять Ее посетить его келлию. Пресвятая Богородица отвечала ему: «Нельзя мне пойти к тебе. Ты держишь врага моего в келлии своей», — и стала невидима. Испугался старец и начал все рыть и перебирать в келлии своей, чтобы найти, что это за враг Богородицы; наконец, по чьему-то указанию, нашел, что враг этот — писание еретическое несторианское в данной ему книге, ибо несториане не чтут Пресвятой Богородицы. Старец вырвал листы и сжег, а потом сподобился посещения Владычицы.

А то другой был муж ученый, любивший углубляться в Божественное Писание, много читавший и писавший. К нему такая была милость, что всякий раз, как начинало образовываться у него какое-либо убеждение, противное святой истине, он слышал от иконы Пресвятой Богородицы ясное предостережение, снова пересматривал свои мысли и исправлял неправое. Так, свои ли мысли, или сторонние речи смущают истину твоей веры, — притеки ко Владычице, и Она отвратит соблазн.

Видите теперь, как на все духовные нужды наши всегда готова нам скорая помощь от Пресвятой Владычицы Богородицы. Она и от заблуждения отвратит, и к покаянию возбудит, и в добре наставит, и к подвигам ревность оживит. И в телесных нуждах Она всегда помогала искренно обращающимся к Ней, и избавляла от всех бед, от болезни нечаянной, от злобы людской, от пожара, разбоя, бедности, разорения, яда и прочих несчастий.

Сколько тому примеров! Я же привел вам примеры особенной помощи Ее в духовных

только нуждах потому, что по ним можете судить и о телесных, и особенно потому, что Духовная сторона наша большего требует попечения и полнейшего указания вразумительных руководств.

Приложу теперь: вот как бывало. Смотрите же, откуда и как приходила помощь, туда и обращайтесь и сими примерами благонадежие свое и молитву свою оживляйте. Не то я хочу сказать, чтобы и вы себе таких же благоснисхождений ожидали, а хочу только освежить бодренное ваше к Пресвятой Богородице обращение и теплое к Ней прибегание. Духовная помощь не всегда видимо подается. Чаше она совершается внутри, посредством изменения мыслей и чувств. А кто ее производит и как одно состояние духа отходит и другое приходит, мы часто и отчета себе дать не можем. Состоим постоянно под небесным влиянием Ангелов, святых и особенно Пресвятой Богородицы, Которая только и делает, что весь мир обтекает, нуждающихся высматривает и обращающимся к Ней помогает. Часто и не знаем, отчего какое-либо счастье, а оно вот отчего. Приходит Богородица и благостыню всюду вокруг Себя распространяет. Зная сие, и взывайте почасту в сердце: «Владычице, помози на ны милосердовавши!» Приходя, Она услышит и поможет.

А лучше еще так располагаться сердцем, как учат приведенные примеры. Не жди, пока невидимая сила воспрепятствует тебе войти в храм для вразумления тебя, и Владычица, по молитве твоей покаянной, отвратит сие прещение, а сам, наперед зная такой случай, позаботься изгнать из сердца своего то, за что можно не пустить тебя в церковь. Не жди, пока на образе покажет тебе Пресвятая Владычица Младенца-Спасителя в изорванной рубашке и в ранах, источающих кровь, чтоб возбудить тебя к покаянию, а сам собою, зная, какую боль и скорбь грехи наши причиняют Господу и Спасителю нашему, положи в сердце своем лучше умереть, нежели самовластно и сознательно вдаваться в какие-либо грехи. Не жди, пока изменением лица Своего покажет тебе Богородица худобу твоего нравственного состояния, а сам постоянно внимай себе и никаких дурных мыслей и чувств не допускай. Не жди, пока в видении увидишь, как Пресвятая Богородица в храме, обходя всех, другим будет раздавать монетки, а мимо тебя так пройдет, или головой о тебе покачает, или отвратит от тебя лице Свое, чтоб пробудить тебя от нерадения, а, зная сие, сам себя воодушеви ревностью к благоговейному и внимательному стоянию на церковных службах, не Давая поблажки ни телу, ни мыслям. Не жди, чтоб особенным явлением предостерегаем был ты от заблуждений, а сам, зная пробный камень истины, по его указанию, от богопротивных мыслей и учении еретических ум остерегай и слух отвращай; ни книг злых, ни речей не принимая, паче же сердце свое таким в вере и святости соблюдая, чтоб Пресвятая Богородица, проходя, не миновала его, а удостоила Своего милостивого посещения, свидетельствуя то внезапную сладостию сердца, миром и покоем. Так и во всех других случаях.

Благодарение Господу, что имеем опытное удостоверение в готовой нам небесной помощи. За тем так Господь делал и делает, чтобы не падал в отчаяние грешник, зная, что, пока смерть не придет, все еще есть надежда на покаяние и исправление. Но не лучше ли нам так себя повести, чтобы не утруждать собою неба, а радость и веселие доставлять Ангелам и святым, паче же Пресвятой Богородице, многоболезнующей Попечительнице о всем христианском роде.

Если кому прежде не приходило сие на мысль, теперь пусть положит — в ознаменование праздника в честь Богородицы, Которая, ныне особенно щедродательствуя, смотрит и Сама, как и что христиане приносят Ей в дар и как к Ней располагаются. Позаботьтесь же не оскорбить взор Ее и не отвратить милостивого посещения Ее. Аминь.

Учение святых отцов о тричастности, или трех силах души (Выписки из «Добротолюбия»)

Душа тричастна и созерцается в трех силах: «мыслительной, раздражительной и желательной»¹.

Трем силам души мы должны давать движение правильное, сообразное с их естеством и согласное с намерением создавшего их Бога. Именно: силу раздражительную надобно подвигать против внешнего нашего человека и против змия — сатаны. «Гневайтесь, — сказано, — и не согрешайте» (Пс. 4:5). Это значит: гневайтесь на грех, то есть на самих себя и на диавола, чтобы не согрешить против Бога. Силу желательную надо устремлять к Богу и добродетели, а мысленную поставим госпожою над обеими ими, чтобы с мудростью и благоразумием упорядочивала их, вразумляла, наказывала и начальствовала над ними, как царь начальствует над подданными. И тогда сущий в нас разум по Богу будет управлять ими (то есть когда будет господствовать над ними, а не им покоряться). Хотя страсти и восстают на разум, но мы не перестаем повелевать, чтобы разум правил ими².

Разумная душа действует сообразно с своим естеством, когда пожелательная ее часть стремится к добродетели, раздражительная подвизается за нее, а мыслительная прилежит созерцанию сущего.

Душа тричастна, по словам нашего мудрого учителя святого Григория Нисского. Когда добродетель бывает в мыслительной части, тогда называется осмотрительностью, сметливостью и мудростью; когда бывает она в пожелательной части, тогда называется целомудрием, любовью и воздержанием; когда бывает в раздражительной части, тогда называется мужеством и терпением. Дело осмотрительности есть воевать с противными нам силами, добродетелям покровительствовать, а пороки гнать. Дело сметливости есть все способствующее нашей цели устроить достодолжно, а дело мудрости — созерцать телесные и бестелесные твари по всем отношениям. Дело целомудрия есть бесстрастно смотреть на вещи, обыкновенно возбуждающие в нас неразумные мечты и желания; дело любви — такую почти являть себя в отношении ко всякому лицу, носящему образ Божий, какую бывает она к Первообразу, хоть демоны покушаются иного унижить пред нами; дело воздержания — с радостью отвергать все, услаждающее гортань. Дело терпения и мужества — не бояться врагов и охотно переносить всякие неприятности³.

Отцы сказали: «Раздражительную часть души обуздай любовью, желательную увядь воздержанием, разумную окрыли молитвою, — и свет ума никогда не помрачится в тебе. Гневу узда — благовременное молчание; пожеланиям неразумным — умеренная еда; неудержимости помыслов — единомысленная молитва»⁴.

Все Божественные заповеди полагают законы для троичности души и делают ее здоровою посредством того, что повелевают. Кто строго следует им, у того сия троичность соделывается истинно здоровою. Но против этой же троичности души день и ночь ведет войну и диавол. Если же сатана ведет войну против троичности, ясно, что он воюет чрез то против заповедей Христовых, ибо Христос чрез заповеди облагает законом троичность души, то есть раздражительную, пожелательную и мыслительную силы души. И смотри: угроза, что «гневающийся на брата своего всуе, повинен есть суду» (Мф. 5:22) и следующие затем Его заповедания — се врачевания раздражительной части. Эту заповедь и прочие, положенные вместе с нею, враг покушается низвергнуть внутри посредством помыслов любопытства (склонности к словопрениям, спорливости), злопамятства и зависти. Знает этот противоборец (наш и Божий), что правитель раздражительной части есть сила мысленная. Почему в нее

прежде и пускает стрелы посредством помыслов, подозрения, зависти, любопытства, сварливости, лукавства, тщеславия и склоняет мысленную силу сложить с себя свойственную ей власть и, отдав бразды самому раздражению, оставить его без всякого управления. Тогда раздражение, отбросив своего управителя, без удержки износит чрез уста в словах все, что прежде вложено было в сердце, что усокровиществовано было в нем дотоле посредством вражеских помыслов, при нерадении ума. Затем сделано подобное описание брани в пожелательной и мысленной части души и в заключение говорится: «Добре управляемая тричастность удерживает чувства от всего безместного. И тогда ум, пребывая в тишине, при управлении прочих сил по Божьему и при послушности их, удобно одерживает верх в мысленной брани. Когда же по невниманию допустит он прийти в смятение прочим силам, тогда, будучи преодолеваем прилогами лукавого, преступает он Божественные заповеди. За преступлением же заповедей всячески следует или соответственное покаяние, или мука в будущем веке» [5](#).

Чтение или слушание душеполезных книг необходимо для спасения (Отрывок из предисловия начатого перевода неизвестно какой греческой книги)

Возлюбленный читатель мой! Хочешь ли я покажу тебе вещь, которая честнее злата и серебра, многоценного бисера и камней драгих? Ничем не можешь ты обрести и купить Царствия Небесного, будущих радостей и вечного покоя, как только этою вещью. Это — чтение наедине и слушание со вниманием и усердием слова Божия, писаний отеческих и других душеполезных книг. Никому нельзя спастись, если он не будет читать или слушать святые душеспасительные писания. Как птица без крыльев не может взлететь на высоту, так ум без святых книг не может домыслиться, как спастись.

Чтение наедине и слушание со вниманием и усердием святых книг есть родительница всех добродетелей и всякому доброму делу учительница. Чтение наедине и слушание со вниманием и усердием святых книг, рождая всякую добродетель и возвращая добрые расположения сердца, отгоняет от нас всякую злую греховную страсть и всякое похотение, желание и действие бесовское. Чтение наедине и слушание со вниманием и усердием святых книг над всеми занятиями и трудами, какие поднимают ревнующие о спасении, святые отцы поставляют как бы старейшиною и царем. Оно ко всем добродетелям возбуждает и руководит человека и одесную Бога поставляет его.

Но кто не читает и не слушает со вниманием и усердием святых книг, тот ради этого впадает во всякие страсти, в греховные напасти, в бесовские сети и во всякое зло. Забывает он смертную кончину свою, и пришествие Христово, и злые муки, и радость Царствия Небесного и рая пресветлого. Такому любезна бывает суетная и льстивая маловременная жизнь века сего. Удаляется он от Бога нерадением и невниманием, и бесы, как мглою, покрывают умную память, помрачают умную светлость, наводят забытьё о добродетелях, о злом же непрестанно уму напоминают и поновляют в нем худые помыслы.

Божественное Писание и душеспасительные книги показывают нам начало, средину и конец спасительного пути, — всю лестницу в Царство Небесное. Почему надлежит нам всеусердно прилежать к сим книгам и к сему Писанию Божественному. Где упражняются в чтении святых книг, оттуда отгоняемы бывают всякое бесовское действие, всякие душепагубные страсти и греховные похоти; заповедям же Господним и добродетелям отеческим там бывает всякое исправление. Почему хорошо святыми отцами установлено, чтоб на утренних службах многократно были читаемы поучения из святых книг, а умеющие читать чтоб и в келлиях занимались таким чтением, на ограждение себя от невидимых душевных татей и разбойников, устрояя чрез то как бы стражу какую вокруг себя из спасительных истин, против козней, хитростей и замыслов лютых бесов, против забытья и помрачения, ими наводимого.

Почему надлежит нам каждодневно со вниманием прочитывать святые книги, чтоб почерпать из них душеспасительные наставления, пригодные к исправлению жития нашего. Они обличают совесть, открывают страсти и неприязнь к ним возбуждают, обнажают бесовские сети, научают добродетелям, утверждают в терпении скорбей, напоминают о кончине смертной, возвещают о пришествии Христовом, живописуют радости Царствия Небесного и ужасы мук бесконечных. Изображая нам всякую истину и всякое добро указывая, они, как бы чистое золото и серебро и камни драгоценные на блюде рассыпав, представляют очам нашим. Что опытный вождь для воинства, что искусный кормчий для корабля, что проводник для идущих по сбивчивой дороге, то святые книги для воинствующих в воинстве христиан, для плывущих чрез

многомятежное море жизни сей в небурное пристанище Царствия Небесного, для шествующих в Небесное Отечество свое по стропотным путям суетной и многообольстительной жизни сей.

Много у лукавых бесов пронырства и злоумышлений, козней и сетей, коими уловляют они нас, бедных, в различные страсти, в греховные падения и пагубу душевную. Человеколюбивый Бог, щадя род наш, даровал нам святыя книги, святыми угодниками Его написанные, в которых предлагается нам верная наука, как избегать сетей бесовских, страстей греховных и прелестей века сего. Святыя отцы были научены духовной мудрости многоскорбными и многоболезненными опытами жизни и, совершив благополучно путь свой, оставили нам плод трудов своих правых — слово книжное, свои святыя писания, как светлый светильник, освещающий спасительный путь для тех, кои вступить в него возревновали. Как светильник телу — очи; так светильник душе — ум; зеркало же ума — святыя книги.

Предисловие к посланию Антиоха, инока лавры святого Саввы, к Евстафию, игумену Атталинского монастыря города Анкиры Галатийской

Писал ты ко мне, честный отче Евстафие, что вы там терпите большую скорбь, переходя с места на место и из страны в страну, гонимые страхом нападения халдеев, и что сверх того томитесь алчною и жаждою, не хлеба и воды, но, как негде сказано, слышания слова Господня, не имея ни возможности носить с собою тяжелых книг, ни удобства находить их там, где вам приходится странствовать. По сей причине вы возложили на мое короткоумие послушание — в небольшой книжце совместить сокращенно все Божественное Писание Ветхого и Нового Завета, так, чтоб и носить ее не было тяжело, и она не имела недостатка ни в чем, что потребно к назиданию и спасению души.

Я тотчас с охотою взялся за исполнение вашего поручения и представил все, искомое вами из Божественного Писания, в ста тридцати главах, тесно связанных между собою по содержанию, но и разнствующих между собою настолько, что читающий не будет терпеть смешения и сбивчивости понятий. Посылаю вашему боголюбию сей сборник, который приняв, воссли достодолжное славословие и благодарение Богу, силу свою в немощи совершающему; нам же воздай благоприятными твоими молитвами, да остальное время жизни нашей dokonчим в угождении Богу. Если, как и следует ожидать, найдешь что неудовлетворительным, прошу извинить, взяв во внимание и мою малоспособность, и требуемую поспешность дела.

Но как ты просил еще, честный отче, написать тебе о святых отцах нашей лавры, верно ли то, что, как говорите, слышали вы от некоторых об их жизни и их избииении и что показалось вам невероятным и для слуха даже невместимым, то я счел необходимым наперед коротко написать вам об этом, а потом приложить и главы из Божественного Писания.

Что касается до преславной жизни наших отцов, то и не время теперь, и не моему языку повествовать о том. Скажу только, что они были воистину люди Божественные (если надлежит называть их людьми, а не ангелами), от юности до глубокой старости пребывшие в подвиге, безмолвии и трудах по благочестию, старцы священнолепные, убеленные не волосом одним, но паче мудростию, добрые, смиренные, почтенные, целомудренные, истиннолюбивые, непорочные, праведные, богобоязненные, удалявшиеся от всякого дела злого, не имевшие недостатка ни в каком добром качестве, преисполненные Божественной любви. Некоторые из них более пятидесяти и шестидесяти лет прожили, не выходя совсем из лавры; иные и в церковь не выходили, а не только города не видали с тех пор, как уединились, украшаясь всякого рода добродетелями, — земные ангелы и небесные человеки. За то и такого конца сподобились, за который, конечно, украсятся и венцом победным.

За одну неделю до взятия святого града персами на нашу лавру напали измаильтяне и расхитили все священные сосуды церкви. Из отцов большая часть заранее удалились, а более мужественные рабы Христовы остались в лавре, не желая покинуть место. Варвары, схватив их, без милости мучили в продолжение многих дней, думая найти деньги у тех, которые ничего не имели из благ века сего; но потом, удостоверясь в тщетности такой надежды, пришли в бешенство и всех изрубили на части. Блаженные отцы с радостью и благодарением предали души свои Господу, так как издавна желание имели «разрешиться и со Христом быти» ([Флп. 1:23](#)). Тела их, разбросанные там и здесь, много дней оставались без погребения, пока не возвратились мы из гор, где укрывались. При этом авва Никодим, увидев печальное зрелище избиенных отцов, пал без чувств, и его подняли и отнесли оттуда почти мертвым. Уже Модест

преподобнейший, приступив, собрал в одно место останки святых, омыл их со многими слезами и, опрятав по обычаю, положил эти святые и мученические мощи в обительской усыпальнице, затем, совершив над ними положенное молитвословие, он изрек о них слово Исайи: «мужие праведныи вземлются, и никтоже разумеет; от лица бо неправды взяся праведный; будет с миром погребение его» ([Ис. 57:1—2](#)). И: «праведных души в руце Божией, и не прикоснется их мука. Непщевани быша во очию безумных умрети... они же суть в мире... и упование их безсмертия исполнено: и в мале наказани бывше великими благодетельствовани будут. Яко Бог искуси их, и обрете их достойны Себе... и яко всеплодие жертвенное прият я, и во время посещения их возсияют» ([Прем. 3:1—7](#)). Сказав это о святых отцах, он просил всех нас не оставлять нашего места, но мужественно переносить искушения, помня слова Господа, что «узки врата и тесен путь, вводящий в живот» ([Мф. 7:14](#)), и слово Апостола, что «многими скорбями подобает... внити в Царство Небесное» ([Деян. 14:22](#)).

Склонившись на его увещания, мы пробыли в лавре до двух месяцев. Но потом опять прошел слух о набеге варваров, и мы, убоившись того, перебрались в монастырь аввы Анастасия, бывший недалеко от святого града, стадий на двадцать, в котором в то время никого не было. Тут прожили мы почти два года, как сказанный Модест преподобнейший начал опять убеждать нас возвратиться в свое место и жить там. Послушавшись благого совета его, несколько нас тотчас перешли в лавру, другие сделали это позднее, боясь блуждавших по соседству у нас сарацин, а некоторые совсем оставались в том монастыре, под игуменством преподобнейшего Иустина, постриженца лавры, много лет прожившего в ней и просиявшего многими добродетелями, так что его удостоили и пресвитерского сана.

Этот богобоязнейший Иустин, благодатию Христовою, собрал в том монастыре большое братство, держа во всем устав и порядки святой лавры нашей, так что во всей Палестине ни в одной киновии не найдешь такого благочиния. Цветет и множится обитель та более и более, и мы радуемся, помышляя, как во всей стране нашей, подобно звездам, сияет всюду семя святого отца нашего Саввы.

Мы же, смиренные, благодатию Божиею и попечением помянутого прежде преподобнейшего Модеста, живем еще более спокойно, чем в прежние годы, благодаря и славя Бога, мертвящего и жити творящего, единого творящего великие чудеса. Умилилась над нами благодать Его, и Он паче и паче прославляет место наше, ради прежде усердно поработавших Ему святых рабов Своих. Благодать Его даровала нам отцом и пастырем Фому преподобнейшего, мужа многосведущего и украшенного всякими добродетелями, который с младых лет проводит здесь безмятежную подвижническую жизнь, кроток, братолюбив, сострадателен, смирен сердцем, усердный блюститель молитвенного чина и всего монастырского устава. Почему под его игуменством Бог и размножил новонасаждения обители нашей.

Избито было святых отцов сорок четыре. Память их совершается месяца мая в пятнадцатый день. Благодатию Христовою и попечением вышеупомянутого отца нашего преподобнейшего Модеста немало живет иноков и по прочим монастырям пустынным.

Вот, честный отче Евстафие, вкратце написал я вашему боголюбию о святых отцах и о нашей лавре. Сообщу вам и другие благие вести, могущие обрадовать душу вашу и душу всякого христианина, который будет читать сие. Помянутый преподобнейший Модест заботится не об одних монастырях пустынных, но и о самом городе, и обо всей нашей области, и Бог споспешествует ему во всем. Он, как воистину новый наш Веселеил или Зоровавель, исполненный Духа, восстановил сожженные врагами всечестные храмы: Спасителя нашего, Иисуса Христа — Голгофский, Святого Воскресения, Честного Креста, Святого Вознесения и другие; так что от этого мы питаем благие надежды относительно будущего, особенно ради

приходящих из других стран на поклонение святым местам, да всеми славится Бог, Коему подобает всякая слава, честь и поклонение, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Слово инока Антиоха о вере

Господу споспешествуя и слово утверждая, начинаем наши слова словом о вере, а потом по порядку перейдем и к другим предметам. Во-первых, веровать подобает в Бога, «яко есть, и взыскающим Его мздовоздаятель бывает» ([Евр. 11:6](#)). Вера будет стоять вовеки, и «праведный от веры жив будет» ([Евр. 10:38](#)). Но воистину праведный от веры имеет веру действительную, веру плодотворную, веру, нимало не колеблющуюся, веру, светящую добрыми делами, да славится Отец всех. Кто совершен в вере, тот есть камень храма Божия, уготованный в здание благоволением Бога Отца, возносимый на высоту рычагом Иисус Христовым, то есть крестом, посредством верви Духа. Вера человека есть водитель, а любовь — путь, возводящий к Богу. Кто таков (то есть соединяет с верою любовь), тот бывает богоносцем, христоносцем, храмом Божиим, украшенным всякими добротами чрез верность заповедям Иисус Христовым. Глава жизни — жизнь в вере и любви; с такою ничто не может идти в сравнение. Но веру я разумею деятельную, ибо «вера без дел мертва есть» о себе ([Иак. 2:20, 26](#)). Дела же веры суть — любви, радость, мир, долготерпение, благодать, милосердие, смиренномудрие, хваление о Господе, уверенность в Боге, распятие плоти, почитие от всех дел, как почил от Своих Бог, взятие креста своего и следование за Христом, жизнь Духом, улучшение Духа. Таковы дела веры, такая вера вменится в правду!

С верою текущий путем заповедей здесь, долу, восхищает вышний Иерусалим. Если, возымев веру, пребываем в вере и стоим в ней твердо, то воистину обитаем в Господе. Господь говорит чрез пророка: «очи мои на верных земли, посаждати я со Мною» ([Пс. 100:6](#)). Подобно сему и Иеремия: «Господи, очи Твои (зрят) на веру» ([Иер. 5:3](#)). Святой же Петр говорит: «подадите в вере вашей добродетель... любовь» ([2 Пет. 1:5—7](#)). В другом месте: наздавши себя на основании веры, «трезвитесь, бодрствуйте, зоне супостат ваш диавол, яко лев рыкая, ходит, иский кого поглотити; емуже противитесь тверди верою» ([1 Пет. 5:8—9](#)). Также и святой Павел: «в Немже веровавше знаменастесь Духом обетования Святым» ([Еф. 1:13](#)). И опять: «над всеми же восприимше щит веры, в немже возможете вся стрелы лукаваго разжженные угасити» ([Еф. 6:16](#)). В другом месте: «есть вера, уповаемых извещение... В сей свидетельствовани быша древнии... По вере умроша сии вси» ([Евр. 11:1—2, 13](#)). И еще: «правда Божия верою Иисус Христовою во всех и на всех верующих» ([Рим. 3:22](#)). Также: «да обетование Духа примем верою» ([Гал. 3:14](#)). В другом опять месте говорит он: «верова Авраам Богови, и вменися ему в правду... Не делающему, верующему же во оправдающего нечестива, вменяется вера его в правду» ([Рим. 4:3, 5](#)). И наводит: «сего ради от веры, да по благодати, во еже быти известну обетованию всему семени, не точию существу от закона, но и существу от веры Авраамовы... Не писано же бысть за того единого точию, яко вменися ему; но и за ны, имже хочет вменитися, верующим в Господа нашего Иисуса Христа... Оправдившеся убо верою, мир имамы к Богу Господем нашим Иисус Христом» ([Рим. 4, 16, 23—24, 5:1](#)). Он же пишет к Тимофею: «держися правды, веры, любве, мира, со всеми призывающими Господа» ([2 Тим. 2:22](#)). И в другом еще месте говорит: «без веры не возможно угодити Богу» ([Евр. 11:6](#)). Пишет и святой Иоанн: «сия есть заповедь Его, да веруем во имя Сына Его Иисуса Христа» ([1 Ин. 3:23](#)), и да верующе живот вечный имамы. Господь же наш Иисус Христос, истинный Бог наш, говорит: «веруяй в Мя... реки от чрева его истекнут воды живы. Сие же рече о Духе, Егоже хотяху приимати верующий во имя Его» ([Ин. 7:38—39](#)). И опять: «кто убо есть верный раб и мудрый» ([Мф. 24:45](#)). Еще: «вера твоя спасе тя: иди в мире» ([Лк. 7:50](#)). Марфе говорит Он: «веруяй в Мя, аще и умрет, оживет»

([Ин. 11:25](#)). И ученикам: «аминь глаголю вам: веруай в Мя, дела, яже Аз творю, и той сотворит, и больша сих сотворит» ([Ин. 14:12](#)). Опять: «веруай в Мя имать живот вечный» ([Ин. 6:47](#)). И еще: «веруйте в Бога и в Мя веруйте» ([Ин. 14:1](#)).

Довольно, думаю, предложили мы свидетельств из Божественных Писаний о вере. Веру же разумею во Отца и Сына и Святого Духа, в Единосущную и Животворящую Троицу, в Которую и веруем. Необходимо теперь и об этом привести изречения и свидетельства Божественного Писания для просвещения читающих.

В богословских рассуждениях, как видим всюду, прославляется священное Богоначалие, — и как единость и единица, по причине простоты и единства вышеестественной беспредельности, и как Троица, по причине триипостасности лиц пресущного Божества. Все Божественные имена богословы относят к единосущию пресущной Троицы, как то: Бог, Господь, Святый, Благий, Свет, Жизнь, Истина, Вседержитель, Всемогущий, Господь Саваоф, то есть Господь воинств Небесных, и другие, приводимые богословами, как научиться можно от Самого Богоначалия, когда Оно говорит Само о Себе. Так Спаситель говорит: «что Мя глаголеши блага? Никтоже благ, токмо един Бог» ([Лк. 18:19](#)). Он же (в лице домовладыки) к работавшим в винограднике сказал: «аще око твое лукаво есть, яко Аз благ семь» ([Мф. 20:15](#)). Пророк Давид поет: «Дух Твой благий наставит мя на землю праву» ([Пс. 142:10](#)). Моисею сказано было: «Аз есмь Сый» ([Исх. 3:14](#)). Святой Иоанн говорит: «еже бе исперва» (то есть слово животное) ([1 Ин. 1:1](#)). Еще: «Аз есмь Алфа и Омега... глаголет Господь, сый, и иже бе, и грядый, Вседержитель» ([Апок. 1:8](#)). «Господь имя Ему» ([Пс. 67:5](#)). Также: «Дух истины, Иже от Отца исходит, Той свидетельствует о Мне» ([Ин. 15:26](#)). Фоме сказал Господь: «Аз есмь... истина и живот» ([Ин. 14:6](#)). И опять всем ученикам: «святи их во истину Твою; слово Твое истина есть» ([Ин. 17:17](#)). Еще: «егда же приидет Утешитель, Егоже Аз пошлю вам от Отца, Дух истины, Иже от Отца исходит» ([Ин. 15:26](#)). Потом: «егда же приидет Он, Дух истины, наставит вы на всяку истину... Он Мя прославит, яко от Моего примет и возвестит вам. Вся, елика имать Отец, Моя суть; сего ради рех, яко от Моего примет, и возвестит вам» ([Ин. 16:13—15](#)). Опять: «якоже Отец воскрешает мертвые и живит, тако и Сын, ихже хочет, живит» ([Ин. 5:21](#)). В других местах говорит: «Дух есть, Иже оживляет» ([Ин. 6:63](#)). «Господь Дух есть» ([2 Кор. 3:17](#)). «Всяческая от Бога» ([2 Кор. 5:18](#)). «Всяческая тем и о Нем создашася» ([Кол. 1:16](#)). «Вся тем быша» ([Ин. 1:3](#)). «Послеши Духа Твоего, и созиждутся» ([Пс. 103:30](#)). «Словом Господним небеса утвердишася, и духом уст Его вся сила их» ([Пс. 32:6](#)). И, кратко сказать, Само Богоначальное Слово рекло: «Аз и Отец едино есма» ([Ин. 10:30](#)). И: «вся Моя Твоя суть, и Твоя Моя» ([Ин. 17:10](#)). Далее все, свойственное Отцу и Сыну, Сам Сын Божий относит и к Богоначальному Духу, то есть и величие Божества, и то, что Он есть обще и соединенно с ними источная и неистощимая Причина всего, — когда говорит: «шедше научите вся языки, крестяще их во имя Отца и Сына и Святого Духа» ([Мф. 28:19](#)).

Из всего вышесказанного видно, что в Божестве иное соединенно, иное отдельно; и не следует ни того, что соединенно, разделять, ни того, что разделено, сливать воедино. Соединенное принадлежит всему Божеству, именно, что оно преблаго, пребожественно, пресущно, прежизненно, премудро, что от Него всякое благо, добро, бытие, жизнь, мудрость и все разнообразие благолепных даров. Раздельное же есть пресущное имя и титул (или значение) Отца, и Сына, и Святого Духа (с личными их свойствами), в коих не допускается никакое взаимопременение или общение.

Итак, получив такое ведение о Боге чрез веру, да познаем дарованную нам благодать, ради коей пострадал истинно Сам Господь. Господь приял миро на главу Свою ([Мф. 26:7](#)), чтоб даровать, как благоухание, в Церковь Свою нетление. Не намащайся же никто зловонием неверия князя века сего; не уклонимся от пути правого, да сподобимся получить надежду благ

вечных и жизнь нескончаемую во Христе Иисусе, Господе нашем, Коему слава во веки веков. Аминь.

Слово инока Антиоха о принятии пищи

О столований говорит Приточник: «аще сядеши вечеряти на трапезе сильного, разумно разумевай предлагаемая тебе, и налагай руку твою, ведый, яко сицевая тебе подобает уготовати; аще же насытнейший еси, не желай брошен его» ([Притч. 23:1—3](#)). То же и другой говорит: «сел ли еси при трапезе велицей, не разверзи на ней гортани твоего... Помяни, яко зло есть око лукаво... Идеже аще узриши, не простирай руки и не гнетися с ним в солило. Разсуждай, яже суть ближняго, от тебе самаго, и о всяцей вещи размышляй. Яждь, яко человек, подлежащая ти и не пресьщайся, да не возненавиден будеши. Престани первый ради наказания и не пресьщайся, да не преткнешися. И аще сядеши посреде многих, первее их не прости руки твоя. Коль доволно человеку наказанному не многое!» ([Сир. 31:13—21](#)). Святой Моисей заповедует: «ядый и насытився, вонми себе... да не забудеши Господа Бога твоего» ([Втор. 6:11—12](#)). Апостол Павел учит: «аще ясте, аще пиете, аще ино что творите, вся во славу Божию творите» ([1 Кор. 10:31](#)). В другом месте: «ов бо верует ясти вся, а изнемогая зелие да ясть. Ядый не ядущаго да не укоряет; и не ядый ядущаго да не осуждает... Ты кто еси судяй чуждему рабу? Своему Господеви стоит, или падает» ([Рим. 14:2—4](#)). И далее: «ядый, Господеви яст и благодарит Бога, и не ядый, Господеви не яст» ([Рим. 14:6](#)). И ниже: «не брашна ради разоряй дело Божие. Вся бо чиста, но зло человеку претыканием ядущему... Блажен не осуждай себе, о немже искушается. А сомняйся аще яст, осуждается, зане не от веры» ([Рим. 14:20—23](#)). «Брашно же нас не поставляет пред Богом: ниже бо аще ямы, избыточествуем, ниже аще не ямы, лишаемся» ([1 Кор. 8:8](#)).

Приточник опять говорит: не прельщайся сытостию чрева. «Душа в сытости суци сотам ругается; души же нищетней и горькая сладка являются» ([Притч. 27:7](#)). Также и Апостол, чистым признавая всякий род пищи, внушает еще: «яже Бог сотвори в снадение со благодарением верным и познавшим истину, не скверни того. Зане всякое создание Божие добро и ничтоже отменно, со благодарением приемлемо. Освящается бо словом Божиим и молитвою» ([1 Тим. 4:3—5](#)). И: «вся чиста чистым» ([Тит. 1:15](#)). Постановляет и закон: «ядши и насытившись, благослови Господа Бога твоего» ([Втор. 8:10](#)). Давид же с благодарением говорил: «дал еси веселие в сердцы моем от плода пшеницы, вина и елеа» ([Пс. 4:8](#)). И еще: «насытил есть душу тщу, и душу алчущу исполни благ» ([Пс. 106:9](#)). И благий Господь, желая научить нас скромности, говорит: «егда зван будеши ким на брак, не сяди на преднем месте, еда кто честнее тебе будет званых, и пришед, иже тебе зваый и онаго, речет ти: даждь сему место; и тогда начнеши со студом последнее место держати. Но егда зван будеши, шед сяди на последнем месте, да егда приидет зваый тя, речет ти: друже, посяди выше; тогда будет ти слава пред званными с тобою. Яко всяк возносяйся смирится; смиряяйся же, вознесется» ([Лк. 14:8—14](#)). И этого достаточно для научения и назидания. Но хорошо припомнить еще и слова Иова, который говорит: «аще же и хлеб мой ядох един, и сирому не преподах от него: понеже от юности моя кормих якоже отец» ([Иов. 31:17, 18](#)). И Господь говорит опять: «егда сотвориши обед или вечерю, не зови друзей твоих, ни братии твоя, ни сродник твоих, ни сосед богатых, еда когда и тии ты такожде воззовут, и будет ти воздаяние. Но егда твориши пир, зови нищия, маломощныя, хромья, слепыя; и блажен будеши, яко не имеют ти что воздати, воздаст же ти ся в воскрешение праведных» от Бога ([Лк. 14:12—14](#)). Ему слава вовеки. Аминь.

Слово инока Антиоха о чревоугодии

Всякому необходимо нудить себя держать чрево свое в должной мере; наипаче же тому, кто возжелал работать Богу. Хорош стал умеренный, а насытившийся без меры подобен кораблю, нагруженному более, нежели сколько может поднять. Тело имеет нужду в пище, а не в уладах, во вкушении вдоволь, а не в пресыщении. Ибо первое доставляет пользу и телу, и душе, поддерживая здоровье, крепость сил и радость жизни; а второе обоим им приносит вред, не только расстраивая здоровье, но и причиняя болезни крайне тяжкие. Явным доказательством тому служит, что подвижники, довольствующиеся малоядением, бывают больше здоровы, целомудренны и здравомысленны, чем те, которые проводят жизнь во всяком довольстве.

И не только это, но и страсти умалает обуздывающий чрево, а побеждаемый и увлекающийся яствами распложает плотские влечения. Ибо как умножение дров большой возжигает пламень, так изобилие яств сильнейшую возбуждает похоть. Изысканность яств гортань услаждает, но питает червя сладострастия неусыпающего. Как запущенная земля зарастает тернием, так и ум чревоугодника распложает срамные помыслы. Монах чревоугодливый есть данник чрева и только и делает, что считает, когда память нарочитых святых, а воздержный подражает жизни их. Чревоугодник ничем так не любит, как пространым и вместительным чревом, хотя оно есть не более как хранилище до времени нечистых излишеств. И Дух Святой, обитавший в человеке чревоугодливом, оскорбляется его чревоугодием и, не терпя зловония, удаляется от него. Как дым отгоняет пчел, так чревоудие — благодать Святого Духа.

Итак, лучше нам оставить чревоугодливые яства и простою пищу удовлетворять потребность тела, чтобы не уподобиться чревоугодливому народу в пустыне. Ибо о нем говорится: «седоша людие ясти и пити и восташа играти» ([Исх. 32:6](#)). Наевшись и напившись без меры, они забыли заповедь Божию и уклонились в идоломанию. Почему хорошо пишет о подражателях им апостол Павел: «имже Бог чрево, и слава в студе их, иже земная мудрствуют» ([Флп. 3:19](#)). И опять: «брашна чреву, и чрево брашном; Бог же и сие и сия упразднит» ([1 Кор. 6:13](#)). Еще: «аще брашна ради брат твой скорбит, уже не по любви ходиши: не брашном твоим того погубляй, за негоже Христос умре» ([Рим. 14:15](#)). И наводит: «таковии бо Господеви нашему Иисусу Христу не работают, но своему чреву: иже благими словесы и благословением прельщают сердца незлобивых» ([Рим. 16:18](#)). В другом месте: «мудрование бо плотское смерть есть; а мудрование духовное живот и мир» ([Рим. 8:6](#)). И: «добро благодатию утверждати сердца, а не брашны» ([Евр. 13:9](#)). И опять: «нести Царствие Небесное брашно и питье, но правда, мир и радость о Дусе Святе» ([Рим. 14:17](#)). Несть оно услаждение плоти и роскошь в столе, сия, как сказано, пища червей; как и святой Иаков написал в укор рабам чрева, говоря: «возвеселитесь на земли, и насладитесь; упитасте сердца ваша, аки в день заколения» ([Иак. 5:5](#)). И Господь говорит неверовавшим иудеям: «аминь глаголю вам, ищите Мене не яко видесте знамение, но яко яли есте хлебы и насытитесь» ([Ин. 6:26](#)). И наводит: «делайте не брашно гиблющее, но брашно пребывающее в живот вечный, еже Сын Человеческий даст вам» ([Ин. 6:27](#)). Ему слава и держава во веки веков. Аминь.

Слово инока Антиоха о пьянстве

Пьянство есть грех более тяжкий, нежели объядение, и совершенно воспрещается Божественным Писанием. Совсем не уместно нам угождаться им, как иные мудрствующие помирски имеют обычай хвалиться тем, что упиваются. Это упивание ничего другого не приносит, кроме исступления ума и бедности. И тело соделывает оно изможденным и расслабленным. Хорошо и неукорно употреблять немного вина немощи ради телесной. Ибо, как земля,

напаяемая умеренным дождем, с избытком возвращает вверенное ей чистое семя, а переполненная обильным дождем (опьяненная), приносит только терния и волчцы, так и земля сердца нашего при умеренном употреблении вина отдает чистыми естественные свои семена, будучи же все пропитано вином от многопития, приносит одни тернии нечистых помыслов. Это упивание делает еще и то, что над пьянствующим неразумные смеются, а разумные плачут о нем. Так Божие Писание говорит, что Ной, муж праведный, выпил вина и, опьяненный, лежал нагой, и это не потому, чтоб он был винопийца, но потому, что не знал еще силы вина. Увидев его, неразумный Хам осмеял его, а дети разумные прикрыли его.

Итак, будем, братие, бегать от демона пьянства, чтоб не быть осмеянными от него, но паче да утвердим себя в трезвости, да цел будет человек и с владычественным своим (то есть умом), как заповедует и Приточник, говоря: «не буди винопийца... всяк бо пияница... обнищает» ([Притч. 23:20—21](#)). И опять: «кому горе? кому молва? кому судове? кому горести и свары? кому сокрушения вотще? кому сини очи? Не пребывающим ли в вине? и не назирающим ли, где пирове бывають?» ([Притч. 23:29—30](#)). И наводит: «не упивайтесь вином, но беседуйте ко человеком праведным» ([Притч. 23:31](#)). Другой говорит: «в вине не мужайся, многих бо погуби вино» ([Сир. 31:29](#)). И опять Приточник: «иже есть сладостен в виннем пребывании, во своих твердых оставит безчестие» ([Притч. 12:11](#)). Еще: не будь винопийца, ибо «не пользует безумному сладость» ([Притч. 19:10](#)). И еще: неразумно и «укоризненно пьянство: и всяк пребывая в нем, не будет премудр» ([Притч. 20:1](#)). Пророк Осия говорит о древнем народе (в укор ему): «вино и пьянство прият сердце людей моих» ([Ос. 4:11](#)). И Исаия, окаывая проводящих время в винопитии, говорит: «горе востающим заутра и сикер гонящим, ждущим вечера: вино бо сожжет я» ([Ис. 5:11](#)). И опять: «вином прельщени суть... жрец и пророк изступиша ума от сикеры... прельстишася» ([Ис. 28:7](#)). Подобно сему и Иоиль вопиет: «утрезвитесь пиянии от вина своего и плачители; рыдайте вси пиющие вино до пьянства» ([Иоил. 1:5](#)). Плакать и рыдать повелевается любителям винопития. И поистине, пьянство есть дело людей презреннейших и заблуждших, как Иов, произнося суд свой над неким, говорит: «да заблудят же, яко пьяный» ([Иов. 12:25](#)).

Хотящие вести жизнь свою благочестно шествуют незаблудно прямым путем, повинуюсь слову Апостола, который говорит: «не упивайтесь вином, в немже есть блуд» ([Еф. 5:18](#)). Еще: «пияницы... Царствия Божия не наследят» ([1 Кор. 6:10](#)). И опять: «питающаяся же пространно (подгуливающая вдовица) жива умерла» ([1 Тим. 5:6](#)). И наводит: «не бывайте несмысленни, но разумевайте, что есть воля Божия» ([Еф. 5:17](#)). Все срамные страсти распложаются от пьянства. Как и Давид говорит: «ночь просвещение в сладости моей» ([Пс. 138:11](#)); то есть ночь была вокруг меня бедного, а я того не ведал, почитая светом сласть, тогда как она есть ночь. Мрак и тьма — время пьянствующих, по Апостолу ([1 Сол. 5:7](#)). Историю о дочерях Лота я охотно пройду молчанием. Но Господь, подтверждая предлагаемую истину, всем заповедует, говоря: «внемлите себе, да не когда отягчают сердца ваша объядением и пьянством» ([Лк. 21:34](#)). Ему слава во веки веков. Аминь.

Слово инока Антиоха о воздержании

Воздержание всем приличествует, но наипаче тем, которые возжелали благоугождать Богу. Воздержание же, разумеем, не в отношении только к яствам, но вообще — во всем, то есть удаление от всего запрещенного. Итак, взявшему подвиг воздержания должно воздерживаться от всего, по Апостолу ([1 Кор. 9:25](#)). Как, когда у человека отнят будет какой-либо член, весь вид тела становится не благообразным, так и недостаток одной какой-либо из части воздержания уничтожает все его благолепие. Почему нам надлежит трудолюбно возделывать не телесные

только добродетели, но и те, которые могут очищать внутреннего нашего человека. Ибо дело воздержания — удаляться от всякой неразумной сласти и ничего не делать не по указанию заповедей Божиих. Воздержание есть узда, сдерживающая стремление похотной части души к яствам, стяжаниям и славе. И нет возможности родиться в нас чему-либо другому без терпения и всестороннего воздержания. «В терпении вашем стяжите души ваша», — внушает Господь ([Лк. 21:19](#)). Желаящий исправно вести дело воздержания часто должен молиться. Апостол говорит даже: «непрестанно молитесь» ([1 Сол. 5:17](#)). Молитва и воздержание отдаляют ум от мирских сластей и избавляют от всякого злого их влияния. Под плотию и кровию разумел Апостол плотские страсти, увлекающие ум и к мудрованиям плотским, когда говорил, что «плоть и кровь царствия Божия наследити не могут» ([1 Кор. 15:50](#)). Эта плоть есть пища демонов. Почему измождающий плоть воздержанием заставляет голодать демонов и отнимает у них силу с успехом вести против себя брань.

Воздерживаться, как сказано, должно всеми чувствами: зрением, слухом, обонянием, языком, чревом, осязанием и всем прочим. Равно должно ему быть выше всякой срамной сласти и похоти. Любители воздержания очевидно бывают и телом крепки, и рассуждением здравы, и душою всегда радостью Божиею преисполнены; и ум их, отрешаясь от земного, с вожделением устремляется к горнему. Став чуждыми всякого сладострастия, они прочее пребывают страстенавистниками и боголюбцами. Чиста молитва их ко Господу, и всегда со Ангелами священнодейственно предстоят они Богу. И Писание говорит: «в след похотений твоих не ходи, и от похотений своих возбраняйся.. Не веселися о мнозей сладости» ([Сир. 18:30, 32](#)). «Не пресыщайся во всякой сладости, и не разливайся на (различные) брашна. Ибо во мнозех брашнах недуг будет... Внимаяй же приложит житие» ([Сир. 37:32—34](#)). Блаженный же Давид, показывая совершенство воздержания, говорит: «уязвен бых яко трава, и исше сердце мое, яко забых снести хлеб мой. От гласа въздыхания моего прильпе кость моя плоти моей. ...пепел, яко хлеб ядах, и питие мое с плачем растворях» ([Пс. 101:5—6, 10](#)). А святой апостол Павел заповедует: «умертвите уды ваша, яже на земли» ([Кол. 3:5](#)). И еще: «очистим себе от всякия скверны плоти и духа, творяще святыню в страхе Божий» ([2 Кор. 7:1](#)), да будем храм живого Бога. Подобно и Петр: «подадите в вере вашей добродетель, в добродетели же разум, в разуме же воздержание, в воздержании же терпение» ([2 Пет. 1:5—6](#)).

Итак, всегда надлежит нам трезвиться и бодрствовать, вышних искать, горняя мудрствовать, по заповеди Господа, Который говорит: «да будут чресла ваша препоясана и светильницы горящи; и вы подобни человеком, чающим Господа своего, когда возвратится от брака, да пришедшу и толкнувшу, абие отверзут ему. Блажени раби тии, — наводит Он отсюда, ихже пришед Господь обрящет бдящих. Аминь глаголю вам, яко препояшется и посадит их и приступив послужит им» ([Лк. 12:35—37](#)). Ему слава во веки веков. Аминь.

О восьми главных страстях, святого отца нашего Иоанна Дамаскина

1) Знай, брате, что есть восемь помыслов, воюющих с монахом, как говорят святые отцы. Первый — чревоугодия; второй — злой и срамной похоти; третий — сребролюбия; четвертый — печали; пятый — гнева; шестой — уныния; седьмой — тщеславия, и гордости — восьмой.

2) Итак, ведать тебе, монах, и внимать тщательно надлежит, какую страстью возмущаем бываешь ты и тревожим от врагов наших, духов злобы, и к какому страстному помышлению склонность имеет ум твой.

3) Если увидишь, что бываешь тревожим от чревоугодия и сластености, то утесни чрево свое, весом и мерою определяя для себя пищу и питье; имей непрестанную память об отшествии отселе души, также о будущем суде и страшной геенне, возгревая в то же время и возжелание Царствия Небесного. Сим способом возможешь ты победить чревоугодливое сластолюбие и возымеешь к нему омерзение.

4) Если схвачен будешь духом срамной и злой похоти, то восприими подвиг воздержания телесного и сокрушения душевного, равно как бдения и прилежной молитвы; к тому же держи себя бездерзновенно (не смело пред всеми), никого не осуждай и не оговаривай, и ни к кому не имей отвращения; еще помни смерть и возлюби жажду; наипаче же не позволяй себе видеться с женщинами и беседы с ними вести, еще лучше — совсем не смотреть на лица их. Делай так, и избавишься от этой страсти.

5) Если хочешь победить сребролюбие, люби нестяжательность и во всем скудость; помни также участь Иуды, ради сей страсти предавшего Господа беззаконным судиям, еще же и то, что всякий сребролюбец именуется в Божественном Писании идолослужителем ([Кол. 3:5](#)), — и что оно отрывает нас от упования на Бога, — и что наслаждение, доставляемое серебром, временно, а наказание сребролюбцам конца не имеет. Размышляя о сем и ничего, кроме необходимого для удовлетворения потреб, не ища, победишь эту страсть.

6) Если будешь возмущаем и томим мирскою печалию, должно тебе чаще молиться, все упование свое возложить на Бога, прилежно поучаться в Божественных Писаниях, обращаться с благоговейными и Господа боящимися монахами, все настоящее, как не сущее, презирать и помышлять о радостях небесных и утешениях праведных. Если прибьет кто тебя, или обесчестит, или гнать станет, не печалься, но паче радуйся. Тогда только печалься, когда согрешишь пред Богом. Так возможешь ты избавиться от духа страстей.

7) Если бываешь тревожим гневом и острожелчием, восприими сострадание, служи братьям и, если можно, ноги их часто умывай со смирением, проси прощения у всякого человека, часто посещай болящих и язык свой подвигай на псалмопение. Так действуя, возымеешь наконец покой от этой страсти.

8) Если хочешь победить уныние (или разленение), занимайся небольшим каким-либо рукоделием, прилежи чтению, чаще молись с верным упованием благ; помышляй также о бывающем при последнем издыхании, какую нужду и томление испытывают тогда грешники и как немилосердно мучимы бывают и терзаемы, — и таким образом успокоишься от сей страсти.

9) Если тиранит тебя тщеславие или искание человеческих похвал, должно тебе ничего не делать напоказ пред людьми, но всякое дело свое совершать тайно, так, чтобы никто того не видел, кроме единого Бога, не люби ни похвал, ни почестей человеческих, ни добрых одежд, ни предпочтения, ни первоседания, паче же любви, чтоб люди поносили тебя, осуждали и бесчестили, лжуще; и имей себя паче всякого грешника грешнейшим.

10) Если от бесовской страсти злой гордости видишь себя боримым, должно тебе никого

отнюдь не поносить, не осуждать и не унижать, но почитать себя отребием всех и непрестанно содержать в мысли, что «аще не Господь созиждет дом, всеу трудишася зиждуции» ([Пс. 126:1](#)), и всегда должником себя чувствовать и унижать пред лицом Бога и всех людей. Не надейся также ни на что и ни на чем не опирайся, пока не услышишь последнее о себе решение, видя, как некто, уже после того, как возлег в брачном чертоге, связанный по рукам и ногам, извержен был во тьму кромешную; но попостишься ли, бдение ли совершишь, поспишь ли на голой земле, попоешь ли псалмы, постоишь ли терпеливо, или покладешь поклоны во множестве, или другое что сотворишь, не говори, что это твоими силами и твоею ревностью совершено, но Божию помощью и заступлением, а не твоим старанием. Постарайся, брате, всегда быть простым и непорочным; никогда не имей одно в сердце, а другое на языке, потому что это лукаво; и молись непрестанно со слезами. Действуя так, ты избавишься от сего пагубного и злого падения.

Из страстей одни телесные суть, а другие душевные. Телесными называем чревоугодие, блуд, пьянство, непотребство; а душевными — ненависть к ближнему, рвение (строптивость, сварливость), тщеславие, гордость. Все они действуют в душе нашей, когда в ней отсутствуют любовь и воздержание. Побеждаются первые — постом и бдением, а вторые — любовью и смирением; все же — благодатью Божиею с ревностью нашею. Когда побеждены будут, тогда ум восприимлет свойственный ему свет и беспрепятственно зрит Бога.

Всему полчищу страстей противостоять можно, если человек непрестанно помышлять будет о Боге, зрителе своих дел, об Ангеле Хранителе, о превосходстве добродетели, о мгновении удовольствия, о скверноте греха, ненадежности жизни, о безвестности часа смертного, о вечных радостях и муках, о мире чистой совести, о достоинстве человека, о Божиих к нам благодеяниях, паче же всего о жизни, страданиях и смерти Христа Господа. Что есть и какова жизнь наша? Едва выйдет человек из одного гроба (утробы матерней), как спешит опять в другой, чтоб потом погребену быть в вечном пламени геенском. Возлюбим же Бога и будем соблюдать заповеди Его, чтоб, когда угаснет эта бедная жизнь, сподобиться нам счастливо внити в радость вечного блаженства. Аминь.

Душеполезное слово о добродетелях и страстях душевных и телесных

1) Веды надлежит, что человек, будучи двойствен, состоя то есть из души и тела, двойкие имеет и чувства, и соответственные им добродетели и страсти. Чувств сих пять есть душевных и пять телесных. Душевные чувства, которые мудрецы называют также силами, суть следующие: ум, рассудок, смысл, воображение, чувство; телесные же суть зрение, обоняние, слух, вкус и осязание. От них двойкие у нас добродетели и двойкие страсти греховные; и всякому человеку необходимо знать, какие добродетели и страсти душевные и какие телесные.

2) Добродетели душевные суть, во-первых, четыре главнейшие: мужество, мудрость, целомудрие и правда; затем рождающиеся от них добродетели, кои суть: вера, надежда, любовь, молитва, смирение, кротость, великодушие, незлобие, благостность, безгневие, разумность божественная, тихонравие, простота, безмятежие, беспритворство, безнадмение, безгордость, беззавистность, бесхитрость, нестяжательность, сострадательность, милостынедательность, щедрость, бесстрашие, беспечалие, сознательность, стыдливость, благоговеинство, небесных благ взыскание, к Царству Божию стремление, сыноположения возжелание.

3) А телесные добродетели или, лучше, орудие добродетелей, которые с разумом и по Богу, без всякого притворства и человекоугодия будучи держимы, ведут всякого человека к успеянию в смирении и бесстрастии, суть: воздержание, пост, жажда, бдение, всенощное стояние, частое преклонение колен, отказывание себе в банях, довольство одною одеждою, сухоядение, позднее вкушение пищи, скороядение, питье только воды, спание на голой земле, скудость во всем, ничего неимение лишнего, небрежение о внешнем благообразии и щеголеватости, несаможаление, уединение, безмолвие, домоседство, довольство малым, молчаливость, трудолюбное рукоделие, всякое злострадание (произвольные лишения телесные) и всякое подвижничество телесное. Все сие крайне необходимо и весьма полезно, когда тело здорово и подвержено сильным приражениям телесных страстей; когда же тело болезненно и Божиею милостию от свойственных ему страстей не бывает тяготимо, тогда не столько необходимо, потому что в таком случае святое смирение и молитва все восполняют.

4) Следует сказать теперь и о душевных и телесных страстях греховных. Душевные страсти суть следующие: забвение, нерадение, незнание, каковыми страстями око душевное, то есть ум, будучи омрачен, подпадает под власть и всех других страстей, кои суть: нечестие, злоумие, то есть всякая ересь, богохульство, гнев, ярость, огорчительность, вспыльчивость, человеконенавидение, злопамятство, оклеветание, осуждение, печаль неразумная, страх, робость, рвение, зависть, завистливость, тщеславие, гордость, притворство, лживость, неверность, любоимание, вещелюбие, пристрастие, склонность к земному, уныние, малодушие, неблагодарность, ропотливость, надмение, самомнение, грубость, чванство, любоначалие, человекоугодие, лукавство, бесстыдность, бесчувствие, ласкательство, подозрительность, насмешливость, двоедушие, сосложение с грехами, страстною частию внушаемыми, и частое о них думание, блуждание помыслов, самолюбие, всех страстей родительница, и корень всего злого — сребролюбие, злонравие и злохитрость.

5) Телесные же страсти суть: чревобесие, гортанобесие, сластенность, пьянство, тайноядение, пристрастие к чувственным удовольствиям, блуд, прелюбодеяние, развратность, нечистота, кровосмешение, детораствление, скотоложество, похоти злые и все противоестественные срамные страсти, воровство, святотатство, разбойничество, убийство, упокоение тела всем вдоволь и удовлетворение всех желаний плотских, при здоровом особенно

теле, гадание, колдовство, заговоры, предвещания, судьбоверие, страсть к украшениям, щегольство, изнеженность, натирания лиц, достойное осуждения ничегонеделание, пустые развлечения, азартные игры, страстное злоупотребление мирскими утехами, телолубивая жизнь, коею пресыщаясь, ум делается земным и скотским и охоты уже никогда не имеет вознестись к Богу или возжелать делания добродетелей.

6) Корни же всех страстей и, как бы иной сказал, источные причины суть: сластолюбие, славолюбие, сребролюбие, из которых порождается всякое зло. Но никаким грехом не согрешит человек, если прежде не войдут в него и не завладеют им, как говорит мудрейший в аскетах Марк, следующие всемогущие гиганты: забвение, нерадение и неведение; которых самих порождает сластолюбие и покой плоти, любление славы человеческой и пристрастие к развлечениям. Первопричинный же всех их виновник и как бы мать злейшая, как сказано уже, есть самоугодие, или неразумное любление и страстное пристрастие к телу. Прибавлю еще, что разлияние и распущенность ума, с застойною веселостию и срамословием, много зла и много падений причиняют, как дерзость на все и смех.

7) При всем этом надобно еще знать, как различно и разнообразно страстное сластолюбие и как много удовольствий, прельщающих душу, если она, трезвенствуя пред Богом, не проникается страхом Божиим и, ревнуя об исполнении заповедей, не пламенеет любовью ко Христу. Тысячи приятных вещей носят пред очами души, привлекая их к себе, — лица, серебро и золото, сласти и утехы, слава, разгульное веселие, власть, всего вдоволь имение, и в обольщении кажутся имеющими вид блестящий и превозделенный; так что в самом деле сильны увлечь поражающихся ими, особенно если они не сильно любят добродетель и не охотно переносят трудности на путях ее. Да и всякая привычка земная, и всякое пристрастие к чему-либо чувственному доставляют удовольствие и услаждение пристрастившемуся, показывая тем, что у него желательная часть души с пристрастием расположена к тому неразумно и во вред себе, ибо по сей причине, в случае лишения вожделенной вещи, гневу, печали и злопамятству подвергается побежденный пристрастием. Если же, при пристрастии, возьмет силу еще и привычка, хотя не большая, тогда она, чрез эту скрывающуюся в ней страсть, держит плененного ею во всей власти неисцельным до конца жизни. Ибо похотная сласть, как сказано, многовидна и не блудом только и другими телесными удовольствиями услаждается, но и всеми вообще страстями; равно как, наоборот, целомудрствовать значит не только воздерживаться от блуда и прочих чревных удовольствий, но и от всякой вообще чувственной сласти держать себя подальше. Почему кто любит серебро и золото, и вообще многоимение, сластолюбив есть, потому что как тот любит плотские вожделения, так этот любит услаждаться многоимением. Даже этот более сластолюбив, так как он не столь сильным со стороны естества подвергается понудительным возбуждением. И кучер, например, невеждою в своем деле почитается не тот, который не сладит с диким и неуправляемым конем, но тот, который не сумеет править конем кротким и покорным. По всему видно, как неестественно похотение серебра и золота, когда оно не из естества получает свои возбуждения, а от злого произволения. Почему неизвинительно грешит, кто самопроизвольно поддается ему. Таким образом, следует нам бесспорно согласиться, что сластолюбие не ограничивается одними телесными удовольствиями и наслаждениями, но имеет место во всем, к чему, в удовлетворение какой-либо страсти, с любовью произвольно пристращается душа.

8) Чтоб еще яснее видно было различие греховных страстей, распределим их по трем частям, или силам, души; чего ради прилагаем следующее краткое их в сем отношении обозрение.

Душа разделяется на три части, или силы: мыслительную, раздражительную и вожделетельную.

В мыслительной бывают следующие грехи: неверие, ересь, неразумие, хуление, неблагодарность и сосложения с телесными грехами, происходящими от вожделетельной части. К исцелению же и уврачеванию сих страстей служит несомненная вера в Бога, истинные, чуждые заблуждения православные догматы веры, прилежное поучение в словах Духа, чистая и непрестанная молитва и к Богу благодарение.

Грехи раздражительной части суть: немилосердие, ненависть, несострадательность, злопамятство, зависть, убийство и непрестанные обо всем этом замыслы. Исцеление и врачевство против них — человеколюбие, любовь, благодостынность.

Грехи вожделетельной части: чревобесие, гортанобесие, пьянство, блуд, прелюбодетение, нечистота, разврат, любоимание, тщеславие, чувственные удовольствия. Исцеление и врачевство их: пост, воздержание, злострадание (произвольные телесные лишения), нестяжательность, иждивение имени на бедных, возлюбление вечных будущих благ, стремление к наследию Царства Небесного и возжелание сыноположения.

Из жития святого Андрея, Христа ради юродивого (составленного Никифором, священником Софийской Константинопольской церкви, очевидцем)

1) Святой Андрей такое видел сонное видение в начале своего подвига. Вижу я себя, говорил блаженный, в царских палатах, и царь, увидев меня, подозвал к себе и сказал: хочешь служить мне всею душою? И я сделаю тебя знатным вельможею при моем дворе. Я ответил ему: кто же отказывается от добра, Владыко мой. Я сильно сего желаю. Царь сказал мне: желаешь? — Вкуси же и ощути силу царства моего. И с словом сим велел подать мне некую снедь, белую как снег. Я вкусил — сладость снеди превосходила всякий ум и издавала неизъяснимое благоухание. Потом царь велел подать мне другую снедь, говоря: возьми, съешь. Я вкусил — и горечь снеди была горчее всякой горечи, так что содрогнулся весь состав мой и я забыл сладость первой снеди. Тогда царь сказал мне: вот теперь я дал тебе ощутить силу совершенного мне служения! Видишь, какова горечь? — но это есть тесный и прискорбный путь, вводящий в живот, другого же нет. Я ответил: горько и мучительно, Владыко. Кто может служить тебе при такой пище? Царь сказал мне: познал ты горечь и забыл сладость? Не дал ли я тебе прежде сладкое, а потом горькое? Так всем служащим мне я дарю сначала ощутить всю сладость служения мне, а потом испытываю и веду его путем горести. Я сказал ему: но, Владыко мой, ты указал образ служения Тебе только в одной горькой снеди! Царь говорит мне: нет, не с одною горькостью, но с горькостью и сладостью бывает служение мне. На пути моем попеременно встречаются горечь подвигов и трудов и сладость сердечного упокоения от росы благодати моей. Не все горечь и не все сладость: но иногда одно, иногда другое. На сем слове я пробудился, — и видение сие служило мне утешением и укреплением во всю жизнь.

2) Послушай, сын мой, совета моего. Сатана дерзок и яр против подвизающихся славы ради имени Божия. Сильнее всего и успешнее он искушает их разжжением похоти чрез скверные помыслы. Итак, умоляю тебя, внимай себе и трезвись во всем и всегда, чтоб не впасть в злокозненные сети его. Ты юн и нежен, и за то еще более он злится на тебя. Ибо завидует кротости твоей, чистоте, ревности по Богу и любви к познанию истины и хождению в ней. В преданности Богу шествуй путем Его, со страхом и усиленным вниманием облекись в смирение; оградись горячею и непрестанною молитвою; храни строго все чувства тела твоего, ибо злобный враг не перестанет усиливаться осквернять чрез них сердце твое. Прилепись ко Господу всем сердцем своим, и помощь Его будет осенять тебя на всех путях твоих. Дерзай, да не устрашается сердце твое, ибо Господь с тобою. Приложи обильнейшие слезы для очищения души и тела; приложи труд и подвиг для стяжания чистоты сердечной. Будь сострадателен и терпелив; не гневайся, не осуждай, не обижай, не возносись, да вознесет тебя Господь. Стяжи крепкую и непрестающую молитву и вдайся без саможаления в делание заповедей Божиих. Господь, благодатию Своею, да покроет тебя от всякого зла и приведет к небурной пристани Царствия Своего.

3) Когда один юноша, приставший было к святому Андрею, оставил его и возвратился на дела свои, Епифаний спросил святого Андрея: прошу тебя, раб Божий, скажи мне, почему сей юноша так предан искушениям? Преподобный Андрей сказал ему в ответ: Господь в гневе оставил его не за другое что, как за то, что он своенравен, дерзок и горд. Хотя у него есть и другие нечистые страсти, но не столько сие, сколько то губит его. Впрочем, Господь милосерд: огнем скорбей и болезней Он смирит его. И если он уразумеет перст Божий и покается — спасен будет. Если же не уразумеет и не покается — будет как фараон. Если пища не уварится

хорошо, не имеет приятности: так и мы, грешные, если не будем выварены скорбями и искушениями, не годимся в Царствие Божие.

4) Другой юноша, Иоанн, сидел с Епифанием и, увлекшись проходящею женщиною, сказал: да накажет ее Бог за то, что она смутила мое сердце. Епифаний говорит: «хорошо, если только смутила, а не увлекла к похоти, ибо «всяк воззревши на жену, ко еже вожделети ея, уже любодействова с нею в сердце своем» ([Мф. 5:28](#)). Но если желаешь избежать сего греха, зачем смотришь с услаждением на жену? Иоанн сказал: не диавол же сотворил жену, но, конечно, Бог. Потому Он же и определил — быть «такому делу». Если б Он не хотел сего, то не произвел бы на свет жены. Епифаний говорит: видно, что ты говоришь не подумавши. Рассуди сам: Бог дал нам нож не затем, чтобы мы резали и убивали друг друга, но чтоб он служил нам в потребах наших; также вервь, не затем, чтоб давиться, но чтоб употреблять ее к чему должно. Так и жену создал Бог не для похоти, но для распространения рода человеческого. И всякий, желающий иметь жену, должен взять ее по определенным Богом законам, а не по своенравной прихоти. Всякий в юности своей должен рассудить, как поступить ему в сем деле. Если может девствовать, — благодарение Господу, если же не может — пусть, с благословения родителей, изберет себе жену, честную и добродетельную. И тогда ни он, ни она не имеют над собою власти, чтобы вляяться^б туда и сюда. Юношу же женатого, падающего в блуд преступный, ожидает огонь неугасимый и тьма кромешная. Итак, если не можешь пробыть в девственной чистоте, возьми жену, по закону Божию, чтоб и здесь жить честно, и в будущем веке не подпасть осуждению. Тот говорит ему: блаженны уста твои, Епифаний, изрекающие такие истины. Но не всех умудрил Бог так, как умудрил тебя. И я желал бы быть так, как ты, но не могу. Хотел бы поститься весь день и молиться всю ночь, но не могу. Хотел бы помочь бедным, но не имею чем. Хотел бы не гневаться, не осуждать и вообще не делать ничего худого, но всегда почти, хотя и не хотя, увлекаюсь к противоположному, то от естества, то от демона, то от произволения и злой привычки. Говорит ему Епифаний: все это предлоги и извинения, брат мой. Ужели не можешь уединяться, как я? Не можешь посещать храмы Божии, заняться чтением Божественного Писания, иметь любовь и мир со всеми? Не можешь поститься? Но Господь не принуждает к тому каждого. Он требует только — не чревоугодничать и не упиваться вином. Ты сказал: хочу молиться, но не могу. Почему не можешь? Ты юн, как прекрасное деревцо, красующееся зеленью. Какое же принесешь ты оправдание на суде, где какая-нибудь немощная старлица устыдит тебя и посрамит. Ибо Господь скажет тогда тебе: посмотри на сию престарелую, как вседушно ревновала она угодить Богу, несмотря на престарелость свою и слабость сил. А ты, юный и крепкий, провел жизнь в нерадении и лени? Нет, брат, никакое извинение не поможет нам тогда, ибо мы имеем свободное произволение и готовую всегда от Господа помощь. Если любишь меня, послушай совета моего: бегай блуда, бегай чревоугодия и пьянства, непрестанно молись и блюди все чувства от движений неправых, да получишь благодать и милость от Господа и спасешься. Знай, что ничто нам не поможет в день суда, кроме милосердия Божия и нашей веры и дел благих, соделанных во славу Богу со усердием и готовностью.

5) Сказал преподобный Андрей: диавол, обыкновенно, сначала отгоняет благодать Божию от человека чрез грех, и потом уже входит в него беспрепятственно и делает в нем что хочет. Впрочем, благодать не потому отступает от человека, чтоб боялась диавола, но потому, что не может снести зловония греха, приятного сердцем. Также диавол не насильственно увлекает человека на грех, но человек сам произвольно склоняется на него, хотя по соблазну от диавола. Он возбуждает только помыслы и скверные воспоминания, а человек свободен принять их или не принять. Кто мужественно отвергает их, отвергает и диавола; кто же, не имея мужества противостоять помыслам и ревности вдаваться в труды и подвиги, принимает их и грешит, тот

принимает с тем и диавола.

6) Епифаний, будучи искушен демоном блуда, стал в подвиг против него: постился, молился, вкушал по три онгии⁷ хлеба. Страсть немного утихла, но совершенно престала бороться с ним уже по некоему видению во сне. Увидясь после сего с святым Андреем, жаловался ему на тиранство бесов и просил вразумить его и объяснить, почему попущено людям быть в таком бедственном положении. Святой Андрей сказал ему: как же иначе окажется мужественный воин, если не на войне и не в борьбе с противником? Как познает Бог любовь твою к Нему, если не узрит тебя в твердой брани с диаволом? Как можешь заслужить ты одобрение и награду, если не потерпишь скорбей, искушений и наветов демонских? Те, кои искренно и благочестно подвизаются Царствия ради Небесного, неизбежно терпят беды и искушения, «лишени, скорбяще, озлоблени» ([Евр. 11:37](#)). Те же, кои не бывают искушаемы, не терпят скорбей, живут в довольстве и покое, — мертвы, по внутреннему человеку, и бесплодны. Не помня о Боге и последнем часе своем, они живут для плоти, а не для Христа. Но за то, какое горе ожидает их за гробом! Ты же, сын мой, знай твердо, что насилия, какие терпим здесь, будут нам в сладость, когда каждому воздано будет по делам его. Итак, не малодушествуй, но терпи. Ныне или завтра прейдет для тебя мир и как дым рассеются все красоты его. Или не читал ты, что многи скорби праведным и что скорби и нужды обретоша мя: заповеди Твои поучение мое есть? Или не знаешь, что для борьбы Бог положил дни жизни нашей, да боремся с демонами, да бодрствуем день и ночь, молясь и подвизаясь исполнять заповеди Его? Человек честный и целомудренный есть благоуханный фимиам Господу Богу, блудник же женонеистовый — злосмрадное зловоние все дни жизни своей, если исповеданием и слезами не смоеет грехов своих. Не стыдись того, что диавол искушает тебя; но радуйся паче и веселись о том, зная, что, если не будем хорошо испечены искушениями, не можем быть приятным Богу хлебом.

7) Епифаний спросил блаженного Андрея: прошу тебя, отче, скажи мне, что такое душа человеческая? Блаженный сказал ему: душа человеческая обнимает все, и она, собственно, составляет человека. Она для перстной плоти нашей есть жизнь и сила. Ей дал Бог силу образовывать, животворить и управлять тело наше, которое без нее есть пыль и прах. Епифаний спросил: какое же существо души? Каков вид ее и какую узрится она по исходе из тела? Также, какова душа грешная и какой божественный признак души праведной? Блаженный сказал ему: по существу душа есть дух умный, легкий, мудрый, тончайший, тихий, кроткий паче слова, прекрасный, благолепный, равноангельный. Вначале души всех людей сияют паче солнца, но с летами она является такою, какую проводим мы жизнь. Если проводим ее в божественных подвигах и трудах, она становится еще светлее и чище, а если грешим, то соделываем ее мрачною и безобразною. Впрочем, не все души людей добродетельных одинаковую имеют светлость, но она соразмеряется с подвигами и трудами в добродетелях и богоугождении. У одних лик ее светлее солнца, а у других — как солнце, у тех — как луна, у сих — как иллектор⁸, у иных — как блеск молнии или чистого золота. Ибо, чем более кто подвизается, чем более кто терпит скорби и труды ради Господа, тем более приближается он к Богу; по мере же приближения к Богу более и более светлеет душа его и как бы обожается, по благодати, причастием Всесвятого Духа. Как железо, черное и холодное, будучи положено в огонь, светлеет и все становится огненным, так бывает и с людьми. Огонь есть Дух Святой, а черное железо — мы. Чем более пребываем мы в посте, бдении и молитве, в безмолвии и внимании, в трудах и подвигах, тем более очищаемся, просвещаемся, осияваемся. Противное тому бывает с теми, кои омрачают души свои грехами. В начале сотворивший человека Бог «вдунул в лице его дыхание жизни, и бысть человек в душу живу» ([Быт. 2:7](#)) — чистую и сияющую дивным светом. Таковою же, хотя не в полной мере по причине падения, бывает душа во время зачатия человека, ношения во чреве, рождения и даже детства его. Но когда он возрастает и свободною волею

обратится на грех, тогда она начинает мрачнеть, и, чем более он сходит в глубину греха, тем более непроницаемым мраком покрывается душа его. Потому по исходе из тела одни души видятся все как в ранах, другие — как в тине и кале, иные — как в проказе, те — мрачны, черны, как ефиопы, сии — черны, как обожженный уголь. Души злопамятных имеют зрак демонов, людей тщеславных — глубокого мрака, а похотливцев — еще хуже. Пойми все сие, сын мой, разумно восприими сердцем и храни для вразумления и укрепления души своей.

8) Епифаний спросил святого Андрея: что значат слова Господа: не многословьте в молитвах? ([Мф. 6:7](#)). Блаженный отвечал: многословит, сын мой, тот, кто, стоя на молитве, не говорит: Господи, согрешил я, — прости и помилуй, но: Господи, подай мне пищу и питание, богатство, честь и власть. Вот в чем состоит многословие. Бог не хочет, чтоб мы так молились, но хочет, чтоб мы искали прежде Царствия Божия и правды Его, — и сия вся приложатся нам.

9) Преподобный Андрей сказал: слова — «Боже, во имя Твое спаси мя, и в силе Твоей суди ми» ([Пс. 53:3](#)), означают: Боже, во Христе Иисусе спаси мя, и Духом Твоим Святым рассуждение мне даруй. Ибо рассуждение показывает человеку всякий путь благий и не попускает ему уклониться на путь злой. Оно первенствует над всеми добродетелями: ибо от него рождается любовь, от любви милостыня и всякое благотворение, потом незлобие, высокотворное смирение, мир и кротость. Рассуждение есть ум Святого Духа и, когда вселится в ум человека, управляет всеми его умными чувствами; оно взвешивает всякое помышление и, какое найдет здравым, дает уму восприять и сотворить, а какое вредным — отгоняет от ума и, как из лука, отбрасывает далеко.

10) Епифаний был смущен блудным движением. Когда открылся он святому Андрею, блаженный сказал ему: сын мой Епифаний! Помысл возношения и гордости приразился к нам, и потому искушения восстали на нас. Что, впрочем, к лучшему. Ибо как бы мы познали немощь свою и то, что без помощи Божией мы нимало не сильны против невидимых демонов. Все добро наше — от благости Божией, мужество в борьбе со страстями и победа над ними есть дар Божий, как сказал Сам Господь: «без Мене не можете творить ничесоже» ([Ин. 15:5](#)). Потому, когда забудет о сем человек и вознесется, Бог оставляет его самому себе, чтоб, испытав приражение помыслов и страстей, он вспомнил, откуда получал силу прежде.

Мысли и изречения святых подвижников из разных патерических сборников монастыря святого Саввы Освященного

Когда увидишь или услышишь что не полезное и не назидательное, будь как глухой, слепой и безъязычный.

Не осуждай блудника, хотя сам целомудр, но убегай дела, не понося делающего. Ибо сказавший: не прелюбодействуй, сказал и: не осуждай. Потому, если и не прелюбодействуя сам, ты осудишь блудника, — вместе с ним осужден будешь, ибо подобно ему преступаешь закон.

Осуждающий другого должен вспомнить, что хотя он не имеет тех грехов, кои видит в брате своем, но имеет другие, может быть большие и срамнейшие; потому должен ожидать и сам осуждения Господня: «лицемере, изми первее бервно из очесе твоего, тогда узриши изъяти сучец из очесе брата твоего» ([Мф. 7:5](#)).

Не только есть пост, чтоб есть поздно, но и чтоб мало есть; и не то только подвиг, чтоб принимать чрез два дня пищу, но и чтоб не иметь разнообразных яств. Трапеза подвижника должна состоять из одной снеди, и он должен гнушаться изысканностью в яствах, как вещью поносною.

Как пользует пост тех, кои разумно приступают к нему, так вредит тем, кои проходят его без рассуждения.

Не думай стяжать добродетель чистоты без того, чтоб наперед не трудиться ради ее даже до крови. Ибо греху блуда должно противостоять даже до самого смертного часа.

Ничто так не истребляет добродетели, как шутки, празднословие и забавы, и ничто столько не способствует обновлению души и ее приближению к Богу, как страх Божий, непрестанная молитва и поучение в словесах Господних.

Одно доброе слово ввело в рай разбойника, и одно слово — недолжное — лишило святого Моисея земли обетования. Итак, не должно думать, что языкоболие есть малая болезнь, ибо злословники и шутники затворяют для себя дверь Царствия Небесного.

Итак, хорошо сказал один мудрый, что лучше пасть с высоты на пол каменный, нежели пасть от языка; и апостол Иаков: «да будет всяк человек скор услышати, и косен глаголати... Аще бо кто в слове не согрешает, сей совершен муж, силен обуздати и все тело» ([Иак. 1, 19, 3:2](#)).

Говори к Богу много, а к людям мало; исправишь же ты то и другое поучением в законе.

От Благого все произошло добрым, и ничего нет злого в сущем, ибо от Благого по существу невозможно произойти чему-нибудь злomu.

Благое по существу есть собственно сущее, и всегда сущее и одинаково сущее (неизменно), которое есть безначальное начало всего, неизреченная единица, Триипостасное единство, Отец неисходный вечно, Родитель Сына и существенно источник Святого Духа.

Все происшедшее произошло из ничего, получив бытие по воле Сущего. Оно имеет началом и концом своим Бога, а Сей не имеет ни начала, ни конца, Сам будучи причинным концом всего.

Одностранные не имеют единения, а с ревностью проходящие одну и ту же добродетель бывают в глубоком между собою мире. Если гневливый будет жить с гневливым, или корыстолюбивый с подверженным той же страсти, или чревоугодник с другим, зараженным тем же злом, то у каждого из них всегда будут брани и неудовольствия с сожителем своим, потому что самолюбие всегда будет побуждать одного превзойти другого в стяжании вещей, к коим пристрастен, чем причиняется ущерб одному со стороны другого и разрывается доброе

единение. А проходящие одни и те же добродетели самыми благами, к коим оба стремятся, приводятся к превосходящему всяк ум миру. Какое неудовольствие или какую брань будет иметь воздержный с воздержным, целомудренный с целомудренным, бескорыстный с бескорыстным, кроткий с кротким и, кратко сказать, всякий украшенный какого бы то ни было рода добродетелями с единомравным ему, когда всякое добро ему друг, а одно злое — враг?

Смиренномудрие есть сознание ума своей бедности и слабости, созерцающего в своем существе недостаточность и скудость. Ибо из не сущих волею Сущего получив бытие, он недоволен к тому, чтоб существовать самому по себе. Волею же Сотворшего принятый в приснобытие и благобытие, он праведно почерпает то из общения с Сущим.

Все тварное несамодовольно, а несамодовольное имеет нужду в помощи Самодовольного. Один из таковых есть и человеческий ум, который потому несамодоволен и имеет нужду в помощи Божией, без которой не может произвести ничего доброго. Потому творящему добро, приписывая совершение его Подателю сил, должно говорить: Он — «подаст крепость сотворити силу» ([Втор. 8:18](#)); и: «крепость моя и пение мое Господь, и бысть мне во спасение» ([Ис. 12:2](#)); и: то и то добро не я сделал, но благодать Божия, яже со мною.

Христос, укоряя чрез Павла присвояющего себе причину добрых дел и возносящегося пред братьями, как нерадивыми, взывает: «что имаши, егоже неси приял? аще же приял еси, что хвалишися, яко не прием?» ([1 Кор. 4:7](#)). «Се, оставляется дом твой пуст» Моего заступления» (ср.: [Мф. 23:38](#)).

Кроткий и смиренный есть священное покоище Божие. Ибо Он говорит: в ком упокоюсь, если не в кротком, смиренном, безмолвном, и трепещущем словес Моих? (ср.: [Ис. 66:2](#)).

Когда внедренный в нас страх обращен к Самосущему, тогда рождается благоговение; когда же ум раболепствует сущему из ничего, тогда произрастает нечестие. Причина восхождения к лучшему — уверенность и память о смерти и неуклонной правде будущего суда; а ниспадение в худшее — любовь к телу и украшениям и рождающийся из того гневный нрав.

Бог есть существенная жизнь, начало и конец разумных тварей, приведенных жизнью в бытие, чтоб опять возвратиться к жизни, когда случайно прившедшая смерть будет уничтожена. Ибо она не получила бытия от Сущего, чтоб ей пребывать всегда. «Бог бо смерти не сотвори, ниже радуется о погублении живых» ([Прем. 1:12—13](#)).

Страх Божий есть родитель разумности; а от разумности происходящее неленостное исполнение заповедей привлекает ведение, потому что вместе с бесстрашием вселяется в душу мудрость, которая есть знание вещей Божеских и человеческих и их причин.

Благоговеющий пред Единым не убоится многих, паче же многие будут бояться его ради Единого. Ибо говорит: «аще убоитесь Господа Бога вашего и послушаете гласа Его, никто не постоит противу лица вашего, но страх ваш и трепет будет на всех языцех» (см.: [Втор. 11:25](#)).

Приятия мудрости обыкновенно сподобляются чрез исполнение заповедей, ибо Бог не подаст ее прежде богатства благих дел, как сказал некто из мудрых по благочестию: «возжелев премудрости, сохрани заповеди, и Господь подаст ю тебе» ([Сир. 1:26](#)).

Хотящему иждивать богатство мудрости в сласти тщеславия Бог не склонится подать ее, хотя бы он приложил тмы молитвенных возношений, ибо Бог не благоволит склоняться на подаяние зле просящим, как говорит Иаков, ученик Христов: «просите и не приемлете, зане зле просите, да в сластях ваших иждивете» ([Иак. 4:3](#)).

Когда сила вожделетельная, пронзенная Божиим страхом, движется на любовь к лучшему, тогда сила разумная вразумляется против обходов зла и, открыв следы лукавых злодейств демонских, предает их силе раздражительной (яростной), чтоб, благовременно подвигнув ее на гнев, далеко отогнать их сильнейшими угрозами. К чему возбуждает ее и Давид, говоря: «гневайтесь и не согрешайте» ([Еф. 4:26](#)).

Душа тогда оскверняет свою раздражительную силу, когда, ниспадши в сласти мирские, побуждает ее воевать из-за них, потому что в таком случае непрестанно подвходят в нее (в душу) неудовольствия и злопамятство и невольно понуждают ее изощрять гнев против однородных, не рассуждая, что раздражительная ее сила, будучи осквернена неестественным движением, теряет свою естественную силу, которую получила она от Творца против демонов и страстей.

Если диавол назван в Евангелии искушающим, то очевидно, что он не знает наших помышлений прежде искуса. Ибо ум, говорит некто из мудрых отцов, ведом единому сотворшему нас Богу. И подлинно, не может быть ведомо находящееся в нашем уме диаволу и слугам его, потому что они не суть существенные разумы и далеко отстоят от Того, Кто есть таков (то есть Бога).

Если смысл сотворенных вещей сокрыт в сокровищах Мудрости, то он неведом тем, кои не причастны Существенной Мудрости. Потому лгали эллинские философы, хвалясь знанием сущностей вещей.

Бегающий подражания глупому, а не бегающий вместе с тем осуждения его, забывает, что делает не лучше осуждаемого.

Не осуждай блудника, хотя ты целомудр, но бегай дела, не унижая делающего. Ибо сказавший: не блудодействуй, сказал и: не осуждай. Потому, если, не делая блуда, осуждаешь блудника, вместе с ним осужден будешь, потому что подобно ему престопаешь закон.

Подвизающийся об истинном смиренномудрии, будучи всегдашним исследователем своих только дел, благоговейно предстоит Богу и Судии и испрашивает у Него милости, Ему единому воздавая силу и власть судить всех, ибо, будучи естества осуждаемых, боится сесть вместе с Судиею по естеству, как неразумный судитель однородных.

Когда помысл возносит тебя судить и осуждать ближнего, тогда, обратясь на себя, начинай тщательно исследовать свои дела, чтоб не укрылось, что ты сам обременен, может быть, тягчайшими грехами, между тем как осуждаешь легчайшие падения ближнего, и чтоб за то не потерпеть тебе чего, подобного фарисею, который, рассматривая строгим оком ума падения мытаря, просмотрел свои грехи и имел осудителем своим осужденного, потому что Бог осудил его чрез сближение с мытарем. И вообще, возношение судится смиренномудрием.

Тот, кто злословит сказавшего или сделавшего ему что злое, равно падает в грех и оказывается, подобно ему, малодушным и нерассудительным. Ибо мстит злом за зло и, созлодействуя зло сотворившему, вместе с ним становится преступником закона, который говорит: не воздавай зла за зло или поношения за поношение.

Если вера, по Иакову, без дел мертва есть, а мертвое не есть сущее, то мнящийся иметь веру, лишенную добродетелей, прельщается, принимая не сущее за сущее. А если так, то верный, худо живущий, есть неверный, хотя он проповедует, что имеет веру в Бога.

Праведный богочестив, сказал Иов, потому что он деятельностью исправил свое в Бога благочестие, ибо словом только чтущий Бога, а делом отмечающий Его заповеди есть неправедный богочтец, который и услышит: «что Мя глаголеши: Господи, Господи! и не творишь, чего Я хочу».

Вера есть внутреннейшее сердечное убеждение верующего в веруемом; или иначе — вера есть непытливое убеждение верующего в веруемом, высшее доказательств.

Верный есть благоумный, неприступный страж вверенных Богом законов.

Если истинно подвизаешься против страстей и о добре, то, чтоб скорее совершить течение сие, нужно тебе не принимать худой мысли на ближнего твоего. Хотя то, что он говорит или делает в отношении к тебе или другому, имеет некоторый вид зла, но ты, сам оправдывая его, будь сам защитником его пред собою. Таким образом, ты никогда не допустишь помыслов

ложного подозрения, осуждения и гордости, а также злопамятства, гнева и оскорбления (на него). Добротою рассевая рой показанных зол, ты приготовишь тем душе своей беспрепятственный путь (отсюда).

Кем обладает мир, того не избавляет время, а кем не обладает мир, того не порабощает время. Это яснейшим образом оказалось на старцах в отношении к блаженной Сусанне и на юном Иосифе. Те в старческом возрасте были уловлены юношескою страстью, а сей в юношеском возрасте показал сединный нрав целомудрия.

Три, думаю, главных причины, по коим болят любостязанием: **первая — сокровенная некоторая** гордость, которая, изображая недостаточность унижительною, (то есть) во время нужды просить или получать от другого что из необходимых потребностей, побуждает, сверх нужды, иметь и собирать золото; **вторая — суетное некоторое услаждение самым стяжением вещества; третья — слабость веры**, которая истощает душу и внушает — не иметь сокровищницею необходимых потребностей упование на Бога, а собирать и иметь, как бы для нужды, не столько, впрочем, сколько требует нужда, а сколько внушает любостязательность. Почему Павел и назвал ее идолослужением, поколику она заменяет упование на Бога и уверенность в помощи Его. Ибо говорит: «и любо имание, еже есть идолослужение» ([Кол. 3:5](#)).

Любостязатель тот, кто стяжавает сверх нужды и своим необщительным нравом обижает бедных.

Экономен, а не любостязателен тот, кто хотя имеет сверх своей собственной нужды, но ради вспомоществования другим, а не по страсти к стяжанию; ибо хотя и кажется, что он имеет более своей нужды, но по истине — не более, потому что он считает собственно своею нуждою облегчение участи других.

Не праведен, кто желает стяжать более брата и превзойти его в чем, отвергая равенство по праву.

Притворяющийся бедным, подобно воровски окрадающему милостивых, есть неправедный похититель, ибо, что надлежало бы получить истинно бедному, он то тайно похитил чрез свое притворство.

«Время, — говорит, — рыдати и время ликовати» ([Еккл. 3:4](#)). Рыдающий есть тот, кто наказует себя сокрушительными обличениями совести, а ликующий — кто делами показывает образ Божественных словес.

Желающий сохранить свою раздражительную силу несмущенною и безгневною прежде должен уцеломудрить силу (похотную) вожделетельную, чтоб она не была удобопоползновенна к плотским сладостям, ибо, когда сия не здравствует, необходимо не здравствует и сродная ей сила раздражительная. Потому суетен труд того, кто налагает на себя закон безгневия, не обуздав наперед поползновенные стремления вожделения, из коих, как из источников, течет возмущение в силу раздражительную.

Воздержан тот, кто пребывает непреклонным на всякое неразумное влечение.

Бесстрастен тот, кто чрез крайнее воздержание обратил в навык противоборство (страстным помыслам), коим окачествованный, он не бывает возмущаем никакою сластию.

Сила воздержания есть страх Божий, а крепость бесстрастия — искренняя любовь к священной Единице.

Дело воздержания — удерживаться от всякой неразумной сласти и не делать никакого зла ближнему в противность заповедям, а дело любви — оказывать всякое благотворение другим и бесстрастно переносить со стороны их неудовольствия и оскорбления.

Бог по благодати привел нас из небытия в бытие, а по сотворении управляет судом правды, растворяя, впрочем, милостию правду, ибо есть благ по существу.

Слово Божие в Святом Писании называется рукою Божиею, ибо говорит: «Словом Господним небеса утвердишася» ([Пс. 32:6](#)); и: «Аз рукою Моею утвердих небо» ([Ис. 45:12](#)). А Дух Святой называется милостию Божиею: «излию, — говорит, — от Духа Моего на всяку плоть» ([Иоил. 2:28](#)); и: милость Господня на всяку плоть. Итак, сотворив нас благостью, Он влечет к Себе нас, разъединенных с Ним, судом правды Своей, а милостью приемлет. Ибо Всесвятый Сынотворящий Дух — елей радования, оправданные воздействиями правды разумные твари представляет благоприятными Отцу в правде.

Совершенный праведник имеет в себе все добродетели равносильными, не будучи более кроток, нежели целомудр, ни более целомудр, нежели мудр, так как несовершенный праведником быть не может, ибо праведность есть равносильное исповедание всех родов добродетели.

Если в Священном Писании иные праведники особенно прославляются за одну какую-либо добродетель, как Иосиф за целомудрие, Иов за терпение и мужество, Даниил за разумность, родители блаженной Сусанны за правду, то не потому, чтоб у них недоставало других добродетелей, а потому, что оказаться славными в сих качествах подала им повод злорадных врагов. Так Иосиф, испущенную на него демоном блуда чрез египтянку стрелу отразивший щитом целомудрия, равным образом твердостью мужества показал совершенное незлобие к братьям своим, и опять, добродетелью разумности прорек участь сновидцев, правдою правил Египтом, творя должное каждою добродетелью соответственно времени. То же найдешь, если исследуешь жизнь и других святых.

Как, подлагая коноплю и масло и другое какое горючее вещество, мы удерживаем огонь как бы связанным, если же лишим его таких веществ, то огонь отходит, некоторым образом как бы разрешенный нами; так, когда Бог хочет разрешить душу, которую связал телом, устраивает ущерб в чем-нибудь из того, чем поддерживается жизнь тела, и таким образом, чрез расстройство гармонии, душа разрешается волею Божиею. Каким образом душа разумная держится узами тела, сего сказать нельзя. Можно сказать только то, что бестелесное держится телом силою неизреченной воли Божией.

По мере пристрастия своего к веществу, разумная тварь отступает от Бога, но она может опять как бы некою тропею возвратиться к Тому, от Кого отступила, если вступит на путь заповедей Его. Ибо в Священном Писании заповеди, оправдания и свидетельства называются путями, как: «путь заповедей Твоих текох; на пути свидений Твоих насладихся; в путь оправданий Твоих настави мя» (см.: [Пс. 118](#)). Знаки и миля сего пути суть догматы, кои побуждают нас теши показанным путем и чрез кои можно узнать, как далеко отстоим мы от конца сего благого течения.

Должно есть по необходимости, поддерживая жизнь тела, а не услаждать плоти страстным вкушением, с возделением предлежащих яств.

Не поздно только есть — есть пост, но и мало есть; не вкушать только чрез два дня есть подвиг, но и не вкушать разнообразных яств.

Неразумен пост, терпящий до узаконенного времени, но в час пищи необузданно стремящийся к столу и с плотию и ум связывающий сластию предлежащих яств.

Плотию и кровию Апостол назвал плотские страсти и расположение, приковывающее к ним ум, когда сказал: «плоть и кровь царствия Божия наследити не могут» ([1 Кор. 15:50](#)). Такая плоть есть пища демонов: «во еже бо приблизитися на мя злобующим снести плоти моя» ([Пс. 26:2](#)). Потому истощающий показанные плоти посредством добродетелей морит голодом демонов и делает их немощнейшими к брани против него.

Умерший в сей жизни смертью греховною и почитающий жизнь по плоти истинною жизнью справедливо боится разрешения от плоти, потому что оно отнимает из рук его жизнь

его. А праведный, еще прежде разрешения от плоти отрешившийся от плоти и жизнь по плоти почитающий смертью, как говорит блаженный Павел: «окаянен аз человек! Кто мя избавит от тела смерти сея?» ([Рим. 7:24](#)) — как бы приступая к жизни, вожделенною почитает чувственную смерть, потому что она вводит его в истинную жизнь.

Там всякий охотно желает быть, где стяжание, к которому привязано его вожделение. Итак, чье вожделенное стяжание на небе, тот, как бы возвращаясь в отечество свое, радостно встречает исход из тела, а кто беден сим лучшим (стяжанием), тот отвращается от исхода, потому что он лишает его всего, что имел и что почитал благом.

Злой союз вожделения и раздражительности рождает неудовольствие, гнев, зависть, неправедную ненависть, злопамятство и тому подобное; когда же ум лучшим помыслом разъединяет сии две силы одну от другой и вооружает раздражительность защищать и хранить блага, которым научает Божественный страх, тогда обуздывает неразумные стремления вожделения, возбуждая раздражительность на благословный гнев, чтоб то есть вожделение не погрешило уклонением на зло. И это-то значит: «гневайтесь и не согрешайте».

Добрые труды деятельной силы походят на семена, и неукоризненное исправление их отражает ведение. Ибо говорится: сейте себе плод жизни; просветите себе — свет ведения.

Из чувственных семян каждое, каково само по природе, производит подобное себе по роду, как то: зерно пшеницы произращает пшеницу же, зерно боба или других семян дает подобное же. А в отношении к семенам добродетели — бывает иначе. Ибо здесь часто одно и то же дело, сеемое двумя, или тремя, или большим числом, чрез деятельность, произращает у одного один, а у другого другой плод, так что одного делает рабом Божиим, другого — другом, а иного — сыном. Такое различие плодов, рождающихся от одного и того же семени, зависит от мудрований (чувств и расположений), коими возбуждаются бросающие семена дел. Добро, сеемое по мудрованию страха Божия, произращает раба Божия, (добро) из начальной любви производит друга Божия, а добро из любви совершенной делает сыном Божиим.

Когда познаем, какими мы сделали себя чрез свои злые дела, тогда познаем и то, какими сотворил нас Бог по естеству.

Воздержание есть узда, удерживающая стремление вожделения к яствам, или богатству, или славе.

Три подвига встречают душу в делании и хранении добра: первый — противостоятельная брань от претящих, когда устремляется сделать что доброе; второй подвиг, чтоб сохранить неокраденным сделанное добро, — против помысла, ищущего внешних похвал; третий подвиг — против самодовольства и самомнения.

Если милостив Господь и праведен, то очевидно, что, сотворив нас благостию, правдою наказует отступивших и милостию приемлет.

Когда убегаешь подражания злым, убегай вместе и осуждения их, ибо осуждение отвергает любовь и презирает страх.

Послушание есть неразмьшляющая вера, беспечально парящая к исполнению приказаний; или иначе: послушание — всесовершенная покорность, лишенная своей воли и по одному только мановению настоятеля несмущенно движущаяся на дело.

Кто работает Богу по страху будущих мук, того твердость ненадежна при искушениях, угрожающих потерю житейских благ: ибо в сем случае страх настоящий изгоняет будущий. А кто творит добродетель по любви к Богу, того никакое из находящих бед не сильно отклонить от добродетели, творимой по воле Возлюбленного.

Никто, боримый демоном, не был бы побежден, если б наперед, разделившись сам на себя, не был побежден страстными пожеланиями плоти, предаваясь их неразумным стремлениям, и диавол, пользуясь ими как орудиями, воцаряет и укрепляет страсти против души и делает их

непобедимыми.

Без полного воздержания подвижающемуся невозможно христианствовать и достигнуть предложенной цели. Апостол говорит: «подвизаясь от всех воздержитесь» ([1 Кор. 9:25](#)), где слово всех означает — воздерживаться всегда и от всякого рода неразумных помышлений и дел. Ибо, в какой части ослабевает сила воздержания, в той возрастает и сила греха, и тем готовится диаволу победа над душою.

Воздержание чувственное есть уклонение от всех чрез плоть совершаемых неразумных дел, а воздержание умственное есть уклонение ума от сласти страстных помышлений. Первое не может быть исправлено, если не будет второе хранимо и не пребудет всегда неотлучно в душе.

Коль скоро посредством веры предоставляем действовать Богу, то да бегаем двумыслия и недоумения о том — как что будет, ибо ничего нет непроходного и недостижного всемогущей воле сущего над всем Бога.

В двух преимущественно деланиях проходит добрая жизнь: в воздержании и терпении. Того, что в нас есть, делатель — воздержание, а того, что не в нас, — терпение. Первое укрепляется страхом, а второе заимствует силу от любви. Ибо «любвы, — говорит, — вся покрывает, вся терпит, вся уповает, любвы николиже отпадает» ([1 Кор. 13:4—8](#)).

Если, по Иоанну, «Бог любвы есть» ([1 Ин. 4:8](#)), то любящий в Боге пребывает и Бог в нем, а ненавидящий ближнего, однородного, удален от Бога.

Истинно кающийся в своих злых делах и сам себя укоряет, и терпеливо сносит укоры других, а притворно кающийся, не помня о своих падениях, спорит и, ссорясь, в негодовании говорит: Бог да воздаст ему по достоянию, а о себе дерзостно говорит: что я сделал? Укоряя такого, Бог говорит чрез Иеремию пророка: «несть человек кайся — от злобы своя глаголай: что сотворих».

Признак истинного смирения не то, чтоб самому на себя изливать укоры, но терпеливо сносить, когда укоряют другие.

Кто, отвергая славу человеческую, оуждает сам себя, а оскорбляется, когда поносят его другие, тот прельщается мнимым смирением, оуждая сам себя более по человекоугодию, нежели по добродетели.

Кто для получения чего-либо от Бога подъемлет труды добродетели, а не для Самого Бога, тот очевидно трудится в добродетелях не с совершенным намерением.

Прежде должно отмщать Христа в себе, а потом и в других. Так Моисей, прежде показавший кротость и незлобие к погрешившим против него, благословно и естественно гневался на согрешивших в Бога, движимый не злопомнением и страстию, но славою Божию и любовью к тем, против коих по видимому восставал.

Кто злопамятствует на оскорбившего, или обидевшего, или вообще сделавшего ему какую-либо неприятность, тот оскорбляет милость Божию к нему самому, не тою мерою, какую мерил ему Господь, возмеряя сорабу. Как же благоприятна будет Богу ревность по Боге, когда он в другом ревнует отмщать Бога, а в себе презирает Его и оскорбляет?

Искренно желающий стяжать какое-либо духовное благо не останавливается препятствиями к достижению желаемого, но с ревностью предпринимает и делает все, способствующее к тому. Так, желающий стяжать твердое целомудрие не ищет ни роскошных яств и пития, ни красивых и мягких одежд, ни красных слов, рассеивающих благоговение, ни радости и веселых бесед с юношами и девами, и ничего другого, подобного, но старается подвизаться в противном тому, то есть в воздержании и неукрашении, степенности и благоговении, в безмолвии и смирении — сей сокрывательнице всех добродетелей, кою обрадованный Господь подаст искомое благо и силу сохранить его.

Невозможно стяжать ничего доброго без терпения и всецелого воздержания. Ибо говорит:

«в терпении вашем стяжите души ваша» ([Лк. 21:19](#)), и: «подвизаясь от всех воздержитесь» ([1 Кор. 9:25](#)). Но воздержания нельзя исправить без частой молитвы, ибо «непрестанно, — говорит, — молитесь» ([1 Сол. 5:17](#)). Молитва же не может быть благоприятна без смирения, ибо «призре, — говорит, — на молитву смиренных и не уничижи моления их» ([Пс. 101:18](#)). Итак, если желаем стяжать добродетели, будем подвизаться — на воздержание, терпение, смиренномудрие, особенно же — частую молитву, — и удобно достигнем искомого.

Как без искусства и искусника, без орудий и вещества невозможно построить дом или корабль, так невозможно достигнуть конца добродетельной жизни без воздержания, терпения, смиренномудрия и молитвы. Ибо воздержание отрешает ум от мирских сладостей и поставляет его выше всякого злострадания; терпение научает его терпеливо сносить труды и приходящие отвне искушения против воздержания; смиренномудрие внушает причастнику своему подвизаться в самопознании, быть судиею более себя самого, а не других, воздавая достолично власть судить единому Господу, верно знающему все добрые и худые дела каждого, — а чрез то приводит его к кротости и мирному состоянию, возбуждает искать совершенного безмолвия, чтоб всегда быть в себе и чрез то — в Боге, а частая неразвлеченная молитва, чрез беседу к Богу, отводит ум от мирских мудрований и представляет Богу; а чрез такое приближение к Богу исполняет его благоговения и блаженной тишины и теплоты Духовной.

Ничто из творимого нами добра не делает ум так страшным для демонов, как частая молитва, ибо она, сподобляя его близости Божией, говорит, «близ Господь... призывающим Его» ([Пс. 144:18](#)), разрушает все покушения против него врагов.

Как накаление огнем делает железо неприкосновенным, так частые и усердные молитвы делают ум страшным в силе. Потому демоны всячески стараются вложить в нас леность на приседение в молитве, зная, что она есть их наветница, а за ум сильная воительница.

Знаем из Божественного Писания, что молитва есть добродетель добродетелей, ибо она, предстоя Богу за всякие добродетели, умоляет Его помочь им во время нападения страстей и демонов. Да убедит тебя в сем Моисей, молитвою укрепивший воителей израильских и воздеянием рук обративший вспять Амалика.

Поучение в словесах Всесвятого Духа истребляет вещество злых помыслов, возгнетая умственный огонь, по писанному: «в поучении моем возгорится ум». Сей огонь, согревая ум, настраивает его к сильной молитве и делает способным разумно поведывать прошения свои Богу.

Трудящийся над поучением в Божественных Писаниях для одной пустой словоучености сам открывает вход в себя помыслу тщеславия, а благоговейно подвизающийся над изучением священных словес для того, чтоб узнать и творить волю Божию, приемлет в себе силу Всесвятого Духа, которая дает ему крепость исполнить делом познанные словеса, и сверх того, сообщает ему ведение не писанных словес и Божественнейших тайн.

Тогда открывается искренность поучения в Божественных словесах, когда кто в час искушения, извлекая из колчана памяти изученные словеса, подобно стрелам, испускает их против демонов и страстей и чрез противоречие отсылает без действия вдыхаемые ими злые помыслы.

Как прилежание воинов к изучению искусства стрелять во время мира обнаруживается их ловкостью во время брани, так и подвиг монахов в поучении в Божественном Писании ради богоугождения свидетельствуется непадением их во время искушений.

Поучение с сокрушением и молитвою рождает в нас страх Божий, ибо возглаголешь, говорит, в них, то есть в словесах Божиих, сидя в доме, и идя путем, и возлежа, и дремля, и да будут они неподвижно пред очами твоими, «да научишися бояться Господа Бога твоего» ([Втор. 6:7—8, 14:23](#)).

Какую силу имеют изречения Божественного Писания против покушающихся искушать нас демонов показал вочеловечившийся Господь наш, когда диавол приступил искушать Его как человека, показав слабыми и ничтожными все его хитросплетения слов, посредством речения Своего Священного Писания, и именно Спаситель наш показал тогда слабыми все три главные против нас дьявольские помыслы, то есть чревоугодия, корыстолюбия и тщеславия.

Теплоту твою и неленость в молитвенных служениях да знают Ангелы и демоны, чтоб радуясь пребыли с тобою, а сии, поражаемые, отбежали.

Не то показывает христианина, чтоб не обижать, не бранить, не бить, но то, чтоб терпеливо сносить, когда другие делают то ему, обнаруживает истинного ученика Христова: ибо, говорит, «речено бысть» древним: «око за око, и зуб за зуб. Аз же глаголю вам: не противитися злу, но аще кто тя ударит в десную ланиту, обрати ему и другую», и проч. ([Мф. 5:38—39](#)).

Христианство есть догмат Спасителя нашего Христа, боготворящий прилежащих заповедям Его, ибо они возводят в состояние — быть по образу и по подобию Божию. Ему слава вовеки. Аминь.

Из добродетелей добродетель есть молитва, как знаем из Писания.

Отнюдь не ищи воспрять во время молитвы какой-либо образ, лик или видение, не желай увидеть Ангелов или Самого Христа чувственно, чтоб иначе не принять волка вместо пастыря и не поклониться врагам-демонам. Начало прелести есть тщеславие ума, которым движимый он покушается описывать Божество во образах и ликах. Я же говорю, как и всегда говорил юнейшим: блажен ум, стяжавший совершенную безобразность во время молитвы.

Блюдись сетей вражиих, ибо бывает, что, когда молишься ты чисто и несмущенно, вдруг предстает какой-нибудь образ, чуждый и инородный, чтоб, приняв то за божественное, ты впал в самомнение. Божество бесколичественно и безобразно, и открывается таинственно, духовно, без всякого вида.

Ангелы и демоны да зрят твою теплоту и усердие в молитвенных службах, чтобы те возрадовались, а сии отбежали, как бичуемые.

Не желай, чтоб с тобою было как тебе хочется, но так, как угодно Богу, — и будешь иметь покой.

Не молись, чтоб была воля твоя, ибо она никогда почти не бывает согласна с волею Божию. Но молись так, как научен: да будет воля Твоя, Господи, на мне, ибо един Господь знает и всегда желает даровать тебе благое и полезное, сего же, конечно, и ты ищешь.

Вспоминая о делах своих, не ленись бить в грудь, чтоб такими ударами разбить (как каменчики) окамененное сердце свое и обрести там металл мытарского злата. Тогда ты возрадуешься радостью великою о сокровенном там богатстве. Вместе с тем, как ты скажешь: согрешил я, Господи! — дастся тебе ответ от Господа: оставляются тебе грехи твои, ибо «Аз есмь из глаждаяй беззакония твоя... и не помяну» ([Ис. 43:25](#)).

Как разжженное железо становится неприкосновенным, так частыми молитвами воспламененный ум соделывается недоступным для наветов вражеских.

Прежде всего молись о даровании слез, чтоб плачем умягчить живущую в душе грубость и, исповедав Господу беззаконие свое, получить от Него оставление.

Слезы употребляй на получение всякого прощения, ибо Владыка твой весьма радуется, когда ты молишься со слезами. Впрочем, знай, что многие из плачущих, забыв цель плача, потеряли смысл.

Если, вразумляя кого, ты подвигнешься на гнев, то удовлетворишь своей страсти. Смотри, чтоб, спасая другого, не погубить себя.

Бывает, что и наставник предается бесчестию, терпя искушения от тех самих, коих пользовал духовно.

Не ублажай сильных земли, ибо сильнии сильно истязаны будут, то есть подвергнутся строжайшему суду.

Когда получишь власть управлять другими, храни чин свой и не умалчивай о должном ради того, что есть противоречащие.

Когда увидишь или услышишь что не полезное и не назидательное, будь как глухой, слепой и безъязычный.

Не осуждай блудника, хотя сам целомудр, но убегай дела, не понося делающего. Ибо сказавший: «не прелюбодействуй», сказал и: «не осуждай». Потому, если и не прелюбодействуя сам, ты осудишь блудника, вместе с ним осужден будешь, ибо подобно ему преступаешь закон.

Осуждающий другого должен вспомнить, что хотя он не имеет тех грехов, кои видит в брате своем, но имеет другие, может быть большие и срамнейшие, потому должен ожидать и сам осуждения Господня: «лицемере, изми первее бервно из очесе твоего, тогда узриши изъяти сучец из очесе брата твоею» ([Мф. 7:5](#)).

Не только есть пост, чтоб есть поздно, но и чтоб мало есть; и не то только подвиг, чтоб принимать чрез два дня пищу, но и чтоб не иметь разнообразных яств. Трапеза подвижника должна состоять из одной снеди, и он должен гнушаться изысканностию в яствах как вещь поносную.

Как пользует пост тех, кои разумно приступают к нему, так вредит тем, кои проходят его без рассуждения.

Не думай стяжать добродетель чистоты без того, чтоб наперед не трудиться ради ее даже до крови. Ибо греху блуда должно противостоять даже до самого смертного часа.

Ничто так не истребляет добродетели, как шутки, празднословие и забавы; и ничто столько не способствует обновлению души и ее приближению к Богу, как страх Божий, непрестанная молитва и поучение в словесах Господних.

Одно доброе слово ввело в рай разбойника, и одно слово — недолжное — лишило святого Моисея земли обетования. Итак, не должно думать, что языкоболие есть малая болезнь, ибо злословники и шутники затворяют для себя дверь Царствия Небесного.

Итак, хорошо сказал один мудрый, что лучше пасть с высоты на пол каменный, нежели пасть от языка; и апостол Иаков: «да будет всяк человек скор услышати и косен глаголати... Аще бо кто в слове не согрешает, сей совершен муж, силен обуздати и все тело» ([Иак. 1, 19, 3:2](#)).

Говори к Богу много, а к людям мало; исправишь же ты то и другое поучением в законе.

«Еретика человека по первом и втором наказании отрицайся, ведый, яко развратися таковый, и согрешает, и есть самоосужден» ([Тит. 3:10—11](#)).

Одним словом чтущий Бога, а делом отметающийся заповедей Его есть неправедный богочтец, который и услышит: «что Мне глаголеши: Господи, Господи! и не творишь, яже Аз хощу».

Повинуйтесь настоятелям своим и покоряйтесь им, ибо они бдят о душах ваших. Но скажет кто: если настоятель зол, ужели и тогда повиноваться ему? — В каком отношении зол? Если в отношении к вере, отрекись и беги от него, не только когда он человек, но хотя бы то был Ангел, сшедший с неба.

Всякий человек, получивший от Бога дар различать вещи, будет наказан, если последует неискусному пастырю, приняв ложную молву за истину. «Ибо кое общение света ко тме?» ([2Кор. 6:14](#)).

Не прельщайтесь, братия мои! Если кто, отсекая нечто от истины, последует лжи, то Царствия Божия не наследует.

Как приношение (Святые Тайны) праведного не принесет пользы недостойно приступающим, так и приношение грешника не лишит пользы приступающих с чистым и

верующим сердцем. Ибо всякий от своих дел осудится или оправдится ([Мф. 12:37](#)).

Как Иуда тотчас по получении хлеба от Господа был оставлен и возобладай сатаною, так и все искушающие Господа и недостойно приступающие к святому причастию, оставляются Им, ибо «ядый и пияй недостойне, суд себе яст и пиет, — по слову блаженного Павла, — не разсуждая тела Господня» ([1Кор. 11:29](#)).

Страх Божий отгоняет всякое зло; но, когда леность отгонит страх Божий, плен (страсти) отгонит все добродетели.

Молчание, соблюдение заповедей Божиих, смиренномудрие и самоутеснение — вот четыре сильных добродетели.

Четыре добродетели сохраняют душу: милость ко всем, безгневие, долготерпение и блюение себя от забвения.

На каждый час ум имеет нужду в следующих четырех добродетелях: в частой молитве, гневе на страсти, сознании себя грешником и неосуждении. При них только убезмолвливается помысл.

Четыре добродетели помогают юному монаху: поучение на каждый час, бдение, безленость в послушании и немеряние себя ни в каком деле.

Четырьмя вещами оскверняется душа: хождением во град и нехранением очей, знакомством с женою и дружбою с знатными, и любовию к плотским беседам и суесловию.

Четырьмя вещами омрачается ум: ненавистью к другому, уничижением его, завистию и презорством.

Четырьмя вещами возбуждается гнев: даянием и приятием, творением своей воли и почитанием себя разумным.

Четыре добродетели ограждают душу и успокаивают ее от смущений вражеских: милостыня, безгневие, долготерпение и отреяние всякого привходящего семени греха.

Три добродетели распространяют всегда свет в уме: невидение зла в человеке, благотворение злотворящим и несмущенное перенесение всех неприятностей со стороны ближнего. И сии добродетели рождают другие три, большие их: невидение зла в человеке рождает любовь, благотворение злотворящим рождает мир, несмущенное перенесение неприятностей приносит кротость.

Три добродетели с трудом стяжавает человек: непрестанный плач, внимание к своим грехам, память о смерти. Конец же всего — что ни услышишь, говори: мне до того дела нет, я человек грешник, — и не спорь. Ибо мертвый ни о чем не заботится, кроме грехов своих. И Бог укрепит его.

Ему слава во веки веков, аминь.

Духовные мысли, отводящие человека от тленного и прилепляющие к нетленному

Не будь малодушен в делании добродетелей, ибо таковым прилагается бесполезный труд на труд.

Подвизайся о терпении и прежде нужды, чтобы найти в нем и во время нужды готовое оружие.

Воюй против злых помыслов и говори против них то, что написано в законе.

Со всем тщанием отвращай око от житейского, ибо чрез него злой дым входит под свод души.

Если обладает тобою какая злая привычка, отсекай ее мало-помалу, и без труда большого очистишь терние души.

Чистого Бога чисто люби и все почитай второстепенным пред Ним, Сущим над всем.

Ничего не почитай равным в достоинстве с добродетелью, ибо она есть лик Бога и сопрестольница Царствия Его.

Если желаешь быть храмом Божиим, приноси Ему как непрестанную жертву денно-ночную молитву.

Живущего нерадиво не бери в советники, ибо радующийся о зле добро ненавидит и посоветовать не согласится, чтоб оно не показало тебя славным жизнью.

Ревнуй о чистой жизни, чтоб иметь дерзновение обращать согрешающих.

Никого не укоряй всуе, чтоб ты не был осужден, как возвысокомудрствовавший.

Не смейся над падением другого, чтоб и самому не подпасть осмеянию против воли.

Храни увещания сии, и они доставят тебе венец славы; будь блюститель заповедей сих, и они соделают тебя славным пред людьми и благоугодным Богу, ибо сим утешается Божество и такими делами благоугождается Бог.

Старайся всегда преуспевать в добродетелях. Путь же добродетели, благий и краткий, есть удаление от житейского.

Ищущему нетленного ни во что должно вменять тленное.

Если истинного желаешь живота, внимай всегда человеческой смерти.

Не люби настоящей жизни, ибо видишь, как колесо ее вертится непостоянно.

Не пристращайся к благам, коих употребление преходит и стяжание гибнет.

Смейся счастьем и сострадай несчастью: сие заслуживает мзду, а то научает мудрости.

Подвизайся о терпении, в котором упражнение видим в мучениках, ибо и от нас требуется свидетельство чистой совести.

Всему предпочитай душу, и путь добродетели не будет для тебя труден.

Все в мире тленно, а душа нетленна; потому законно предпочесть нетленное тленному.

Будь готов к печальным обстоятельствам, и больше приобретешь.

Не проси у Бога приятного, но проси одного полезного тебе, ибо, когда просят Его о первом, Он не дает, если же и получишь, оно истлевает.

Не унижай бедность, ибо она соделывает борца закона нерассеянным.

Не радуйся о богатстве, ибо пекущиеся о нем, по большей части, отступают от Бога и против ожидания человеческого.

Конец близ: нерадивый да уготовится на раны. Недалеко жатва: очистим поле души от терний. Ничто не сокрыто от Судии, хотя мы часто покушаемся грешить скрытно.

Паче людей стыдись Ангелов, ибо их много и они всегда при нас, и от всякого дела скверного удаляйся.

С заботою помышляй о весах Судии и отвергай всякую прелесть житейскую.

Праздность и покой почитай уроном и спеши делать то, чего от нас потребуют на суде.

Помышляй всегда о неверности жизни, и ничто житейское не возможет увлечь тебя.

Не услаждайся привременным, ибо оно удица для души, уловляющая ее, как рыбу.

Удаляйся искушений, впадши в них — покажи доброе мужество.

Не презирай слез бедного, да не будут презрены и слезы твоей молитвы.

Философия есть превосходное стяжание для людей, содержащее такие вещи, кои знать может только один стяжавший ее.

Добродетель есть хитон Божий; его сшей — и соделаешься облачителем Облекшегося в тварь.

Все земное крадется; делай же небесное, ибо его не достигнут руки грабителей.

Откажись от утех, ибо они влекут к делам, от которых бывают воздыхания с сокрушением.

Должно мерзить плотолюбивыми помыслами, ибо они растлевают тело и оскверняют душу.

И земные блага не достаются без трудов, как же хотим без трудов получить небесные?

Если хочешь беструдно проходить добродетели, внедри убеждение в сердце, что труд временен, а награда вечна.

Прилепившиеся к сладостям да помышляют о краткости наслаждения и бесконечности мук.

По той мере как жизнь нечиста, — душа скотска, потому плакать должно таковым, что погубили разумность.

Все почитай тленным, а добродетель нетленною.

Неради о всем том, что соделывает человека скотским, и делай то, что может явить тебя небесным.

Прилежи добродетели, ибо она чрез философию покажет тебя новым Адамом.

Обуздывая чрево, обуздывай и язык, чтоб не быть то жалким рабом, то неразумным свободником.

Люби Бога и паче Его не прилепляйся к своим, чтоб, по слову Его, не оказаться тебе недостойным Его.

Терпи скорби, ибо борцам в них готов венец.

Блаженно страдать от зла, а творить его — пребедственно, ибо страждущий есть наследник Христов, а творящий есть сонаследник антихристов и дьявола.

Добр плод поста, ибо он свободен от кваса сладостей.

Свят жертвенник молитвы, ибо он привлекает Святаго Святых.

Не думай, чтоб правда была приделием добродетели, ибо без нее всякое делание нечисто.

Если сеешь бедным, свое сей, ибо чужое горче волчцов.

Слеп милостивый, если не бывает праведен, ибо засекает поле, с которого не может ничего пожать.

Всегда ожидай, но не бойся смерти, ибо это характер истинной философии.

Выказывай собою добродетель, но не затем, чтоб прельстить, а чтоб пользоваться видящих.

Живущему худо, по крайней мере, говорить должно хорошо, и, может быть, стыдясь слов своих, он начнет творить добродетель.

Не желай богатства по любви к бедным, ибо от сущих творить милостыню законоположил праведный Бог.

Если чаша студеной воды не теряет мзды своей, то какое воздаяние получит расточивший все имение свое бедным?

Матери добродетелей суть чистота и сострадание; и так невозможно ввоиниться Христу без той и другой.

Не неради о сострадании, ибо оно низвело с неба благого Владыку.

Не презирай чистоты, ибо орудие ее представило людям воплощенным Самого Творца.

Не ищи утех, богатства, славы, ибо они суть тля жизни; мы не созданы в тление.

Плачь о грешнике, а не о бедном, ибо сему — венец, а тому — мука.

Смейся над колесом жизни, непостоянно вращающимся, но храни колею, в которой вращает оно дремлющих.

Молитвенные слезы суть добрая баня души, но по молитве помни, чего ради ты плакал.

Не ублажай сильных, ибо сильнии сильно истязаны будут и встретят строжайший суд.

Сынам Адама нельзя не страдать, но, страдая здесь, мы сокровиществуем себе воздаяние там.

Наследникам Евы неизбежны скорби, но, когда терпим их с благодарением, тогда клятва превращается нам в благословение.

Во всех делах пользуйся светильником совести, ибо ею должен ты определить — какие дела хороши и какие худы.

Осудим сами себя, и Судия пременится к нам, ибо, как Благий, Он радуется, когда видит, что грешник истощает бремя свое.

Если что нечистое пристало к нам, смоем то покаянием, ибо нам должно представить Богу образ Его чистым.

Уврачуем раны души прежде, нежели обнажимся, и врачевством упраздним муки.

Как связанному нельзя ходить, так сплетшемся житейским тещи путем добродетели.

Должно ненавидеть грех, ибо чрез то легче высвободиться из сетей его, даже попавшись в них.

Плачь о ближнем согрешившем, чтоб расположиться плакать и о себе, ибо мы все повинны греху.

Вспоминай страх грешника пред Судиею, и уврачуешь свою рану, ибо это есть общее врачевство против греха.

Желая что говорить или делать, помышляй об ответе, который ты должен дать вскоре, и таким образом уцеломудришь себя и других во всяком слове и деле.

Бойся казни за грех и срама его бегай, ибо то и другое будет невыносимо.

Будущих благ и красота, и множество, и величие — беспредельны, а настоящие суть тень, дым, прах.

Не сей зла, ибо жатва близ, и огонь восприимет возделывателя терний.

Цветы жизни — славные, богачи, роскошные, но потерпи немного, и увидишь их попираемыми, как последнюю траву.

Всякое злое дело вооружает диавола, а вооруженный, он становится тяжелым для вооружившихся.

Если хочешь ослабить врага, отсеки грех, и, лишенный крыл, он будет поругаем, как птица.

Горе хульнику, ибо свяжется язык его, и он не найдет, что отвечать Судии.

Горе нечестивцу, ибо, когда все просветятся, он один будет покрыт мраком.

Горе беззаконнику, ибо он должен предстать пред праведным и строгим Судиею.

Горе корыстолюбцу, ибо богатство оставит его, и восприимет его огонь.

Горе нерадивому, ибо он взыщет времени, которое зле иждил, и не обрящет.

Горе горделивцу, ибо, когда приблизится ко гробу, тогда уразумеет, кто он.

Горе блудолюбивцу, ибо осквернил брачную одежду, и будет извержен из царского брака.

Горе развратнику, горе оскверненному, горе нечистому, ибо они еще прежде тамошнего суда исполнены всякого срама и стыдения, потому что осквернены их не только душа и тело, но и ум и совесть.

Горе бранчивому и пьянице, ибо они будут вчинены с убийцами и мучимы с блудниками.

Горе низкому сластолюбцу, ибо еще немного, и его поведут, как вола на заклание.

Горе льстецу и лицемеру, ибо Пастырь отвергается его и отгонит, как волка в овчей одежде.

Блажен идущий тесным и прискорбным путем, ибо, нося венец, он внидет на небо.

Блажен попирающий сласти житейские, ибо его трепещут демоны.

Блажен чистый в добродетели и нелицемерный душою, ибо он имеет судить мир, а не сам быть судим миром.

Блажен имеющий высокую жизнь и смиренное мудрование, ибо он подражает Христу и соседит с Ним.

Блажен, от уст кого не отступает закон, ибо от скинии такого не удаляется Бог.

Блажен благотворящий многим, ибо он многих обретет заступников во время суда.

Блажен не поддельвающий добродетели, ибо жезл Судии не посмевается.

Блажен удобряющий свои добродетели, прежде нежели возжжется огонь, в коем все испытывается.

Блажен спешащий к вечной жизни, ибо настоящая отдается тлением и влечет к смерти.

Блажен расточающий то, что неразумно собирал, ибо и он чисто предстоящий чистому.

Глава же слова, — не неради о душе, ибо скоро высвободишься из-под ига.

Блажен, кто послушает и соблюдет наставления сии: ибо блаженно бояться Господа и пещись о том дне, в который откроется все сокровенное. И что сотворят нерадившие, когда уже бесполезно будет им покаяние?

Твердо помни сказанное, и это соделает тебя блестящим жизнью.

Храни сии увещания, и это доставит тебе венец славы.

Будь блюстителем заповедей сих, и они соделают тебя славным в людях и благоугодным Богу, ибо такими делами благоугождается Бог.

Умоляю всех, — внимайте написанному! — Слава Тебе, Боже!

Нечто о жизни и смерти

I

Размысли, благочестивая душа, о кратковременности и бедствиях земной жизни и возбуди в себе желание небесного наследия. Недолго мы живем на земле, смерть приходит к нам, лишь только начнем познавать как должно самих себя, а часто и прежде еще сего необходимого самопознания. Мы здесь живем, как в чужом доме, и земля служит для нас гостиницей и вместе могилою. Начало жизни сей есть первый шаг к смерти. Как мореплаватель, плавая на корабле, стоит ли, сидит ли, или лежит, мало-помалу подходит ближе к пристани или к предназначенному месту, так точно и мы, во время плавания по житейскому морю спим или бодрствуем, волею или неволею, с каждою минутою все далее отходим от начала и ближе подходим к концу. Жизнь наша более походит на смерть, ибо с каждым днем отнимается у нее некоторая часть ее течения, потом она исполнена сожаления о прошедшем, трудов в настоящем, беспокойства и страха за будущее. Вход в сию жизнь сопровождается воплем; дитя начинает свою жизнь слезами, как бы предчувствуя, что в будущем предстоят ему многие болезни, печали и несчастия; выход из настоящей жизни ужасен, ибо не мы только лично выходим из нее, но выходят и дела наши, являясь вместе с нами на Страшный суд Божий. В грехах зачинаемся, в болезнях рождаемся, в страданиях живем, в страхе умираем. Прежде рождения обременяем бедную мать свою; рождаясь, становимся пришельцами; живя, делаемся гостями и странниками, а умирая, отправляемся в дальний путь. Первую часть жизни проводим как бы в совершенном неведении, вторую — в трудах и печалях, последнюю — в негодовании на немощную старость. Настоящая наша жизнь для нас непостоянна, прошедшая — ничтожна, будущая — неизвестна. Рождение наше бедно, жизнь бедственна, кончина тяжела, болезненна.

Жизнь наша есть духовная борьба: диавол, враг нашего спасения, ищет нашей гибели; мир против нас вооружается; собственное тело наше восстает против духа нашего. Если нет на земле постоянного, неизменного счастья, то можно ли найти на ней неизменные радости? Если тленные, земные блага угрожают нам временным и вечным их лишением, то какая нам польза искать в них для себя наслаждения? Продолжительная жизнь часто доставляет случай только больше грешить, терпеть больше зла и строже отвечать на Страшном суде Божиим. Что же есть человек? — Невольник смерти, скитающийся странник, «пар, на малое время являющийся, а потом исчезающий» ([Иак.4:14](#)), хрупкое стекло, непостоянный ветер, исчезающий, как тень, и неверный, как сон. Что есть жизнь наша? — Ожидание смерти, море разных страданий и скудельный сосуд крови, которая портится от всякой боли. Путь жизни нашей есть какой-то лабиринт, в который входим из чрева матери и из которого выходим вратами смерти. Человеческое тело без духовного сокровища, которое его одушевляет, есть земля и пепел. Жизнь наша слаба, как стекло, скоропреходяща, как быстрая вода. Около стран Содомы роятся яблоки, которые по наружности весьма красивы, но обращаются в пыль при первом прикосновении к ним; так и счастье настоящей жизни увлекает человека своею наружностью, но если рассмотреть его с должным вниманием, то покажется пылью и дымом. Возлюбленная душа! Не прилепляйся своими мыслями к временным благам, а чаще размышляй о благах вечных. Жизнь наша, как бы ни была продолжительна, не составит и одной минуты в сравнении с вечностью, нас ожидающею: не жертвуй же для сей мгновенной жизни жизнью вечною. Как ни кратка жизнь временная, но дана нам на приготовление к жизни вечной: в течение ее мы или приобретаем, или теряем права на вечное блаженство. Если хочешь ты блаженной вечности, то старайся еще в сей жизни предвкушать блага небесные: пользуйся миром, но не прилепляйся к нему; исполняй дела свои в сей жизни согласно с волею Божиею и мысли свои всегда устремляй

к вечности; живи в мире, но не люби мира. На небесах наше отечество, а здесь — гостиница; не люби же однодневной гостиницы, ибо перестанешь стремиться к Небесному Отечеству. Временная жизнь есть море, а вечная — пристань; не прельщайся же морскою кратковременною погодою, чтобы не перестать стремиться к пристани вечного спокойствия. Обманчива сия жизнь; она часто убегает, когда думают наслаждаться ею, и потому не должно доверять ей. Нельзя здесь и на один час обещать себе безопасность, ибо и в один час жизнь наша может кончиться. Безопаснее всего в каждый час ожидать смерти и приготовляться к ней истинным покаянием. Обманчив мир сей с его благами. «Не любите мира, ни яже в мире», — учит святой апостол и евангелист Иоанн: «аще кто любит мир, несть любви Отчи в нем. Яко все, еже в мире, похоть плотская и похоть очес и гордость житейская, несть от Отца, но от мира сего есть. И мир преходит, и похоть его, а творяй волю Божию пребывает во веки» ([1 Ин. 2:15—17](#)).

Господи Иисусе Христе! отврати сердца наши от любви к миру и возбуди в нас стремление к Небесному Царствию.

«Человек, яко трава дние его, яко цвет сельный, тако оцветет» ([Пс. 102:15](#)).

II

Душа верная! Ожидай смерти каждый час, ибо каждый час она стережет тебя. Поутру вставая, думай, что это последний день земной жизни твоей; отходя ко сну вечером, думай, что эта ночь будет для тебя последнею. Что бы ты ни делал, что бы ни начинал, всегда думай, сделал ли бы ты это, если бы должно было в тот же час умереть и явиться на суд Божий? Не мечтаешь ли ты, что если не помышляешь о смерти, то она к тебе и не приближается? Не воображаешь ли, что, помышляя о ней, ты призываешь ее к себе? Будь уверен, что думаешь ли ты о ней, или не думаешь, говоришь ли, или молчишь, но она везде следует за тобою и как бы висит над головою твоею. Жизнь не есть твоя собственность; она дана тебе только на время: ты вошел в мир с тем, чтобы из него выйти; наг вошел, наг и выйдешь. Жизнь есть странствование: хотя бы оно было и продолжительно, но рано или поздно надобно тебе возвратиться в свое отечество. Бедняк и жилец ты в мире временный, а не вечный господин его. Каждый час размышляй о том, к чему с каждым часом ты приближаешься. Не тогда мы умираем, когда испускаем последнее дыхание, напротив, умираем ежедневно, ежечасно, даже ежеминутно, и сколько времени прибавляется к жизни, столько же у нее и убавляется. Не внезапно подвергаемся смерти, но ежеминутно к ней приближаемся. Жизнь наша есть путь, по которому всякий день должно идти. Смерть и жизнь кажутся совершенно различными одна от другой, однако же нет ничего ближе между собою, как смерть и жизнь. Смерть всегда близка к нам: едим ли мы, пьем ли, спим ли, — непрерывно подходим ближе к смертному часу.

С радостью встречает смерть только тот, кто давно к ней приготовился. Если будешь умирать для себя во время жизни твоей, то во время смерти можешь жить для Бога. Прежде, нежели умрешь, пусть в тебе умрут грехи и беззакония твои: пусть при жизни твоей умрет в тебе ветхий Адам, чтобы жил в тебе Адам новый — Христос; во время живота твоего пусть всегда умирает в тебе внешний человек, чтобы всегда обновлялся внутренний. Смерть тотчас переносит нас в бессмертие, потому нам надобно тщательно и непрестанно размышлять о ней. Время пробегает, а неизмеримая вечность остается: приготовляйся к ней заблаговременно! Легче будешь презирать удовольствия мира, когда будешь помнить о том, что рано или поздно должен чрез смерть разлучиться с ними.

Пусть смерть всегда пребывает в мысли твоей, ибо она всегда подстерегает тебя. Смерть всегда носим мы в себе самих, ибо всегда носим в себе грех, а за грехом следует смерть. Вера соединяет нас со Христом; в ком пребывает Христос, тот «аще и умрет, оживет», ибо Иисус Христос есть «живот» ([Ин. 11:25](#)): «прилепляйся Господеви, един дух есть с Господем» ([1 Кор. 6:17](#)). Итак, верующий не умирает веки, ибо Бог есть жизнь его. Соединение Иисуса Христа с

истинно верующими столь твердо, что даже и смертью не может быть расторгнуто; в самой даже тени смерти озаряет их свет благодати Божией. Тела святых людей суть храмы Духа Святаго ([1 Кор. 6:19](#)). Слово Божие есть нетленное семя ([1 Пет. 1:23](#)), которое чрез смерть не пропадает, но, быв насаждено в душах благочестивых, в свое время приносит животворный плод.

Человек не знает конца дней своих, а потому ежедневно должен уделять несколько часов на приготовление ко вступлению в вечность.

Патерик (Перевод рукописного греческого Патерика из обители святого Саввы Освященного)

Предисловие о жизни и подвижничестве блаженных святых отцов

Вечно Сущее у Бога Бог Слово, по великой благодати премудро сотворивший мир из ничего, простер небо над всем видимым и на нем утвердил светила, чтобы освещали всю тварь и людям споспешествовали в делах их. Сей же Единородный Сын и Слово Отчее, в последние лета, нашего ради спасения родившийся чрез Духа Святого от Марии Девы и чрез вочеловечение ставший во всем подобен нам, кроме греха, устроил для нас другое небо, невидимое, несравненно краснейшее сего видимого. Ибо сие видимое небо, будучи само чувственно, и служит преимущественно целям чувственным; а то, невидимое, как духовное, — дух возводит к Богу. Видимое небо имеет и движущиеся, и неподвижные звезды, как говорят упражняющиеся в том, а у того — невидимого — все неподвижны, присносветлы и неизменны. Сие как свиток свиется, по Божественному определению, и находящиеся на нем звезды падут, как листья в последний день, а то — не только удержит тогда на себе свои звезды, но еще явит их светлейшими паче солнца.

Один из сонмов сей чистой и живоносной тверди — Божественный сонм уязвленных Божественною любовью подвижников, о коих предлежит нам слово, благодушно и вышеестественно совершив всякий вид добродетелей, теперь и на небесах светлеется невечерним светом и живущих на земле людей непрестанно световодит тайноводственно. Светила и учителя Церкви, описав в наше назидание их деяния, поучения и правила жизни, показали, таким образом, Божественный рай, питающий всякими красотами добродетелей души тех, кои с верою прочитывают их. И какая добродетель не возвращена в сем Божественном раю Христом, истинным Богом нашим? — Здесь видим и блаженное безмолвие, и строгое во всем воздержание с целомудрием, и окрыляющую нестяжательность. Там видим примерное терпение и мужество, тайное доброделание, ведомое Единому Богу, спасительное неосуждение, светлую рассудительность, трезвенную и непрестанную молитву, благосердое странноприимство, христоподражательное терпение, высокое смиренномудрие, дары чудотворений и образцы всякого добродетельного жития.

Для всех сих добродетелей образец, правило, путеводитель и наставник есть Сам Христос, истинный Бог наш.

О безмолвии так Евангелие свидетельствует, что Он по крещении «бе в пустыни дний четыредесять, искушаемь сатаною», ничего там не вкушал и «бе со зверьми» ([Мк.1:13](#); [Лк. 4:2](#)). И еще: «узрев народы, взыде на гору; и седшу Ему, приступиша к Нему ученицы Его. И отверз уста Своя учаще их, глаголя: блажени нищии духом; яко тех есть царство небесное» и проч. ([Мф. 5:1—3](#)). Также: «отпустив народы, взыде на гору один помолитися. Позде же бывшу, один бе ту» ([Мф. 14:23](#)). И опять: Сам Господь бе отходя в пустыни, «и ту молитву деяше» ([Мк. 1:35](#); [Лк. 4:42](#)). Равно и Иоанн Креститель, «бе в пустынях до дне явления своего ко Израилю» ([Лк. 1:80](#)). И Апостол говорит: «молю прежде всех творити молитвы, моления, прошения, благодарения за вся человеки: за царя, и за всех, иже во власти суть; да тихое и безмолвное житие поживем, во всяком благочестии и чистоте» ([1 Тим. 2:1—2](#)). И еще: «молим вы, братие, избыточествовати паче, и любезно прилежати, еже безмолвствовати и деяти своя, и делати своими руками» ([1 Сол.4:10—11](#)). Также: «таковым запрещаем и молим о Господе нашем Иисусе Христе, да с безмолвием делаемо, свой хлеб ядят» ([2 Сол. 3:12](#)). Еще: «изыдите от среды их, и отлучитесь» ([2 Кор. 6:17](#)); и: «вышних ищите... горняя мудрствуйте, а не земная» ([Кол. 3:1—2](#)).

О воздержании же сказал Господь: «внидите узкими вратами... что узкая врата и тесный путь,

вводяй в живот» ([Мф. 7:13, 14](#)). Двенадцать Апостолов в пустыне имели только «пять хлеб и рыбы две» ([Мф. 14:17](#)); а в другое время Апостолы «разве единого хлеба не имяху с собою в корабли» ([Мк. 8:14](#)). И в другое еще: «восторгаху» Апостолы «класы, и ядыху, стирающе руками» ([Лк. 6:1](#)). Говорит также и Апостол: «всяк подвижайся, от всех воздержитя» ([1 Кор. 9:25](#)); и еще: «до нынешняго часа и алчем, и жаждем, и наготуем» ([1 Кор. 4:11](#)); опять: «брашно нас не поставляет пред Богом» ([1 Кор. 8:8](#)). И еще: «вся ми леть суть, но не вся на пользу; вся ми леть суть, но не аз обладан буду от чего. Брашна чреву, и чрево брашном; Бог же и сие и сия упразднит» ([1 Кор. 6:12—13](#)). В другом месте: «аще брашно соблазняет брата моего, не имам ясти мяса во веки, да не соблазну брата моего» ([1 Кор. 8:13](#)); «вем и смиритися, вем и избыточествовати; во всем и во всех навыках: и насыщатися и алкати, и избыточествовати и лишатися» ([Флп. 4:12](#)). «Вся терпим, да не прекращение кое дамы благовествованию Христову» ([1 Кор. 9:12](#)). «Ктому не пей воды, но мало вина приемли стомаха ради твоего и частых твоих недугов» ([1 Тим. 5:23](#)).

О целомудрии Господь сказал: «суть скопцы, иже исказиша сами себе царствия ради небесного» ([Мф. 19:12](#)). Также: «Аз же глаголю вам: яко всяк, иже воззрит на жену, ко еже вожделети ея, уже любодействова с нею в сердце своем» ([Мф. 5:28](#)). Блудницу, разбойника и мытаря, падших в нецеломудрие и покаявшихся, Он опять принял. Говорит также: «приидите ко Мне вси труждающися и обремененнии⁹, и Аз упокою вы. Возмите иго Мое на себе» и проч. ([Мф. 11:28—29](#)). И Апостол говорит: «бегайте блудодеяния» ([1 Кор. 6:18](#)). Еще: «мир имейте и святыню со всеми, ихже кроме никтоже узрит Господа» ([Евр. 12:14](#)). Тоже: «умертвите уды ваша, яже на земли, блуд, нечистоту, страсть, похоть злую» ([Кол. 3:5](#)). И опять: «не весте ли, яко храм Божий есте, и Дух Божий живет в вас? Аще кто Божий храм растлит, растлит сего Бог» ([1 Кор. 3:16—17](#)). В другом месте: «да не кто блудодей, или сквернитель якоже Исав» ([Евр. 12:16](#)); «не льстите себе, ни блудники... ни прелюбодеи... «ни малакии... царствия Божия не наследят» ([1 Кор. 6:9—10](#)). «Похотей юных бегай» ([2 Тим. 2:22](#)). «Юноши моли целомудрствовати» ([Тит. 2:6](#)). «Явися благодать Божия спасительная всем человеком, наказующи нас, да отвергшеся нечестия и мирских похотей, целомудренно и праведно, и благочестно поживем» ([Тит. 2:11—12](#)); «блуд же и всяка нечистота... ниже да именуется в вас» ([Еф. 5:3](#)). Тот же Апостол соблудившего в Коринфе и потом покаявшегося, по предании его сатане, опять милостиво приемлет, пиша: «молю вы, утвердите к нему любовь... Да не како мною скорбию пожерт будет таковой» ([2 Кор. 2:7—8](#)). И опять: «боюсь же, еда како пришед, не яцех же хочу, обрящу вас... и восплачуся многих прежде согрешших и не покаявшихся о нечистоте, и блужении, студоложствии, яже содеяша» ([2 Кор. 12:20—21](#)).

О нестяжательности сказал Господь: «не пецытесе душею вашею, что ясте, или что пиете, ни телом вашим, во что облечетеса» ([Мф. 6:25](#)); и: «ищите прежде Царствия Божия и правды его, и сия вся приложатся вам» ([Мф. 6:33](#)). «Не стяжите злата, ни сребра... ни двою ризу» ([Мф. 10:9—10](#)). «Аще хочещи совершен быти, иди, продаждь имение твое, и даждь нищим... и прииди, и ходи в след Мене, взем крест» ([Мф. 19:21](#); [Мк. 10:21](#)). «Лиси язвины имут, и птицы небесныя гнезда; Сын же Человеческий не имать где главы подклонити» ([Мф. 8:20](#)). «Иоанн Креститель имяше ризу свою от влас вельблуждь, и пояс усмен о чреслах своих» ([Мф. 3:4](#)). И Апостол учит: «ничтоже внесохом в мир сей, яве, яко ниже изнести что можем. Имеюще же пищу и одеяние, сими доволни будем. А хотящий богатитися, впадают в напасти и сеть, и в похоти многи» ([1 Тим. 6:7—9](#)). Он же о всех Апостолах говорит, что они суть «яко нищи, а многи богатяще; яко ничтоже имуще, а вся содержаще» ([2 Кор. 6:10](#)).

О терпении и мужестве сказал Господь: «да будут чресла ваша препоясана, и светильницы горящи; и вы подобии человеком, чающим Господа своего» ([Лк. 12:35—36](#)). Еще: «в терпении вашем стяжите души ваша» ([Лк. 21:19](#)). Опять: «претерпевый до конца, той спасетя» ([Мф.](#)

24:13). И еще: «никтоже возложь руку свою на рало, и зря вспять, управлен есть в царствии Божии» ([Лк. 9:62](#)). Наконец: «вы есте пребывше со Мною в напастех Моих. И Аз завещаваю вам, якоже завеща Мне Отец Мой, царство. Да ясте и пиете на трапезе Моей, во царствии Моем» ([Лк. 22:28—30](#)). И Апостол говорит: «станите убо перепоясани чресла ваша истиною... и обувше нозе во уготование благовествования мира... яко несть наша брань к крови и плоти, но к началом и ко властем... сего ради примите вся оружия Божия...». ([Еф. 6:12—15](#)). Также: «тверди бывайте, непоступни» ([1 Кор. 15:58](#)). Еще: «недостойны страсти нынешняго времени к хотящей славе явитися в нас» ([Рим. 8:18](#)). Опять: «кто ны разлучит от любви Божия? скорбь ли, или теснота...»» ([Рим. 8:35](#)). И в других местах: «яже преднаписана быша, в наше наказание преднаписашася, да терпением и утешением писаний, упование имамы» ([Рим. 15:4](#)); «никтоже воин бывая обязуется куплями житейскими, да воеводе угоден будет» ([2 Тим. 2:4](#)); «никтоже венчается, аще не законно мучен будет» ([2Тим. 2:5](#)); «скорбь терпение соделоваает: терпение же искусство, искусство же упование; упование же не посрамит» ([Рим. 5:3—5](#)); «во всем представляюще себе якоже Божия слуги, в терпении мнозе, в скорбех, в бедах» ([2 Кор. 6:4](#)); «благоволю в немощех, в досаждениях» ([2 Кор. 12:10](#)).

О том, что ничего не должно делать напоказ, Господь сказал: «внемлите милостыни ваша не творити пред человеки, да видими будете ими... Тебе же творящу милостыню, да не увести шуйца твоя, что творит десница твоя» ([Мф. 6:1, 3](#)). Также: «егда молишися, вниди в клеть твою, и затворив двери твоя, помолися Отцу твоему, Иже в тайне; и Отец твой, видяй в тайне, воздаст тебе яве» ([Мф. 6:6](#)). Господь Сам, по исцелении (38-летнего) недужного, уклонился, «народу сущу на месте» ([Ин. 5:13](#)). И опять прокаженному сказал: «виждь, ни комуже повеждь» ([Мф. 8:4](#)). Тоже и Апостолам по преображении сказал: «ни комуже поведите видения, дондеже Сын Человеческий из мертвых воскреснет» ([Мф. 17:9](#)). Иудеям говорил: «како можете веровати, славу друг от друга приемлюще?» ([Ин. 5:44](#)). И Апостол говорит: «ничтоже по рвению или по тщеславию творите» ([Флп. 2:3](#)). Также: «аще живем духом, духом и да ходим. Не бываем тщеславни, друг друга раздражающе, друг другу завидяще» ([Гал. 5:25—26](#)).

Ибо от тщеславия рождается зависть, и те, кои делают что напоказ, суть «делатели льстивии, преобразующеся во Апостолы Христовы» ([2 Кор. 11:13](#)).

О том, что не должно осуждать, Господь сказал: «не судите, да не судими будете. Имже бо судом судите, судят вам; и в нюже меру мерите, возмерится вам» ([Мф.7:1—2](#)); «не осуждайте, да не осуждени будете; отпускайте, и отпустят вам» ([Лк. 6:37](#)). Также: «аще отпускаете человеком согрешения их, отпустит и вам Отец ваш небесный» ([Мф. 6:14](#)). И еще: «Отче наш, иже еси на небесех... остави нам долги наша, яко и мы оставляем должником нашим» ([Мф. 6:9, 12](#)). Опять: «что же видиши сучец, иже во оце брата твоего, бервна же, еже есть во оце твоём, не чуеши? Лицемере, изми первее бервно из очесе твоего, и тогда узриши изъяти сучец из очесе брата твоего» ([Мф. 7:3, 5](#)). И Апостол говорит: «ты же почто осуждаеши брата твоего? Или ты что уничижаеши брата твоего? Все бо предстанем судищу Христову. Темже убо кийждо нас о себе слово даст Богу. Не ктому убо друг друга осуждаем» ([Рим. 14:10, 12—13](#)). «Кийждо свое бремя понесет» ([Гал. 6:5](#)). Также: «мне же не велико есть, да от вас истяжуся, или от человеческого дне... востязуяй же мя Господь есть. Темже прежде времени ничтоже судите, дондеже придет Господь» ([1 Кор. 4:3—5](#)).

О рассудительности сказал Господь: «внемлите же от лживых пророк, иже приходят к вам во одеждах овчих, внутрь же суть волцы хищницы. От плод их познаете их» ([Мф. 7:15—16](#)). Также: «не всяк глаголяй Ми: Господи, Господи, внидет в царствие небесное, но творяй волю Отца Моего, Иже есть на небесех» ([Мф. 7:21](#)). Опять: «никтоже может двема господинома работати» ([Мф. 6:24](#)). И еще: «делайте не брашно гнблющее, но брашно пребывающее в живот вечный» ([Ин. 6:27](#)). И Апостол говорит: «аз убо тако теку, не яко безвестно, тако подвизаюся, не

яко воздух бияй. Но умерщвляю тело мое и порабощаю, да не како иным проповедуя, сам неключим буду... тако тецете, да постигнете» ([1Кор. 9:24—27](#)); «блюдите, како опасно ходите» ([Еф. 5:15](#)); «блюдитесь от псов, блюдитесь от злых делателей» ([Флп. 3:2](#)). Также: «иже аще яст хлеб сей, или пиет чашу Господню недостойне, повинен будет Телу и Крови Господней. Да искушает же человек себе, и тако от хлеба да яст, и от чаши да пиет» ([1 Кор. 11:27—28](#)). «Аще бо быхом себе разсуждали, не быхом осуждени были. Судими же, от Господа наказуемся, да не с миром осудимся» ([1Кор. 11:31—32](#)). Опять: «печаль бо, яже по Бозе, покаяние нераскаянно во спасение соделовает; а сего мира печаль смерть соделовает» ([2 Кор. 7:10](#)). Еще: «преобразуйтесь обновлением ума вашего, во еже искушати вам, что есть воля Божия благая, и угодная, и совершенная» ([Рим. 12:2](#)); «к намеренному теку, к почести вышняго звания» ([Флп. 3:14](#)). И еще: «настой благовременне и безвременне» ([2 Тим. 4:2](#)). И еще: «внимайте себе и всему стаду» ([Деян. 20:28](#)). И еще: «вся искушающе, добрая держите» ([1 Сол. 5:21](#)).

О трезвенной и непрестанной молитве Господь сказал: «внемлите же себе, да не когда отягчают сердца ваша объядением и пьянством, и печальми житейскими» ([Лк. 21:34](#)). «Бдите убо на всяко время молящися» ([Лк. 21:36](#)). «Бдите и молитесь, да не внидете в напасть» ([Мф. 26:41](#)). Также: «а яже вам глаголю, всем глаголю: бдите» ([Мк.13:37](#)). «Просите, и дастся вам; ищите, и обрящете; толцете, и отверзется вам. Всяк бо просай приемлет, и ищай обретает, и толкущему отверзется» ([Мф. 7:7—8](#)). Господь сказал и притчу о том, «како подобает всегда молитися и не стужати си: судия бе некий» и проч. ([Лк. 18:1—6](#)). Еще: «будите готови, яко в оньже час не мните, Сын Человеческий приидет» ([Мф. 24:44](#)). И апостол говорит: «всегда радуйтесь. Непрестанно молитесь. О всем благодарите» ([1 Сол. 5:16—18](#)); «со страхом и трепетом свое спасение содевайте» ([Флп. 2:12](#)). Также: «беспрестани память о вас творю... всегда в молитвах моих моляся» ([Рим.1:9—10](#)). Еще: «во всем молитвою и молением со благодарением, прошения ваша да скажутся к Богу» ([Флп. 4:6](#)). Опять: «в полунощи Павел и Сила молящися пояста Бога» ([Деян. 16:25](#)). И еще: «трезвитесь, бодрствуйте, зане супостат ваш диавол, яко лев рыкая ходит, иский кого поглотити» ([1 Пет. 5:8](#)).

О страннолюбии сказал Господь: «иже вас приемлет, Мене приемлет... и иже аще напоит единого от малых сих чашею студены воды... не погубит мзды своя» ([Мф10, 40, 42](#)). И еще: «приидите, благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам царствие от сложения мира. Взалкахся бо...». ([Мф. 25:34, 35](#)). Также: «егда сотвориши обед или вечерю, не зови друзей твоих, ни братии твоя... но... зови нищия, маломощныя, хромья, слепыя: и блажен будеш...». ([Лк. 14:12—14](#)). Опять: «имеяй две ризе, да подаст не имущему; и имеяй брашна, такожде да творит» ([Лк. 3:11](#)). И опять: «блаженнее есть паче даяти, нежели приимати» ([Деян. 20:35](#)). Также Апостол говорит: «благотворения же и общения не забывайте: таковыми бо жертвами благоугождается Бог» ([Евр. 13:16](#)). И еще: «подаваяй, в простоте... милуяй, с добрым изволением» ([Рим. 12:8](#)). И еще: «сеяй скудостию, скудостию и пожнет; а сеяй о благословении, о благословении и пожнет. Кийждо якоже изволение иматъ сердцем, не от скорби, ни от нужды; доброхотна бо дателя любит Бог» ([2Кор. 9:6—7](#)). «Аще бо усердие предлежит, по елику аще кто иматъ, благоприятен есть, а не по елику не иматъ» ([2 Кор. 8:12](#)). «Да не аки по нужди добро твое будет, но по произволению» ([Флм. 1:14](#)).

О послушании сказал Господь наш Иисус Христос: «снидох с небесе, не да творю волю Мою, но волю пославшаго Мя Отца» ([Ин. 6:38](#)). Также: «иже любит отца или мать паче Мене, несть Мене достоин» ([Мф. 10:37](#)). Опять: «аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет» ([Ин. 14:23](#)). Еще: «аще заповеди Моя соблюдете, пребудете в любви Моей, якоже Аз заповеди Отца Моего соблюдох, и пребываю в Его любви» ([Ин. 15:10](#)). И еще: «аще кто грядет ко Мне, и не возненавидит отца своего и мать... еще же и душу свою, не может Мой быти ученик» ([Лк. 14:26](#)). Также Господь сказал Петру и Андрею, Иакову и Иоанну, Матфею и Филиппу: «идите в

след Мене», и они тотчас, оставя все, последовали Ему ([Мф. 4:18, 21, 9:9; Ин. 1:43](#)). «Другий же от ученик Его рече Ему: Господи, повели ми прежде ити и погребсти отца моего. Иисус же рече ему: гряди по Мне, и остави мертвых погребсти своя мертвецы» ([Мф. 8:21—22](#)). И апостол говорит: «Павел раб Иисус Христов, зван Апостол» ([Рим. 1:1](#)). Также: «аще бо благовествую, несть ми похвалы... Горе же мне есть, аще не благовествую» ([1 Кор. 9:16](#)). Опять: «сие бо да мудрствуется в вас, еже и во Христе Иисусе, Иже во образе Божий сый, не восхищением непщева быти равен Богу. Но Себе умалил, зрак раба прием» и проч. ([Флп. 2:5—7](#)). Еще: «ты же последовал еси моему учению, житию, привету, вере, долготерпению» ([2 Тим. 3:10](#)). И еще: «пленяюще всяк разум в послушание Христово. И в готовности имуще отмстити всяко преслушание, егда исполнится ваше послушание» ([2 Кор. 10:5—6](#)).

О смиренномудрии сказал Господь наш: «егда сотворите вся повеленная вам, глаголите, яко раби неключими есмь» ([Лк. 17:10](#)). Еще: «яко еже есть в человецех высоко, мерзость есть пред Богом» ([Лк. 16:15](#)). Опять: «всяк возносяйся, смирится: смиряяй же себе, вознесется» ([Лк. 18:14](#)). Также: «Аз посреде вас есмь яко служай» ([Лк. 22:27](#)). Опять: «иже аще хочет в вас вящый быти, да будет вам слуга. И иже аще хочет в вас быти первый, буди вам раб» ([Мф. 20:26—27](#)). Еще: «видев же Симон Петр, припаде к коленама Иисусовома, глаголя: изыди от мене, яко муж грешен есмь, Господи» ([Лк. 5:8](#)). Иоанн Предтеча сказал фарисеям: «аз убо крестих вы водою... грядет креплий мене вслед мене, Емуже несмь достоин, преклонься, разрешити ремень сапог Его» ([Мк. 1:7—8](#)). Сам Господь, подавая нам пример смирения, «востав от вечери, и положи ризы, и прием лентион, препоясая; потом же вляя воду во умывальницу, и начат умывати ноги учеником, и отирати лентием, имже бе препоясан» ([Ин. 13:4—5](#)). Тоже Апостол говорит: «аз бо есмь мний Апостолов, иже несмь достоин нарещися Апостол, зане гоних Церковь Божию» ([1 Кор. 15:9](#)). И опять: «Христос Иисус прииде в мир грешники спасти, от нихже первый есмь аз» ([1 Тим. 1:15](#)). Еще: «молю убо вы аз юзник о Господе, достойно ходити звания, в неже звани бысте, со всяким смиренномудрием и кротостию, с долготерпением» ([Еф. 4:1—2](#)). И еще: «не хваляй бо себе сей искусен, но егоже Бог восхваляет» ([2 Кор. 10:18](#)). И еще: «облецытеся убо, якоже избранныи Божии святы и возлюбленни, во утробы щедрот, благодать, смиренномудрие, кротость» ([Кол. 3:12](#)). И еще: «аще бо бых еще человеком угождал. Христов раб не бых убо был» ([Гал. 1:10](#)).

О незлобии сказал Господь: «любите враги ваша, благословите кленущия вы, добро творите ненавидящим вас, и молитесь за творящих вам напасть и изгонящих вы... аще тя кто ударит в десную твою ланиту, обрати ему и другую. И хотящему судитися с тобою, и ризу твою взяти, отпусти ему и срачицу» ([Мф. 5:44, 39—40](#)). Опять: «Отче, отпусти им: не ведят бо что творят» ([Лк. 23:34](#)). Также, когда во время предательства Иудина, в саду Гефсиманском один из учеников «ударил раба архиереова и уреза ему ухо десное», Господь сказал: «оставите до сего. И коснувся уха его, исцели его» ([Лк. 22:50—51](#)). И Апостол говорит: «укоряеми, благословляем; гоними, терпим; хулими, утешаемся» ([1 Кор. 4:12, 13](#)). Опять: «благословляйте гонящая вы; благословите, а не кляните» ([Рим. 12:14](#)). Еще: «аще возможно, еже от вас, со всеми человеки мир имейте... не себе отмщающе» ([Рим. 12:18—19](#)). Сам Господь «укоряем, противу не укаряше; стражда не прещаше; предающе же судящему праведно» ([1 Пет. 2:23](#)).

Что же касается до знаменосных отцов, то не верящий им, или не принимающий того, что было ими говорено или сделано, более Самому Иисусу Христу и Апостолам Его не верует, нежели им. Ибо, как Господь наш Иисус Христос брением возвратил зрение слепому, изгонял демонов, воскрешал мертвых, претворил воду в вино, пятью хлебами насытил пять тысяч народа и другие совершил бесчисленные и неисследимые чудеса, коих и мир не может вместить, так и им даровал силу исцелять всяку болезнь и всяку язю в людях, как Сам же Он, истинный Бог наш, сказал: «веруяй в Мя, дела яже Аз творю, и той сотворит, и больша сих сотворит» ([Ин.](#)

[14:12](#),). Ибо, где присущий Бог, там совершаются и дела вышеестественные. Но что много и говорить о сем?

Так все Божие писание Ветхого и Нового завета повсюду источает живоносные и Богоносные наставления, кои блаженные подвижники проходили делом и словом, наздани на непоколебимом основании Апостол и Пророк, сущу краеугольну Самому Иисусу Христу, Господу нашему, в Коем утверждаясь молитвенно (в чем все таинство христианского жития), они извлекали души свои из глубины греховной и, возведши их в образ и подобие Божие, еще здесь входили духовно в блаженный рай — предначатие будущего нескончаемого блаженства. Нам же что остается делать, как не плакать горько, вздыхать из глубины души и сетовать о своем нерадении и своей беспечности?! Смиримся по крайней мере, ибо и от этого будет нам немалая польза, как показал Господь в притче о мытаре и фарисее, и вместе с тем, хотя мало, понудим себя умягчить окамененное нечувствие души, созерцанием добродетелей святых отцов, сих истинно нудителей естества своего, Царствия ради Небесного, которое, по слову Господню, «восхищают одни нуждницы» ([Мф. 11:12](#)). Приидите убо, братие, причастимся сего духовного, душеспасительного благоухания Христова и, презрев все земное и человеческое, как ученики Христа, кроткого и смиренного сердцем, и святых Апостолов Его, с терпением да течем по заповедям Господа, тесным и прискорбным путем, в покаянии, исповедании и смиренномудрии, да достигнем града Божия — Небесного Иерусалима, отнюдуже отбеже всяка болезнь, печаль и вздыхание, идеже есть всех веселящихся жилище и непрестанный глас чистого радования во Христе Иисусе, Господе нашем, Ему же подобает всякая слава, честь и поклонение, с Безначальным Отцем и Животворящим Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Наставления святых отцов о том, как достигать совершенства в христианском житии

Некто спросил авву Антония. «Что должно мне соблюдать, чтоб угодить Богу?» — Старец сказал ему в ответ: «Соблюдай, что заповедаю тебе: куда ни пойдешь, всегда имей Бога пред очами своими; что ни будешь делать, имей (на то) свидетельство Священного Писания; и в каком ни поселишься месте, не переменяй его скоро. Соблуди сии три (правила), и спасешься».

Авва Памва спросил авву Антония: «Что мне делать?» — Старец сказал ему: «Не верь своей праведности, не жалея о прошедшем (отречении от мира) и будь воздержан языком и чревом».

Авва Антоний сказал: «Древние отцы уходили в пустынь, там уврачевались сами и соделались способными врачами своей души, потом, возвратясь оттоле, врачевали других. А мы, едва выходим из мира, прежде уврачевания самих себя, желаем врачевать других. Потому болезнь опять растревается в нас, и «бывают последняя... горшка первых» ([Мф. 12:45](#)); и слышим слово Господа: «врачу, исцелися перее сам» ([Лк. 4:23](#)).

Авва Андрей говорил: «Монаху приличествуют следующие три добродетели: странничество (чувствовать себя чужим для всех и всего), нищета и молчание с терпением».

Авва Афанасий, епископ Александрийский, сказал: «Часто говорят некоторые из вас: где теперь гонение, чтобы подъять мученичество? Но помучься в совести, умри греху, умертви уды, сущие на земли, и соделаешься мучеником по произволению. Те противоборствовали царям и владыкам: имеешь и ты супостата диавола — князя греха и владык-демонов. Тем тогда предлагаемы были жертвенник и жертва и мерзость идолослужения. Есть и ныне, мысленно в душе, жертвенник и жертва и мерзкий идол: жертвенник — ненасытное чрево; жертва — чувственные наслаждения; идол — дух похоти. Рабствующий блуду и преданный чувственным наслаждениям отвергся Христа и поклоняется идолу, ибо имеет в себе идола Афродиты — скверную похоть плоти. Также поработанный гневу и ярости и не пресекающий беснования сей страсти отвергает Христа и имеет в себе богом Арея, который есть идол ярости. Другой, опять, сребролюбец и сластолюбец, заключающий утробу свою для брата своего и немилосердый к ближнему, отвергая Христа, служит идолам, ибо имеет в себе идолом Ерму; а также и твари служит паче Создавшего: «корень бо всем злым сребролюбие есть» ([1 Тим. 6:10](#)). Так что, если ты воздержишься и сохранишь себя от буйных страстей, то тем попрешь идолов, отвергнешь идолослужение и соделаешься мучеником, исповедав доброе исповедание».

Авва Виссарион сказал: «Когда случится тебе быть в мире и не иметь брани, тогда паче смирайся, чтобы не привилась злая, чуждая радость (самодовольство), чтобы мы не возмечтали о себе и не были преданы брани, ибо Бог часто ради немощей наших не попускает нам быть преданными ей, да не погибнем».

Брат, живший вместе с другими братьями, спросил авву Виссариона: «Что мне делать?» — Старец говорит ему: «Молчи и не меряй себя» (не меряйся с ними, то есть не равняй себя им, или не замечай, какова твоя мера, или не меряй своих трудов).

Авва Вениамин, умирая, сказал детям своим (духовным): «Вот что делайте и возможете спастись: всегда «радуйтесь, непрестанно молитесь, о всем благодарите»» ([1 Сол. 5:16—18](#)).

Некто спросил авву Виаре: «Что мне делать, чтобы спастись?» — И он говорит ему: «Пойди, сделай чрево свое малым и рукоделие малым; не мятись в келлии своей, — и спасешься».

Авва Григорий сказал: «Трех следующих (добродетелей) требует Бог от всякого человека, получившего крещение: правой веры от души, истины от языка и целомудрия от тела».

Авва Диоскор сказал: «Если мы облечемся в небесное наше одеяние, то не явимся нагими;

если же не окажемся носящими такое одеяние, то что нам делать, братие? Ибо и мы имеем услышать оный глас, глаголющий: «вверзите его во тму кромешную; ту будет плач и скрежет зубом» ([Мф. 22:13](#)). стыдно нам, столько времени носящим схиму, в час нуждный обрестись не имеющими одеяния брачна! О, какое раскаяние поразит тогда нас! Какой срам покроет нас пред лицом отцов и братьев наших, когда они увидят, как мы будем мучимы ангелами казни! Какая скорбь обымет авву Антония, и авву Аммона Нитрийского, и авву Павла Фотийского, и авву Аммона Аравии Египетской, и авву Миусе Фиваидского, и авву Макария Александрийского, и авву Пафнутия Сидонянина, и авву Урсария Фичуйского, и авву Аммония Хеневритского и всех праведников в то время, как их будут воспринимать в Царствие Небесное, а нас извергать во тьму кромешную».

Блаженный Елифаний говорил: «Если Мелхиседек — образ Христа — благословил Авраама, корень иудеев, то тем паче Сама Истина — Христос — благословит и освятит всех верующих в Него».

Сказал также, что нужно приобретать христианские книги, коль скоро кто имеет достаток. Ибо один вид сих книг, сам по себе, соделывает нас ленивейшими на грех и располагает более ревновать о праведности.

Опять сказал: «Чтение писаний доставляет великую твердость на то, чтобы не грешить».

Сказал также: «Незнание писаний есть великая стремнина (обрыв) и глубокая пропасть».

Еще сказал: «Не знать ни одного из божественных законов есть великое предательство спасения».

Он же говорил: «Грехи праведных суть около уст (то есть на окраинах состава), а грехи нечестивых — из всего тела (то есть весь состав полон греха). Почему поет Давид: «Положи, Господи, хранение устом моим, и дверь ограждения о устнах моих» ([Пс. 140:3](#)); и еще: «рех: сохранию пути моя, еже не согрешати ми языком моим» ([Пс. 38:2](#)).

Он же сказал: «Грешникам Бог уступает и настоящую долговую сумму, если покаются, как блуднице и мытарю, а от праведных требует и процентов. И сие то значит, что сказал Он Апостолам: «аще не избудет правда ваша паче книжник и фарисей, не внидете в Царствие Небесное» ([Мф. 5:20](#)).

Авва Евпрепий сказал: «Зная, что Бог верен в Себе и силен, веруй в Него, и причистишься благ Его. Если же малодушествуешь, то не веруешь. Все мы веруем, что Бог силен; веруем также, что для Него все возможно; но ты веруй в Него и в своих делах, что (то есть) и в тебе творит Он знамения».

Брат спросил того же старца: «Как приходит в душу страх Божий?» — И старец сказал: «Когда возымеет человек смирение и нестяжательность, тогда приходит к нему страх Божий».

Он же сказал: «Страх, смирение, скудость в пище и плач всегда да пребывают» (с тобой).

Тот же авва Евпрепий (еще в начале своего подвижничества) пришел к некоему старцу и говорит ему: «Авва! скажи мне, как спастись». — Старец сказал ему: «Если желаешь спастись, то, куда ни придешь, не упреждай говорить, пока тебя не спросят». Умиленный сим словом, авва Евпрепий поклонился старцу и сказал: «Поистине, много я читал книг, но столь полезного (правила) еще не знал» и отошел, получив великую пользу.

Мать Евгения сказала: «Молиться нам надлежит усердно и с единым только пребывать Иисусом, ибо богат всякий, со Иисусом пребывающий, хотя бы телесно был и беден. Предпочитающий земное духовному лишится того и другого; ищущий же небесного, конечно, и земных сподобится благ».

Авва Иринея сказал к братьям: «Будем подвизаться и твердо стоять, когда бываем боримы, ибо мы воины Христа, Царя Небесного. Как воины царя земного имеют медный шлем, так и нашего воинства есть свой шлем — благие добродетели; те имеют цепесвязную броню, и у нас

есть броня духовная, верою исковываемая; у тех щит, у нас — надежда на Бога; у тех копье, у нас — молитва. У тех меч, у нас — Бог. Те на брани проливают кровь, мы же принесем произволение. Небесный наш Царь для того попустил демонам воевать против нас, чтобы мы не забыли Его благодеяний, ибо в состоянии покоя многие люди часто совсем не молятся, или хотя и молятся, но как не молятся. Блуждая мыслию во время молитвы, они то же, что не молящиеся, хотя и стоят на молитве: ибо, устами беседуя к Богу, в сердце же с миром разглагольствующие, как будут услышаны? Когда же бываем мы в скорби, тогда молимся трезвенно и, часто не поя устами, молимся сердцем, воссылая к Богу слово сердечное и беседуя к Нему стенаниями. Итак, братие, будем и мы подражать воинам царя смертного и воевать с усердием; паче же да подражаем трем отрокам (Вавилонским): попрем пещь страстей чистотою, угасим углие искушений молитвою и посрадим мысленного Навуходносора — диавола; представим телеса наши в жертву живу Богу, и как всесожжение тучное принесем Ему благочестное мудрование».

Авва Зенон, ученик блаженного Силуана, сказал: «Не поселяйся в славном месте, не живи с человеком, имеющим великое имя, и никогда не полагай основания на построение себе келлии».

Авва Макарий спросил авву Захария: «Скажи мне, что значит быть монахом?» — Он говорит ему: «Меня спрашиваешь, отче?» — Авва Макарий говорит: «Тебе верю, сын мой Захарий, ибо есть понуждающий меня спросить тебя». — Говорит ему Захария: «По мне, отче, тот настоящий монах, кто нудит себя на все».

Говорили об авве Исайи, что однажды, взяв трость, пошел он на гумно и говорит владельцу земли: «Дай мне пшеницы». — Сей говорит ему: «И ты жал, авва?» — Он говорит: «Нет». — Тогда говорит ему владелец земли: «Как же ты хочешь получить пшеницу не жавши?» — Старец говорит ему: «Разве кто не жал, тот не получает награды?» — «Нет», — говорит землевладелец. И старец отошел. Братия, видевшие, что он сделал, поклонясь ему, просили изъяснить им, для чего он так сделал. Старец говорит им: «Это я сделал в пример того, что если кто не будет трудиться, то не получит награды от Бога».

Авва Исайя, пресвитер, говорил: «Некто сказал из отцов, что человек паче всего должен стараться стяжать веру в Бога, непрестанное устремление к Богу всего желания, незлобие, невоздавание злом за зло, злострадание, смиренномудрие, чистоту, милосердие, любовь ко всем, покорность, кротость, великодушие, терпение, святое стремление к Богу, частое, с болезнию сердца и истинною любовью, моление Бога о том, чтоб не озреться вспять, внимание ко всему, что находит на него, неверие своему благому деланию или служению, непрестанное призывание помощи Божией во всем, чему подвергается он, что находит на него каждодневно».

Брат просил у аввы Исайи слова (назидания), и старец сказал ему: «Если желаешь последовать Господу нашему Иисусу, соблюдай слова Его; и если желаешь, чтоб ветхий твой человек был сораспят Ему, до самой смерти должен ты отсекай от себя тех, кои низводят тебя со креста; должен также приготовить себя к тому, чтоб сносить всякое уничтожение, успокаивать сердце творящих тебе зло, смиряться пред желающими властвовать над тобою; иметь молчание уст, и никого не осуждать в сердце своем».

Сказал также: «Труд телесный, нищета, странничество, мужество и молчание рождают смиренномудрие; смиренномудрие же снимает множество грехов. Кто не хранит сего, того тщетно отречение от мира».

Опять сказал: «Возненавидь все, что в мире, также покой телесный, ибо это соделало тебя врагом Богу. Как человек, имеющий врага, ведет с ним брань, так и мы должны вести брань с телом, чтоб не покоить его».

Брат спросил авву Исайю, что значат слова евангельской молитвы: «Да святится имя Твое»? — И он сказал ему в ответ: «Это свойственно совершенным; ибо в нас, одолеваемых страстьми,

невозможно святиться имени Божию».

Рассказывал нам авва Исая: «Как я сидел однажды с аввою Макарием, пришли к нему семь братьев из Александрии и, искушая его, говорят: «Скажи нам, отче, как спастись?» Я взял сверток бумаги, сел в стороне и записывал, что исходило из уст его. Старец вздохнул и отверзши просвещенные уста свои, сказал: «О братие! Каждый из вас знает, как спастись, но то горе, что нет у нас желания спастись». — Они сказали ему: «Мы весьма желаем спастись, но злые помыслы не оставляют нас. Итак, что же нам делать?» — Старец сказал: «Если вы монахи, то зачем шатаетесь с мирянами, или приближаетесь туда, где есть мирянин? Те, кои отрекшись мира и облекшись в ангельский образ, живут среди мирян, сами себя обольщают, сбивают с пути: всеу весь труд их. Ибо, что приобретут они от мирян, кроме плотского утешения? А где плотское утешение, там не может обитать страх Божий, особенно в монахе. Почему монах называется монахом? — Потому, что он один с единым Богом беседует день и ночь. А монах, проводящий среди мирян иногда день, а по большей части два, затем, чтоб по невозможности жить без потребностей телесных, продать свое рукоделие и купить потребное, и потом, возвратясь, искренно раскаиваться и жалеть о тех двух днях, проведенных в городе для продажи рукоделия своего, никакой не получит пользы (от своего монашества). Вот какие добродетели приобретает монах, живущий среди мирян. Когда лишь только вступит он (в монашество), то на первых порах бывает обыкновенно воздержан языком, постником и смиренником, пока не придет в известность и пройдет слава о нем, что-де такой-то монах поистине есть раб Божий. Тотчас сатана внушает мирянам нести ему всякие потребности: вино, елей, деньги и всякие вещи, говоря: святче, святче! Слыша «святче», напыщается смиренный монах и, как обычно тщеславию, начинает ходить к ним посидеть, ест, пьет и утешается; когда станет на псалмопение, то возвышает глас свой, и миряне начинают говорить о нем с похвалою, что такой-то монах поет псалмы и совершает бдения. От сего еще более одолевает его тщеславие, он надымается и высится; смирение совсем отходит от него, и, если кто скажет ему неласковое слово, он отвечает ему еще худшим. Далее, так как он день и ночь видит мирян, то диавол уязвляет его красотой жен и детей, и он бывает в большом смущении и большой опасности, ибо Господь наш Иисус Христос сказал в Евангелии: «всяк, иже воззрит на жену, ко еже вожделети ея, уже любодействова с нею в сердце своем» ([Мф. 5:28](#)). Не будет вменять ни во что слово сие, слыша, что еще говорит Господь: «небо и земля мимоидет: словеса же Моя не мимоидут» ([Мф. 24:35](#)). Потом приходят заботы житейские, и он начинает промышлять о телесных потребах на год, собрав их, удвояет, наконец, начинает собирать золото и серебро, чем демоны низвергают его, наконец, к самому корню сребролюбия. После сего, если кто приносит к нему что-нибудь малое, он отвергает то, говоря: «Не принимаю сего, потому что ничего не беру». Если же кто приносит золото и серебро, или одеяние, или другое что ему пригодное, он тотчас с радостью принимает его и, поставя трапезу, начинает утешаться с ним. А бедный, или, лучше, Христос, толчет извне и в двери, и никто не внемлет, никто не слышит. К таковому сказал Господь наш Иисус Христос: «удобее есть велбуду сквозе иглине уши пройти, неже богату в царствие Божие внити» ([Мф. 19:24](#)). Но, может быть, скажешь, что ты небогат, или что, будучи богат, я ни в чем не имею нужды и никому не докучаю, или, что имею, имею от рукоделия и от того, что посылает Бог, я никого не обижаю. — Скажите мне, отцы: Ангелы на небесах о собрании золота и серебра заботятся или о славе Божией? Для чего и мы, братие, приняли образ сей? Чтоб собирать богатство и тленное вещество или чтоб быть подобными Ангелам? Или не знаете, что падший с небес (ангельский) чин наполняется из монахов? Зачем же, братие, отрекшись от мира, опять, в нерадении, совращаемся с пути смирения? Или не знаете, что вино, жены, золото, плотский покой и блуждание среди мирян, — все сие удаляет нас от Бога? «Корень бо всем злым сребролюбие есть» ([1 Тим. 6:10](#)). Сколько отстоит небо от земли, столько отстоит

сребролюбивый монах от славы Божией. И поистине, нет зла больше того зла, какому подвергается сребролюбивый монах. Монах, любящий мирские беседы, требует многих молитв святых отцов. Или не слышим, что говорит блаженный Иоанн: «не любите мира, ни яже в мире; аще кто любит мир, несть любви Отчи в нем» ([1 Ин. 2:15](#))? Равно и апостол Иаков говорит: «иже бо восхощет друг быти миру, враг Божий бывает» ([Иак. 4:4](#)). Да бежим же, братие, от мира, как бежит кто от змия. Кого уязвит змий, тот едва исцелевает. Так и мы, если желаем быть монахами, да бежим от мира. Лучше, братие мои, иметь одну брань, нежели много и без числа. Скажите мне, отцы и братия, отцы наши где стяжали добродетели, — в мире или в пустыне? Как же мы хотим стяжать добродетель, живя в мире? Если не взалчем, если не возжаждем, если не понесем мраза, если не вселимся со зверьми, не умрем телу, то как проживем душе? Как хотим мы наследовать Царствие Небесное, пребывая среди мирян? Или как даже возведем очи свои к Нему, кружась в суете? Не теряет ли своего достоинства воин, который, бежав от войны, предается куплям житейским? Не тем ли паче мы, если, живя с мирянами, будем только есть и пить, лишимся наследия Царствия Небесного? Да не внушает вам диавол злых помыслов — говорить: «Я собираю для того, чтоб (через милостыню) заслужить еще и награду», потому что, кто не хочет сотворить милостыню из кондранта, тот не сотворит и из тысячи динариев. Нет, братия мои! Это есть дело мирян. Не хочет Бог, чтобы мы, монахи, имели золото или серебро, одеяния и другие вещи. Господь заповедал, говоря: «воззрите на птицы небесныя, яко не сеют, ни жнут, ни собирают в житницы, и Отец ваш Небесный питает их» ([Мф. 6:26](#)). Монах, имеющий золото, серебро и другие вещи, не верует, что Бог может напитать его; но если Он не может подать нам хлеба насущного, то не может даровать и Царствия Своего. Вот что знаю я наверное, что если я имею потребное и другой кто, особенно мирянин, сам по себе несет мне что-нибудь, то это бывает по действию диавола. Если же не имею и помолюсь однажды и дважды, тогда мне, как некогда Даниилу во рве львином, посылает Бог, зная, что я нуждаюсь. А если я не только не нуждаюсь ни в чем, но еще имею золото, серебро и другие вещи, между тем не хочу тратить на содержание себя, а ожидаю, чтоб другой принес мне потребное, тогда я бываю сообщником Иуды Искаротского, который, оставя дарованную ему благодать, устремился к похоти сребролюбия. Зная сие, блаженный Апостол назвал сребролюбие не только корнем всех зол, но и идолослужением ([Еф. 5:5](#)). Итак, видите, в какое зло болезнь сия увлекает монаха, когда ввергает его даже в идолослужение: ибо сребролюбивый отступает от славы Божией и поклоняется изваянному идолу человеческому, то есть золоту. О, сребролюбие! Ты удаляешь монаха от славы Божией. О, сребролюбие, горькое и плачевное! Ты отлучаешь монаха от чина ангельского! О, сребролюбие, корень всех зол! Ты ввергаешь монаха все в большие и большие заботы, пока доведешь до того, что он, оставя славу небесную, прилепится к миродержителям тьмы века сего. О, сребролюбие, хороводец всякого зла, ты изощряешь язык монаха на брань, ссоры и смуты, пока не подведешь его под суд, наподобие мирян! Горе монаху, дающему свободный к себе доступ демону сребролюбия! Горе монаху сребролюбцу, что оставил заповедь Спасителя, рекшего: «не стяжите злата, ни сребра» ([Мф. 10:9](#)). Часто внушает ему диавол такой помысл: «Встань и сотвори бдение, а завтра позови братий и учреди трапезу любви». Потом отходит демон к званым и говорит: «Возьмите с собою свои припасы». Часто говорит также в себе такой (монах): «Правила своего я не нарушаю: исполняю и третий, и шестой, и девятый час», не зная, что «не всяк глаголай: Господи, Господи! внидет в Царствие Небесное» ([Мф. 7:21](#)). И: «Чем повредят мне серебро, золото и другие вещи?», не зная, что, где золото, серебро и вещи, там свободный доступ демонам и пагуба души и тела, там горе навсегда. Как войдет сокрушение в сребролюбивого монаха, когда он, оставя волю Сотворшего его и Призывающего к жизни вечной, золото чтит и лобызает? Как войдет в такого человека сокрушение? — Впрочем, диавол часто возбуждает в нем слезы, воздыхания и заставляет его

бить себя в грудь, говоря притом: «Вот дал тебе Бог золото и серебро и сокрушение», с тем, чтоб ему и на мысль не пришло когда-нибудь извергнуть корень сребролюбия. О братия моя возлюбленная! Как мы, монахи, имеем золото и серебро, одеяния и всякие вещи, и никогда не перестаем собирать более и более, а между тем бедный, паче же Христос, немощен и алчен, терпит жажду и мраз, и мы ничего не хотим сделать для Него. Какое оправдание представим мы, братие, Владыке Христу, что, отрекшись мира, опять ищем его; мятемся под схимой, и сей ангельский образ делаем житейским, обращая его в промысл ради золота, из коего или совсем не даем (нуждающимся), или, если даем, то при других, для того чтобы нас хвалили. Нет, братие мои возлюбленные, убежим от мира. Нужда нам надлежит спасаться в пустыне, среди же мирян поистине не спасемся, ибо Господь говорит, что если кто не отречется мира и того, что **в мире**, еще же и души своей, «и не возмет креста своего и не последует Мне, несть Мене достоин» ([Мф. 10:38](#)). «Живу Аз, — глаголет Господь: изыдите от среды их и отлучитесь» ([2 Кор. 6:17](#)). Посмотрите, братие мои возлюбленные, как полезно бегать сообщения с людьми житейскими. Это полезно и для них, и для нас. Вся беседа их — о торгах, сходбищах, женах, детях, скоте, а такая беседа не удаляет ли помыслы от Бога? Если же одна беседа с ними удаляет помысл от Бога, то какой вред должен быть от того, если есть с ним и пить. Не потому я говорю это, что они нечисты, — да не будет. Но они едят по дважды в день всякого рода яства и мяса, мы же воздерживаемся от мяс и разнообразных яств и едим всегда однажды в день. Теперь, если они увидят, что мы едим довольно, тотчас осуждают нас и говорят: «Вот и монахи едят в сытость», не помня, что и мы также обложены плотию, как и они. Опять, если видят, что мы воздержны в пище, тоже осуждают нас, говоря: «Вот человекоугодники!» И губят, таким образом, души свои из-за нас. Также, если видят, что мы едим не умовенными руками или неопрятно держим одежду, говорят: «Вот невежество». И опять, если видят, что едим умовенными руками, говорят: «Вот и монахи чистятся». И губят себя из-за нас, и мы бываем причастниками и виновниками их погибели. Бегая убо, да бежим трапез их; и будем искать более поношения их, чем похвал, ибо не похвала их доставляет венцы. — Что мне пользы, если угожду человекам и прогневолю Господа Бога моего? Апостол Павел говорит: «аще бых еще человеком угождал. Христов раб не бых убо был» ([Гал. 1:10](#)). Не молимся ли мы пред лицом Господа, говоря: «Иисусе, Боже наш! Избави и изми нас от укора и похвалы их»? Не будем же ничего делать в угождение им. Ибо, как похвала их не может нас ввести в Царствие Небесное, так и всякий укор их не может заключать для нас вечной жизни. Да ведаем, братие мои возлюбленные и благословенные, что и о всяком слове праздном мы дадим отчет Господу Богу нашему».

Брат пришел к авве Илии безмолвнику, в киновию пещеры аввы Саввы, и говорит ему: «Авва, скажи мне слово (назидания)». — Старец говорит ему: «Во дни отцов наших были любимы три следующие добродетели: нестяжание, кротость и воздержание; ныне же властвуют в монахах любостяжание, чревоугодие и гневливость, — что хочешь, то и держи».

Сказывали об авве Феодоре Фермейском, что многих превосходил он следующими тремя добродетелями: нестяжанием, подвижничеством и беганием людей.

Мать Феодора спросила папу Феофила об одном изречении Апостола, именно, что значит: «искупующе время» ([Еф. 5:16](#)). И он говорит ей: «Наименование указывает прибыль. Именно: предстоит тебе время поношения? — Купи сие время поношения смиренномудрием и долготерпением, и возьми себе сей прибыль. Время бесчестия? — Незлобием купи и обрати сие время в прибыль себе. Таким образом, все противное, если захотим, будет нам в прибыль».

Опять сказала мать Феодора: «Подвизайтесь внити тесными вратами» ([Мф. 7:13](#)). Ибо, как древа, если не будут под действием морозов и дождей, не могут принести плодов, так в отношении к нам, век сей есть зима; и если мы не будем испытаны многими скорбями и

искушениями, то не можем соделаться наследниками Царствия Небесного».

Она же (мать Феодора) опять сказала, что учитель должен быть чужд любоначалия, не причастен тщеславию и далек от гордости; не должен ни быть игралищем лести, ни ослепляться дарами, ни поработаться чреву, ни увлекаться гневом; но должен быть великодушен, приветлив, всею силою смиренномудр, рассудителен, снослив, попечителей и душелюбив».

Авва Иоанн (Колов) сказал: «Я желаю, чтоб человек помалу вкусил от всех добродетелей. Итак, каждый день, вставая утром, полагай начало всякой добродетели и заповеди Божией, величайшему терпению, со страхом и долготерпением; любви Божией, со всякою готовностью души и тела, и со многим смирением; терпению скорбей и хранению сердца и одной молитве и молениям с воздыханием; чистоте языка и хранению очей; тому, чтоб не гневаться, когда бесчестят; быть в мире со всеми, не воздавать злом за зло, не смотреть за падениями других и быть ниже всякой твари; отречению от всех вещей и всего плотского, крестопринятию, подвигу, духовной нищете, посту, покаянию и плачу, духовной брани, рассуждению, чистоте души, безмолвному рукоделию, ночным бдениям, алчбе и жажде, гладу, нагоде, трудам. Закрой гроб свой, как бы ты уже скончался, чтоб содержать в мысли, что смерть твоя близка каждый час к тебе».

Авва Иоанн сказал: «Как нельзя всю жизнь оставаться детьми и с умножением лет не возрастать опытностью и знанием, так и в монашеской жизни всякий, с продолжением в ней времени, должен более и более восходить на высоту добродетелей».

Авва Кассиан рассказывал о некоем авве Иоанне киновиархе, старце высокой жизни, что, когда он кончался и с радостью и желанием отходил к Богу, окружили его братия и просили оставить им вместо наследства какое-нибудь слово краткое, но спасительное, по руководству которого могли бы они достигнуть совершенства во Христе. И он, воздохнув, сказал им: «Никогда я не творил собственной воли и не учил никого тому, чего бы прежде сам не исполнил».

Блаженный Иоанн Златоуст сказал: «Сядь за чтение Божественного Писания и других священных книг, прежде призови Бога, да отверзет Он очи сердца твоего не только к точному разумению написанного, но и к исполнению того, чтоб знание жизни и учение святых не обратилось нам в осуждение».

Авва Иоанн киликианин, игумен Раифский, сказал братиям: «Чада! Как убежали мы от мира, так да бежим и от похотей плоти».

Опять сказал: «Будем подражать отцам нашим: с какими лишениями и с каким безмолвием жили они здесь!»

Сказал также: «Дети! Не оскверним места сего, которое отцы наши очистили от демонов».

Еще сказал: «Место сие есть место подвижников, а не торжников».

Взошли мы от Гефсимании на гору Елеон, где монастырь аввы Авраама. В сем монастыре был игумен авва Иоанн киликианин. Спросили мы его однажды: «Как может кто стяжать добродетель?» — И старец сказал нам в ответ: «Желающий стяжать добродетель не может стяжать ее иначе, как возненавидев противоположное ей зло. Итак, если желаешь иметь всегда плач, — возненавидь смех; желаешь иметь смирение — возненавидь гордость; желаешь быть воздержным — возненавидь пресыщение; желаешь целомудрствовать — возненавидь сладострастие; желаешь быть нестяжательным — возненавидь сребролюбие. Желающий обитать в пустыне ненавидит города по причине соблазнов в них; желающий иметь безмолвие ненавидит частые посещения; желающий быть чужим для всех и всего ненавидит показность; желающий воздержным быть в гневе ненавидит соображение со многими; желающий быть незлопамятным ненавидит злословие; желающий быть нерассеянным пребывает в уединении; желающий обуздывать язык, да заграждает уши свои, чтоб не слышать много; желающий всегда

иметь страх Божий пусть возненавидит телесный покой и возлюбит скорбь и тесноту».

Брат спросил авву Иосифа: «Когда случится гонение, в пустыню ли бежать лучше или в города и села?» И старец сказал ему: «Где услышишь, что есть православные, туда и ступай, поближе к ним».

Он же сказал: «Отнюдь не имей дружбы с отроком и не живи с ним вместе; если можешь жить один в келлии своей, то это хорошо; возделывай свою овощь, вместо того, чтоб идти к кому-нибудь просить».

Брат спросил его же: «Хочу жить с кем-нибудь вместе на таком условии: я бы безмолвствовал один в келлии и рукодельем добывал сколько нужно на содержание, а тот пекся бы о мне». Старец сказал ему: «Отцы наши не желали сего».

Говорили об авве Исааке, что, когда он кончался, сошлись к нему старцы и говорили: «Что нам делать после тебя, отче?» — Он сказал: «Видели вы, как я ходил пред лицом вашим? Если будете и вы следовать заповедям Господа и соблюдать их, то Он пошлет благодать Свою и сохранит место сие; если же не сохранит, то не пребудете на месте сем. И мы, когда умирали отцы наши, печалились, но, соблюдая заповеди Господни и их завещания, устояли, так, как бы они сами были при нас. Так и вы поступите, и спасетесь».

Брат спросил авву Иеракса: «Скажи мне слово, как спастись?» — Старец говорит ему: «Сиди в келлии своей; если алчен — ешь, если жаждешь — пей, только никого не злословь, и спасешься».

Авва Исидор Пелусиот говорит: «Жизнь без славы обыкновенно более приносит пользы, нежели слава без жизни. Ибо жизнь назидает и молча, а слава без жизни, несмотря на все возгласы, служит только в тягость. Если соединяются слава и жизнь, то они составляют красоту всего любомудрия».

Он же говорит: «Дорожи добродетелию; не заботься о счастье. Добродетель есть бессмертное сокровище, а счастье скоро исчезает».

Говорил еще Иеракс: «Многие из людей стремятся к добродетели, но медлят идти путем, ведущим к ней. Другие же и не думают о том, что есть добродетель. Потому первых должно убеждать, чтоб они оставили свою леность, а других научать, что добродетель поистине есть добродетель».

Говорил также: «Зло удалило людей от Бога и разделило их между собою, потому всячески должно убегать зла и стремиться к добродетели, которая приводит к Богу и соединяет одних с другими. Цель добродетели и целомудрия есть простота с мудростью».

Авва Иосиф Фивейский сказал: «Следующие три дела честны пред лицом Господа: первое — когда кому больному прилагаются новые искушения, а он принимает их с благодарением; второе — когда кто совершает все дела свои так, чтобы оные были чисты пред лицом Бога и не имели ничего человеческого; третье — когда кто живет в совершенном послушании духовному отцу и отрекается от всех собственных хотений. Сей последний имеет одним венцом больше. Я же избрал бы болезнь».

Авва Макарий сказал: «Не ночуй в келлии брата, имеющего худую славу».

Брат спросил авву Макария Великого о том, как достигнуть совершенства, и старец сказал ему в ответ: «Если человек не стяжет великого смирения в сердце и теле, и того, чтоб не мерить себя ни в каком деле, но ставить себя в смирении ниже всякой твари, также отнюдь не осуждать никого, кроме себя одного; сносить поношения, отрывать от сердца всякую злобу и нудить себя быть долготерпеливым, тихим, братолюбивым, целомудренным, воздержным, как написано: «царствие Божие нудится, и нуждницы восхищают е» ([Мф. 11:12](#)); еще же право смотреть очами, хранить язык и отвращать слух от всякого суетного и душегубительного слышания, хранить чистоту сердца пред Богом и непорочность тела; иметь также повседневно смерть пред очами,

погашать гнев и злобу, отвергаться вещества и плотских похотей, отрещись диавола и всех дел его и твердо сочетаться всецарю Богу и всем заповедям Его, непрестанно молиться, и во всякое время, во всякой вещи и всяком деле быть утверждenu в Боге, — то не можешь быть совершенным».

Авва Марк сказал: «Закон свободы научает всякой истине, и хотя многие читают его, но редкие понимают его в отношении к исполнению заповедей. Не ищи совершенства его в добродетелях человеческих, ибо совершенного в них нет. Совершенство его сокрыто в кресте Христовом».

Брат пришел в скит к авве Моисею и просил у него наставления. Старец говорит ему: «Пойди, седи в своей келлии, и келлия твоя научит тебя всему».

Авва Моисей сказал: «Кто имеет близ себя Иисуса и непрестанно беседует с Ним, то делает хорошо, не внося человека в келлию свою».

Опять сказал: «Невозможно стяжать Иисуса, иначе как трудом, смирением и непрестанною молитвою».

Авва Моисей сказывал: «Три старца пришли к авве Пафнутию, которого звали Кефалою, и просили у него наставления. Старец сказал им: «Что желаете, чтоб я сказал вам: духовное или плотское?» — Они говорят ему: «Духовное». — Старец говорит им: «Пойдите, возлюбите прискорбность, скорбь паче утешения, бесчестие паче славы, и даяти паче, нежели приимати».

Брат спросил старца: «Какое бы мне делать доброе дело, чтоб живу быть чрез него» (спастись)?» — И старец сказал: «Один Бог знает, что добро. Но я слышал, что некто из отцов спросил о сем авву Нисфероя Великого, друга аввы Антония, и он сказал ему: «Не все ли дела равны? Писание говорит, что Авраам был страннолюбив, и Бог был с ним. Илия любил безмолвие, и Бог был с ним. Давид был смиренномудр, и Бог был с ним. Итак, к чему видишь расположенную душу свою по Богу, то и твори, — и храни сердце свое».

Авва Нил сказал: «Раб, не радящий о делах господина своего, должен быть готов подвергнуться ударам».

Авва Пимен говорит об авве Нисферое, что «как змий медный, сделанный Моисеем в уврачевание народа, так старец сей, имея всякую добродетель, всех врачевал молча».

Когда авва Пимен спросил сего авву Нисфероя, откуда стяжал он такую добродетель, что какая бы когда ни случилась ему скорбь в киновии, он ничего не говорит и не ропщет, он отвечал: «Прости мне, авва. В самом начале, когда вступил я в сию киновию, сказал помыслу своему: ты и осел одно и то же. Как осел, когда его бьют, не говорит, и когда ругают, ничего не отвечает: таков будь и ты, как говорит псалом: «скотен бых у Тебе; и аз выну с Тобою»». ([Пс. 72:22—23](#)).

Отцы Синайские рассказывали об авве Оресте, что в одно воскресенье он пришел в церковь в одеянии, надетом наизнанку. Так стоял он между другими, и некоторые из должностных пришли и сказали ему: «Для чего, отче, ты вошел так в церковь в одежде навыворот? Странники будут смеяться над нами». — Старец сказал им в ответ: «Вы низвратили Синай, и никто не делает вам замечаний, а я оделся навыворот, и это неприятно вам. Исправьте сами, что низвратили, и я поправлю, что переверотил».

Авва Пимен сказал, что осмотрительность, внимание себе и рассудительность — сии три добродетели суть путеводители души.

Брат спросил авву Пимена: «Как должно жить человеку?» — Старец говорит ему: «Будем смотреть на Даниила. Не нашлось на него другого обвинения, кроме того, что он служил Господу Богу своему».

Опять сказал: «Скудость, болезненность, прискорбность, самоутеснение и пост — вот работные орудия монаха. Ибо написано: «аще будут сии трие мужие: Ное и Даниил и [Иов...](#)

живу Аз... тии во правде своей спасутся, глаголет Адонаи Господь» ([Иез. 14:14, 20](#)). Ной изображает нестяжательность, Иов — приболзненность, Даниил — рассудительность. Итак, если будут в каком человеке сии три добродетели, то Господь обитает в нем».

Еще сказал (Пимен): «Если победит монах две вещи, то может быть свободен от мира». Брат спросил: «Какие?» — «Плотоугодие и тщеславие», — отвечал старец.

Брат спросил авву Пимена: «Скажи мне слово назидания». — Старец сказал ему: «Отцы наши всякое дело начинали плачем». — Брат сказал: «Скажи мне и другое слово». — Старец отвечал: «Сколько можешь, трудись над рукодельем, чтоб от него творить милостыню, ибо написано: милостыня и вера очищают грехи» ([Притч. 15:27](#)). — Брат спросил: «Что есть вера?» — Старец сказал в ответ: «Веровать — значит жить в смиренномудрии и творить милостыню».

Еще сказал: «Кому веровать не лежит сердце твое, не внимай тому сердцем твоим».

Брат спросил авву Пимена: «Что мне делать с бесполезными своими дружбами?» — Старец отвечал: «Есть ли человек, который, приближаясь к смерти, все еще думал бы о дружбах мира сего? Не приближайся к ним и не касайся их, и они сами собою отдалятся от тебя».

Опять сказал: «Когда человек намеревается строить дом, то собирает большое количество денег, чтобы иметь возможность поставить дом, и заготавливает разного рода материалы. Так и мы возьмем помалу от всех добродетелей».

Он же сказал: «Давид написал Иоаву: начни войну, и овладеешь городом и разоришь его» ([2 Цар. 11:25](#)).

Он же сказал: «Иоав говорил: мужайтесь и будьте сынами силы, и сотворим брань за народ Божий» ([2 Цар. 10:12](#)). Это мы.

Авва Пимен сказал: «Если видишь видения и слышишь гласы, не рассказывай о том ближнему своему, ибо это есть поворот брани» (на твою сторону).

Опять сказал: «В первый раз беги; во второй беги, а в третий будь меч» (о борьбе с помыслами).

Авва Пимен сказал авве Исааку: «Сбрось с себя часть своей праведности, и в немного дней приобретешь покой».

Авва Витимий спросил авву Пимена: «Если кто имеет на меня неудовольствие и я покаюсь ему, а он не помирится по неверию искренности, что мне делать?» — Старец говорит ему: «Возьми с собою других двух братьев, и покайся ему, если и еще не помирится, возьми других пять, если и при сих не умирится, возьми священника; если же и таким образом не помирится и не поверит искренности твоей, то молись, наконец, несмущенно Богу, да Сам Он приложит ему веру, — и будь покоен».

Брат, отходя на торжище, спросил авву Пимена: «Что ты посоветуешь мне делать?» — Старец говорит ему: «Будь друг нудящего себя (то есть подражай) и спокойно продашь свои вещи».

Опять сказал: «Не вверяй своей совести человеку, которому верить не лежит сердце».

Сказал также: «Вот какое правило жития Бог дал израильтянам: воздерживаться от того, что неестественно, то есть гнева, ярости, зависти, ненависти, клеветы на брата и прочего, свойственного ветхому человеку».

Еще сказал: «Употреби посильное старание о том, чтобы никому отнюдь не делать зла, и блюди сердце свое чистым в отношении ко всякому человеку».

Пришел к авве Палладию начальник страны, желая видеть его, ибо наслышался о делах его, и, взяв скорописца, приказал ему: «Я войду к авве, ты же запиши все, со всею точностью, что он будет говорить мне». Так вошел начальник и сказал старцу: «Помолись о мне, авва, ибо я имею множество грехов». — Старец говорит: «Безгрешен один Иисус Христос», — Начальник спросил: «О всяком ли грехе имеем мы дать отчет Богу, авва?» — Старец отвечал: «Написано:

«воздаст коемуждо по делом его» ([Рим. 2:6](#)). — «Изъясни мне слово сие», — сказал начальник. — «Оно само себя изъясняет, — отвечал старец. — Впрочем, выслушай подробно. Оскорбил ли ты ближнего, восприимешь должное. Восхитил ли что у низших, прибил ли бедного, или лицеприятствовал на суде, или обесчестил, озлословил, оклеветал, оболгал, злоумышлял на чужие браки, преступил клятву, преложил пределы отцов, входил в имущество сирот, обижал вдов, настоящую сладость предпочел обетованным благам, — получишь достойное возмездие за все, ибо «еже сеет человек, тожде и пожнет» ([Гал. 6:7](#)). Равным образом, если и доброе что сделано тобою, и за то получишь воздаяние многократное, ибо сказано: «воздаст коемуждо по делом его» ([Рим. 2:6](#)). Помни о сем воздаянии во всю жизнь, и избежишь множества грехов». — Начальник говорит: «Что же я должен делать, авва?» — Старец говорит: «Помышляй о вечных, бесконечных и неизменных благах неба, где нет ночи и нет сна — сего образа смерти, где нет яств и пития — сих служителей нашей немощи, нет скорбей, ни болезней, ни врачевания, ни судов, ни торгов, ни богатства — сего начала зол, предмета войн и корня вражды; где страна живых — не умерших грехом, но живущих истинною жизнью во Христе Иисусе». Тогда начальник воздохнул и сказал: «Поистине, авва, так есть, как ты сказал». И, получив великое назидание, отошел в дом свой, благодаря Бога.

Рассказывали об авве Памве, что, кончаясь, в самый час исхода, сказал он предстоящим святым мужам: «С тех пор, как я пришел на это пустынное место и, построив себе келлию, вселился в ней, не помню, чтобы ел другой хлеб, кроме добытого своими руками, ни в чем не раскаивался даже до сего часа и отхожу к Богу так, как бы не начинал еще богочествовать». Вот чем отличался авва Памва от многих! Когда спрашивали его о каком-либо слове Писания или о предметах духовных, он не отвечал тотчас, но говорил, что не знает сего и так по месяцу и более не давал ответа.

Авва Памва сказал: «Если имеешь» (чистое) сердце, то можешь спастись».

Говорили об отцах — авве Памве, авве Виссарионе, авве Исаяи и авве Паисии, что они были очень сильны. Однажды они беседовали вместе с аввою Афре, и пресвитер горы Нитрийской спросил их: «Как должны вести себя братия?» — Они сказали: «В великом подвижничестве и храня совесть свою от ближнего».

Брат спросил авву Памву: «Почему злые духи препятствуют мне благодетельствовать ближнему?» — Старец говорит ему: «Не говори так, потому что таким образом ты Бога называешь лживым. Но лучше скажи: я не хочу делать благодеяний. Ибо прежде еще Бог сказал: «се даю вам власть наступати на змию и на скорпию, и на всю силу вражию» ([Лк. 10:19](#)).

Авва Питирион, ученик аввы Антония, говорил, что желающий изгонять демонов должен прежде победить страсти, ибо какую кто преодолет страсть, той и демона изгоняет. Так, входит, говорит, вслед за гневом демон его; если ты укротишь гнев, то будет изгнан и бес его; то же и в отношении к каждой страсти.

Авва Сисой сказал: «Будь самоуничижен, завергни волю свою вспять, не будь многозаботлив, — и будешь иметь покой».

Он же сказал: «Есть люди, кои иждивают дни свои в нерадении, и словом только и помыслом ищут спасения, а делом нерадят о нем; читают жития святых, а их смирению и нестяжательности, молитве и бдению, воздержанию и безмолвию, спанию на земле и коленопреклонениям не подражают, и облыгают жизнь отцов, говоря: невозможно всего этого вынести, не помышляя, что, где обитает Бог чрез благодать Божественного крещения и исполнение заповедей, там бываю дела паче естества».

Говорили об авве Хоме, что, кончаясь, он сказал своим детям: «Не живите с еретиками, не знайтесь с властями, руки ваши да будут простерты не на собрание, но более на раздавание».

Сказал старец: «Обнажи меч свой» (то есть борись, не поддавайся). — Брат сказал: «Мне не

позволяют страсти». — Старец говорит: «Разве не сказал Господь: «призови Мя в день скорби твоя, и изму тя, и прославиши Мя» ([Пс. 49:15](#))? Итак, призови Его, и Он измет тебя от всякого искушения».

Старцы говорили, что кукулий есть знак незлобия, аналав — креста, а пояс — мужества. Итак, будем жить соответственно одеянию нашему, делая все со рвением, чтоб не оказалось, что носим чуждый нам образ.

Брат спросил старца: «Как бывает, кто буй Господа ради?» — Старец говорит ему: «В одной киновии был отрок, которого отдали доброму старцу, чтоб наблюдал за ним и научил страху Божию. Старец сей говорил ему: «Когда кто будет злословить тебя, — благословляй его; когда сядешь за трапезу, ешь невкусное, и оставляй вкусное; когда придется выбрать тебе одежду, оставь хорошую и возьми худую. — Отрок говорит ему: «Буй я, что ты советуешь мне так делать?» — Старец говорит: «Для того я советую тебе так делать, да будешь буй Господа ради, и да умудрит тебя за то Господь. И вот старец показал нам, кто и какими делами бывает буй Господа ради».

Старец сказал: «Станем на камени! И пусть устремится река — не убойся, и да не низвергнет она тебя долу; пой в безмолвии, говоря: «надеющийся на Господа, яко гора Сион: не подвижится в век живой во Иерусалиме» ([Пс. 124:1](#)).

Опять сказал: «Для тебя родился Христос, о человек! Для спасения твоего пришел Сын Божий; был человеком, будучи Бог; был чтецом, когда, взяв книгу в синагоге, читал: «Дух Господень на Мне, Егоже ради помаза Мя» ([Лк. 4:18](#)); был иподиаконом, когда, «сотворив бич от вервий, всех изгнал из храма, а также овец и волов» и прочее ([Ин. 2:15](#)); был диаконом, когда, препоясавшись лентием, умыл ноги ученикам Своим, заповедав им умывать ноги братии ([Ин. 13:14](#)); был пресвитером, когда, сидя посреди старцев, учил народ; был епископом, когда, «взяв хлеб и благословив, даяше учеником» Своим ([Мф. 26:26](#)). Он был бием бичами ради тебя, а ты не сносишь и одной укоризны ради Его; был погребен и воскрес, как Бог, и все для нас соделал, чтобы нас спасти. Итак, будем трезвиться, бодрствовать, пребывать в молитвах и творить угодное Ему».

Вот что сказал один старец о злых помыслах: «Умоляю вас, братие, как отстали мы от дел, так отстанем мы и от воспоминаний».

Старец сказал: «Если будет между тобою и другим слово скорбное, и сей отречется, говоря: «Я не сказал такого слова», не спорь с ним; иначе он оборотится и скажет: «Да, сказал, и что же?»

Сказал старец: «Не всякое слово одобряй и не со всяким сослагайся. Медленнее верь, скорее истинствуй» (говори правду).

Некто из старцев сказал: «Вначале, сходясь друг ко другу, мы говорили о предметах спасительных, составляли из себя как бы духовный хор и восходили на небо; ныне же, сходясь вместе, переходим к пересудам и друг друга низвергаем долу — в ров тинный».

Сказал некто из старцев: «Если внутренний наш человек трезвится, то он силен хранить и внешнего; если же нет, то сколько есть сил будем стеречь язык».

Он же сказал: «Необходимо иметь духовные дела, так как на то мы и пришли; ибо велик труд учить устами, когда дел не творим телом».

Сказал старец: «Так написано: на втором и третьем грехе поберегись, а на четвертом не отвращусь. Три первые суть: вспомнить о худом, согласиться на него помыслом и изречь языком, а четвертое — совершить дело. От сего последнего не отвратится гнев Божий».

Сказал старец: «Диавол нападает обыкновенно на слабую сторону монаха в той надежде, что привычка, окрепши от долговременности, получает силу природы, особенно у тех, кои довольно нерадивы. Не давай себе пищи тучной (жирной), особенно когда здоров, и того не ешь,

к чему есть похотение; вкушая же посылаемое тебе Богом, благодари Его на всякий час. Временные блага иждили мы ради монашества, и, однако ж, еще не сделались монахами. Мужайся, брат, чтоб иначе не носить чужого образа, и храни печать Христову, то есть смирение».

Говорили старцы, что монаху до самой смерти должно бороться с демоном уныния и малодушия, особенно во время церковных собраний. Когда же, с помощью Божиею, ты успеешь в этом, то берегись помысла самодовольства и неразумного самовозношения, а говори помыслу сему: «аще не Господь созиждет дом, всеу трудишася зиждущии» ([Пс. 126:1](#)); я же не что иное, как «земля и пепел» ([Быт. 18:27](#)). Помни, что «Господь гордым противится, смиренным же дает благодать» ([Иак. 4:6](#)).

Сказал старец: «Спишь ли ты, или бодрствуешь, или другое что делаешь, если Бог будет пред очами твоими, то враг ничем не может устрашить тебя. Ибо если помысл твой пребудет в Боге, то и сила Божия пребудет в тебе».

Сказал старец: «Монаху не должно быть охотником слушать рассказы о других и осуждать, и не должно соблазняться».

Брат спросил старца: «Скажи мне, как спастись?» — И старец отвечал: «Постараемся трудиться мало помалу, и спасемся».

Говорили старцы: «Вот чего требует Бог от христиан: покоряться святым Писаниям, исполнять делом читанное и веровать настоятелям и отцам духовным».

Брат спросил старца: «Что мне делать с помыслами, кои окружают меня и влекут из келлии под предлогом идти к старцам?» — Старец сказал ему: «Если видишь, что помыслы хотят тебя извлечь из келлии по причине утеснения плоти, то сделай себе небольшое утешение в келлии своей, и не захочешь выйти».

Если же ради назидания душевного приходит желание пойти куда, то испытай свой помысл и выйди. Слышал я об одном старце, что когда помыслы внушали ему сходить к кому-нибудь, то он вставал, брал свою милоть и выходил; потом, обошедши вокруг келлии, опять возвращался и делал себе утешение, как страннику; поступая таким образом, он успокаивался».

Говорили старцы, что «дети более еще, чем жены, суть диавольская сеть для монахов».

Говорили также: «Где вино и дети, там не нужен сатана».

Один ревностный брат, живущий одиноко в келлии, слыша о добродетелях святых, воспламенился желанием подражать им и стал думать, как бы успеть в них без особенного труда и подвига. Пошел и открыл он о сем одному великому старцу, и старец сказал ему: «Если желаешь успеха, то поди и будь как дитя, принимающее уроки от учителя. Как оно заучивает одно за другим, так делай и ты: дай себе на настоящий год в урок — с чревом бороться, и борись, пока не навькнешь не насыщать чрева; далее, трудись побеждать тщеславие, пока не возненавидишь его как врага; когда и сего достигнешь, подвизайся бросить все вещественное и вверить Богу попечение о себе. Тогда дерзай, ибо если человек успеет в этих трех добродетелях, то с радостию сретит Иисуса, когда Он приидет».

Некто из старцев сказал: «Если не возненавидишь прежде, то не можешь возлюбить: возненавидь грех, и сотворишь правду, как написано: «уклонися от зла и сотвори благо» ([Пс. 33:15](#)). Впрочем, главное, что требуется в сем повсюду, есть добрая воля. Адам, будучи в раю, преступил заповедь, а Иов, сидя на гноище, сохранил воздержание. Одной доброй воли требует Бог от человека и того, чтоб он боялся Его всегда».

Один искушаемый брат пришел к старцу и открыл ему переносимые им искушения. Старец сказал ему: «Да не устрашают тебя случающиеся с тобою искушения, ибо враги, коль скоро увидят, что душа более и более восходит и прилепляется к Богу, свирепствуют, снедаясь завистию; но невозможно, чтоб во время искушений не был присущ тебе и Бог с Ангелами

Своими, только не забывай со всем смирением призывать Его. Итак, когда случится с тобою что такое, помысли о всемогуществе Помощника нашего, о нашей немощи и свирепости врага нашего, и получишь помощь Божию».

Сказал старец: «Как гостиничник не властен ввести странника в дом, не получив позволения от хозяина дома, так и враг не войдет, если не примут его».

Он же сказал: «Когда молишься, говори так: како стяжу Тя, Господи, Ты веси; аз же скотен еемь и ничтоже свем. Ты ввел меня в сей спасительный чин, спаси меня. Аз раб Твой и сын рабыни Твоя. Господи! Спаси мя, якоже хочещи!»

Сказал старец: «Невозможно стяжать Иисуса, иначе как трудом, смирением и непрестанною молитвой».

Некто из отцов сказал, что монах, находясь с братьями, всегда должен смотреть долу в землю и отнюдь не обращать взора на лицо человека, особенно юного; когда же бывает он один, то непрестанно должен зреть горе, ибо сильно бывают оскорбляемы и боятся демоны, когда мы зрим горе — к Богу.

Сказал старец: «Бог терпит еще грехи мира, а грехов пустыни не терпит. Знай же, брат мой, не так, как мирянин, истязуется удалившийся от мира, ибо сей имеет много предлогов к оправданию, мы же что можем представить в оправдание себя? Поистине страшный огонь и величайшие мучения ожидают тех, кои, познавши волю Божию, презирают ее и последуют своей. Такие, живя в удовольствиях и услаждаясь суетным и привременным, часто говорят: «Я для потребностей телесных собираю деньги и другие вещи, чтоб только обеспечить свою жизнь». Хорошо, слово сие содержит часть истины, если они точно пекутся только о потребном; но, сказав, что я пекусь только о потребном для тела, не должно уже увлекаться, когда будут принесены монашествующему деньги или хорошие яства, и спокойно ограничиваться только тем, что нужно для тела. Между тем они не только принимают деньги и вещи, но еще опять ищут и других и, вкусив таких яств, желают еще лучших. Или работай и не принимай уже денег; или, если принимаешь, не работай, чтоб не осуечаться; но мы желаем и того, и другого. Вот мы предложили тебе, что бывает причиною страстей, за которые кажущийся монахом судится строже мирян, ибо, тогда как многие из мирян живут честно, сей не милует брата своего, а роскошествует, и творит дом Божий домом купли или, лучше, харчевенною лавкою. При сем скажем отчасти и о том, что увлекает в суетность, чтоб, зная, избегать того и тем спастись. Многие из нас мнят, будто в том только, что облеклись в схиму, что говорят «Господи, Господи» и что слышат «монах-монах», — в том только и состоит звание сие. Поистине, братия мои, если не будем внимать себе, бедственнее мирян приключится нам впасть в ров, так что и вопиять к Богу уже не возможем. Итак, нужны страх и смирение истинное. Многие из братий наших, кажущиеся смиренными и ведущими себя по-монашески, ищут исполнения своей воли, воле же Божией не покоряются. Но, уловляясь своими хотениями, они в суетных заботах, развлечениях и попечениях губят данное им на покаяние время, которого, спустя немного, сильно возжелают и поищут, но не обретут».

Сказал старец: «Тщательно старайся не грешить, чтоб не оскорбить обитающего с тобою Бога и не изгнать Его из души».

Сказал старец: «Будем трезвиться, бодрствовать и пребывать в молитвах, да спасемся, сотворив угодное Богу. Воин, вступив в брань, об одной только своей душе печется, равно как и зверолов. Будем подражать им. Кто живет по-Божьему, с тем и Бог живет: «вселюся в них и похожду, и буду им Бог, и тии будут Мне людие» ([2 Кор. 6:16](#)).

Брат, живущий в келлиях, пришел к одному из отцов и сказал ему свой помысл, именно помысл скорби. Старец говорит ему: «Ты поверг долу великое орудие, то есть страх Божий, и взял себе тростниковый жезл, то есть злые помыслы. Лучше возьми себе огонь, который есть

страх Божий, и, когда будет подходить к тебе враг, сгорит от сего огня, как тростник, ибо лукавый не силен против того, кто имеет страх Божий».

Сказал старец: «Не учи прежде времени, иначе всю жизнь твою будешь умален в разуме».

Брат спросил старца: «Отче! Скажи, что мне делать, чтоб исполнить волю Божию?» — Старец сказал: «Если желаешь, сын мой, исполнить волю Божию, удерживайся от всякой неправды, любостязания, сребролюбия; не воздавай злом за зло, злословием за злословие, ударом за удар, клятвою за клятву; помни, что сказал Господь: «не судите, да не судими будете» ([Мф. 7:1](#)), «отпускайте, и отпустят вам», милуйте, да помилованы будете ([Лк. 6:37](#)). Зная наверно, что «очи Господни, тмами тем крат светлейшии солнца», прозирают на сыны человеческие ([Сир. 23:27—28](#)), и ничто не сокрыто от Него — ни помыслы, ни помышления и никакие тайны сердца, и что всячески должно предстать судищу Христову, да восприимет каждый по делам своим; будем работать Ему со страхом и трепетом и со всяким благоговением, как Он Сам заповедал и как научили апостолы, чтобы мы трезвились в молитвах и пребывали в постах и молитвах и молениях, прося всевидящего Бога — не ввести «нас во искушение» ([Лк. 11:4](#)).

Он же сказал, что учащий других спасению прежде сам должен вкусить от плода учения, ибо не уцеломудрившийся еще сам, как может уцеломудрить другого? И тот, кто сжат сребролюбием и преследуется бесом его, как может научить других подавать милостыню? Также, кто занят только тем, чтоб давать и брать, покупать и продавать, суетиться и иждивать дни и годы свои в земных попечениях, как может другим преподавать учение о будущих благах? Ибо, если сам учащий, оставя небесное, предается временному и преходящему, очевидно, что и смотрящие на него и им поучаемые, научатся презирать вечное, все же попечение обращать только на настоящую жизнь. Таковому говорит Бог: «вскую ты поведаеши оправдания Моя и восприемлеши завет Мой усты твоими? Ты же возненавидел еси наказание и отвергл еси слова Моя вспять» ([Пс. 49:16—17](#)). И опять: «горе, ими же имя Мое хулится» ([Ис. 52:5](#)). Учить — хорошее дело есть, если учащий и творит, чтоб, научая, делал и молча вразумлял, ибо блажен не тот, кто научит, но кто «сотворит и научит» ([Мф. 5:19](#))».

Брат спросил старца: «Как это миряне, люди житейские, не падают, не говорят: согрешили, и не отлучают себя от причащения, между тем как презирают пост, нерадят о молитве, убегают бдений, всем прельщаются, все творят по похотям своим, поя дают друг друга в даянии и принятии (в сделках), большую часть дня иждивают в божбах и клятвах. Мы же, монахи, при всем том, что строго постимся, совершаем бдения, спим на голой земле и довольствуемся сухоядением, плачем со слезами, говорим: погibli, потеряли Царствие, повинны геенне». Старец воздохнул и сказал: «Хорошо сказал ты, брат, что миряне не падают, ибо, упавши однажды падением бедственным и гибельным, они восстать не могут и не имеют откуда пасть. И какая забота диаволу воевать против тех, кои всегда лежать долу и никогда не встают? Монахи то побеждают, то бывают побеждаемы; то падают, то восстают; то уязвляют, то бывают уязвляемы; то нападают, то подвергаются нападениям, — противоборствуют диаволу; а миряне по великому неразумию остаются в первом падении и, не сознавая, что пали, нисколько не пекутся о том, чтоб восстать от такого падения; знай притом, сын мой, что не только я и ты, кажущиеся монахами и далеко отстоящие от монашеского жития, имеем нужду во всегдашнем плаче и слезах, но и великим отцам, то есть подвижникам и отшельникам, нужны слезы. Выслушай меня разумно и пойми: «ложь от диавола» ([Ин. 8:44](#)), — сказал Господь; смотреть на жену «ко еже вожделети» ее вменил Он в блуд ([Мф. 5:28](#)); гнев на ближнего сравнил с убийством ([Мф. 5:21—22](#)) и объявил, что дадим отчет о каждом праздном слове. Кто же есть и где найдешь такого человека, который бы был и лжи не причастен, и в вожделении от зренья невинен, и никогда на ближнего всуе не гневался, и не провинился в праздном слове, — чтоб не

имел нужды в покаянии? Знай, сын мой, что не вознесший себя совершенно на крест, в смиренномудрии и самоуничижении, и не предавший себя на поправление всем, на неоправдание и посмевание, в решимости все сие сносить ради Бога, с благодарением и радостью, и отнюдь не искать ничего человеческого, то есть ни славы, ни чести, ни похвалы, ни утешения в пище, питии и одеянии, — истинным христианином быть не может».

Сказал старец: «Старайся опытом узнать благую жизнь и не бойся сего как невозможного».

Сказал старец: «Если ты ради Бога отрекся от родных, то, сидя в келлии своей, не позволяй себе плотского сожаления об отце, матери и брате, или нежной расположности сынов и дочерей, или о любви жены: ибо ты все оставил ради Бога. Поминай лучше о часе смертном, когда никто из них не может помочь тебе».

Сказал старец: «Как действует на позорище борец, так должен действовать и монах в борьбе с помыслами, простирая крестообразно руки свои к небу и призывая на помощь Бога. Обнаженным стоит борец на позорище и вступает в борьбу нагой, без всего, намазанный елеем и научаемый покровителем своим, как должно бороться. Идет с противной стороны противоборец, возметая песок, или прах, чтоб таким образом удобнее ухватить его. Примени все сие к себе, монах! Покровитель есть Бог, подающий нам победу; борцы — мы; противоборец — враг наш; песок — вещи мира сего. Видишь ли хитрость врага? Итак, стой безвещен, и победишь; ибо когда ум отяжелен веществом, то не приемлет невещественного слова».

Сказал старец: «Был один весьма богатый земледелец, который, желая расположить сыновей своих к земледелию, сказал им: дети, видите, как я разбогател? Будете богаты и вы, если послушаете меня. Они сказали ему: «Умоляем тебя, батюшка, скажи нам, как это?» И он, чтоб отклонить их от лености, употребил такую хитрость, сказав им: «Есть в году один день, в который, если кто будет работать, непременно разбогатеет; но какой именно, я забыл от старости. Итак, не оставляйте без работы ни одного дня, чтоб не пропустить сего благословенного дня и не сделать тщетными труды целого года». Так и мы, если будем непрестанно делать, то обретем путь живота».

Брат спросил старца: «Отчего это я, когда выхожу на работу, нерадею о душе своей?» — Старец сказал ему: «Оттого, что не хочешь исполнять слов Писания, которое говорит: «благословлю Господа на всякое время, выну хвала Его во устех моих» ([Пс. 33:2](#)). Итак, в келлии ли будешь, или вне ее, или пойдешь куда — не переставай благословлять Бога. Не словом только, но и делом и помышлением славь Владыку своего. Ибо Божество не описывается местом, но, будучи везде, все объемлет Божественною Своею силою».

Один брат говорил: «Спросил я старца, что мне делать с своим нерадением? — И старец сказал мне: если не искоренишь малой сей травки, то есть нерадения, то из нее вырастет большая соломина».

Сказал старец: «Когда говоришь кому наставления о том, как жить, то говори слушающему с сокрушением и слезами. Притом еще, желая спасти других, не говори словами чуждыми (спасения, или чужими), чтоб иначе до самой смерти не остаться тебе бесплодным».

Сказал старец: «Куда ни пойдешь, внимай непрестанно себе, ибо написано: «еродиево жилище предводительствует ими» ([Пс. 103:17](#)), то есть куда ни пойдет монах, там его жилище. Итак, везде старайся исполнять правило свое и часы и вечерние молитвы, — а также и о помыслах не неради, и всегда имей скорбь пред очами своими. Все же сие без труда не может быть приведено в исполнение».

Опять сказал: «Будь как верблюд: носи грехи свои и, как привязанный, последуй знающему путь Божий».

Некто из старцев сказал: «В большее зло мы впадаем потому, что пренебрегаем меньшим. Обрати внимание на это слово — рассмеется, например, кто безвременно, другой осудит его;

тот, забыв всякий страх, скажет уже: «Да это ничего, ибо что значит — рассмеяться?» От сего, наконец, рождается кощунство, а отсюда — скверные дела и беззакония. Таким образом, чрез то, что кажется малым, лукавый вводит в больший грех, а от большого греха недалеко до отчаяния; отчаяние же богопротивно и пагубно. Не столько губит грех, сколько отчаяние. Ибо покающийся исправляет свой грех, а отчаявшийся погибает. Велик грех — отчаяние. Итак, не будем пренебрегать малым. Враг с лукавством внушает его нам потому, что если б он начинал брань открыто, то легка была бы борьба и удобна победа, особенно если будем бодрствовать. Она действительно легка нам, ибо Бог дал нам всеоружие. Желая, чтоб мы не пренебрегали малым, послушай, что заповедует Он: «сказавший, — говорит, — брату своему: уроде, повинен есть геенне огненной» ([Мф. 5:22](#)); смотрящий похотливыми очами есть блудник ([Мф. 5:28](#)); «смеющимся» присуждает — «горе» ([Лк. 6:25](#)) и угрожает ответом за всякое праздное слово. Посему и Иов очищал жертвами помышления детей своих ([Иов. 1:5](#)). Зная сие, будем стоять твердо против прилогов, и не падем никогда».

Некто из святых сказал: «Невозможно человеку вкусить сладости Божией, пока он еще находит сладость в сластях мира сего; также когда вкусит кто сладости Божией, то возненавидит все блага века сего, как написано в Евангелии: «никтоже может двема господинома работати» ([Мф. 6:24](#)). И мы, пока желаем связей с людьми и утешений телу, дотоле не можем достигнуть вкушения сладости Божией. Но вот что говорю: если кто в настоящее время будет сидеть в келлии своей, пребывать в подвиге молчания и молитвы и дело свое совершать от души, то может спастись».

Сказал старец: «Не полагай трапезы прежде времени, когда ты один; не говори прежде, нежели спросят тебя, и, когда спросят, говори должное с разумом».

Сказал старец: «Видишь, что диавол первый удар нанес Иову чрез имение его; и, видя, что он не отступил от Бога, нанес другой — на тело его. Но и таким образом сей мужественный борец не согрешил словом уст своих, ибо имел внутри блага Божии и всегда (вкушал их) пребывал в них».

Сказал старец: «Как входящий в мироварницу, хотя ничего не купит, но все же причащается благоухания, так и приходящий к отцам; ибо если он захочет быть делателем, то они показывают ему путь смирения, и это бывает для него стеною во время нападения демонов».

Брат спросил старца: «Отчего это — что делаю в келлии своей все должное, но не обретаю утешения от Бога?» — Старец говорит ему: «Это бывает с тобою оттого, что ты проводишь дни без притрудности и исполняешь только волю свою». Брат говорит старцу: «Итак, что же посоветуешь мне делать, отче?» — Старец говорит: «Поди, прилепись к человеку, боящемуся Бога, смири себя пред ним и отдай ему волю свою, и тогда обретешь утешение от Бога».

Брат просил старца: «Скажи мне слово назидания». — И он сказал ему: «Не живи с еретиком, удерживай язык и чрево и, где ни будешь жить, чаще говори: странен есмь».

Часто говорил еще блаженный: «Не знаем мы, люди, как сделать, чтоб нас любили и почитали, но потеряли разум свой. Если мало кто потерпит на брате своем, когда тот гневается или скорбит на него, то он скоро придет в себя и, узнав, как тот потерпел на нем, самую душу свою положит за него. При сем припомнил блаженный такой случай. Один брат имел авву весьма кроткого, которого за великую добродетель и чудеса, какие он творил, вся страна почитала как Ангела Божия. Однажды, по действию врага, брат сей подошел к старцу и при всех начал крайне злословить его. Старец стоял и смотрел только на уста его, потом сказал: «Благодать Божия в устах твоих, брат мой!» Тот еще более стал бесноваться и говорил: «Знаю я, глупый тунеядец, ты говоришь это для того, чтоб казаться кротким». Но старец сказал на это: «Поистине, брат мой, что ты говоришь — справедливо». Некто спросил после сего старца:

«Неужели ты не смутился, старец Божий?» Он отвечал: «Нет, но чувствовал в душе своей, что она как бы покрываема была Христом». И поистине должно благодарить таковых и почитать их: тому, кто страстен — врачами, врачующими раны души его; а тому, кто бесстрастен — благодетелями, доставляющими ему Царство Небесное».

Говорил опять блаженный: «Когда я был еще в Тирском монастыре, прежде перехода моего оттуда, пришел к нам один добродетельный старец, и мы начали читать достопамятные сказания о святых старцах (ибо блаженный любил прочитывать их и почти дышал ими, отчего и собрал из них плод всякой добродетели). Когда дошли мы до того старца, к которому пришли разбойники и сказали: «Мы положили взять все, что есть в келлии твоей». Старец сказал им: «Возьмите все, что вам покажется, дети». Они взяли все и ушли, оставя одну сумку. Старец взял ее, погнался вслед их и кричал: «Дети! возьмите от меня, что вы забыли в келлии нашей». Тогда, удивясь незлобию старца, они возвратили ему все в келлию и, раскаявшись, сказали друг другу: «Истинно, это человек Божий». Когда мы прочитали это, старец сказал мне: «Знаешь, авва, это сказание много принесло мне пользы. Говорю ему: «Как, отче?» Он отвечал: «Во время пребывания моего в местах, прилежащих Иордану, я, прочитав однажды сие место, удивлялся старцу и сказал: Господи! сподоби меня следовать по стопам тех, которых образ принять Ты сподобил меня. Это чувство соревнования не оставляло меня, и вот, спустя два дня, нападают разбойники. Когда они постучали в дверь, я узнал, что это разбойники, и сказал сам в себе: «благодарение Богу! Вот время показать плод сореваемости. Отворив (дверь), я принял их ласково и, зажегши светильник, начал показывать им вещи, говоря: не суетитесь, я ничего не скрою от вас. Они говорят мне: «Есть ли у тебя золото?» — «Да! — сказал я. — Есть три монеты», — и открыл перед ними сосуд. Так они взяли и пошли с миром. Я же, — говорит с улыбкой блаженный, — спросил его: «А возвратились они, как те, кои были при том старце?» — «Не дай, Боже! — проворно отвечал он. — Того разве я желал, чтоб они возвратились?!» Вот что доставили старцу его сореваемость и готовность на все, что он не только не скорбел, но еще радовался, что сподобился такого блага.

В прежней беседе, говорит блаженный, я сказал вам, что если мало потерпим брату нашему гневающемуся, то приобретем душу его. Теперь расскажу вам на сие одну историю, которую слышал от блаженного Сергия, игумена Педиадского. Вот что он рассказывал мне. «Некогда шли мы с одним святым старцем и сбились с дороги; не зная куда идти, мы попали на сеявцу и потоптали немного зелени. Заметив это, земледелец, который случился там тогда на работе, начал сильно бранить нас и говорить с гневом: «Вы, монахи! боитесь вы Бога? Если б вы имели страх Божий пред очами, то не сделали бы этого». В ту минуту тот святой старец сказал нам: «Ради Господа не говорите ничего», а тому отвечай с кротостью: «Правду ты говорил, чадо: если б мы имели страх Божий, не сделали бы сего». Тот опять бранил нас с гневом. И старец опять сказал: «Истину говоришь, что если б мы были монахи, то не делали бы сего. Но, ради Господа, прости нам, согрешили мы». Тогда в изумлении он бросился в ноги старцу и сказал: «Прости меня, ради Бога, и возьми меня с собою». Вот что, сказал при сем блаженный Сергий, с Божию помощью могли сделать кротость и доброта сего святого. Спасти созданную по образу Божию душу, которая вожделенна Богу более, нежели тьмы миров с богатствами их».

«Однажды, как я, — говорил блаженный Зосима, — был у него (Сергия), он сказал мне: прочитай нам что-нибудь из Писания. Я начал читать притчи и, когда дошел до места, где говорится: «во множестве дров возгорается огонь, а идеже несть гнева, безмолвствует брань» ([Притч. 26:20](#)), спросил его: что значит это изречение, отче? — он сказал мне в ответ: «Как дрова суть причина пламени огненного, и, если не положить их достаточно, огонь погасает, так есть свои причины и страстей, и, если кто отсечет сии причины, страсти не действуют. Именно: причины блуда, как сказал авва Моисей, суть принятие пищи и питья до сытости, спанье в

довольство, праздность, забавы, пустословие и щегольство. Если кто отсечет все сие, то страсть блуда будет бессильна». Опять, причины гнева, как он же сказал, суть: давать и брать, творить волю свою, любить учить и почитать себя разумным. Если кто отсечет сие, то страсть гнева не будет иметь в нем силы. И это-то значат слова аввы Сисоя, какие сказал он, когда брат спросил его: «Почему страсти не отступают от меня?» — «Сосуды их, — говорит он, — то есть причины, суть внутри тебя. Отдай им залог их, и они отойдут». Двоегневный, в коем не умолкает брань, есть тот, кто не довольствуется первым раздражением, но сам разжигает себя ко второму гневу. Именно: если кто, воспламенившись гневом, тотчас опомнится, осуждает себя, пусть и кается пред братом, на которого погневался, таковой не называется двоегневным. В нем умолкает брань, коль скоро он осудит себя и восстановит мир с братом; в таковом не имеет места брань, как я сказал прежде. Но кто, разгневавшись, не опомнивается, но более и более сам себя раздражает на гнев, и раскаивается не о том, что разгневался, но что не наговорил более, нежели сколько наговорил в своем раздражении, таковой называется двоегневным. В нем брань не умолкает, ибо после гнева берут его в свою власть злопамятство, вражда и злоба. Но Господь Иисус Христос да избавит нас от части таковых, и да сподобит части кротких и смиренных».

Часто говорил он, что великое трезвение и немалая мудрость нужна против хитростей диавола. Ибо бывает, что он из-за ничего приводит иного в раздражение; бывает и то, что он представляет благословный предлог, чтоб казалось иному, что он справедливо гневается. Но все сие совершенно не свойственно тому, кто истинно желает шествовать путем святых, как говорит святой Макарий: монахам не свойственно гневаться. И опять: не свойственно оскорблять ближнего. При сем рассказал нам следующее: «Однажды я заказал написать некоторые книги одному искусному писцу. По окончании писания он присылает сказать мне: «Вот я окончил книги, пришли сколько тебе рассудится и возьми их». Один брат, услышав о сем, пришел от имени моего к сему писцу и, дав известную плату, взял книги. Между тем и я, не зная того, послал нашего брата с письмом и платою, чтоб взять их. Писец, узнав из того, что осмеян, сильно возмутился и сказал: «Непременно пойду и отмщу ему по двум причинам: и за то, что он посмеялся надо мною, и за то, что взял не свое». Услышав о том, я послал сказать ему: «Знаешь, брат мой, что мы приобретаем книги для того, чтоб научиться из них любви, смирению, кротости; если же приобретение книг в самом начале ведет к ссорам, то я не хочу иметь их, чтоб не ссориться, ибо «рабу Божию не подобает свариться» ([2 Тим. 2:24](#))». Таким образом, отказавшись от книг, я сделал то, что брат не был вконец побежден гневом».

Однажды, сидя с нами и беседа о душеспасительных вещах, блаженный начал приводить изречения святых старцев и, дошедши до изречения, сказанного аввою Пименом, что осуждающий себя находит покой повсюду, и до того, которое сказал в ответ один авва горы Нитрийской, когда его спрашивали: что более всего обрел ты на сем пути, отче? — «Обвинять и укорять, — отвечал он, — себя самого всегда», — причем, когда вопрошавший прибавил: и нет другого пути, кроме сего? — сказал: «Какую силу имеют слова святых! И поистине, что ни говорили они, говорили от опыта и истины, как учит божественный Антоний. Потому-то они (слова) и сильны, что изречены делателями, как говорит некто из мудрых: слова твои да подтверждает жизнь твоя». При сем он рассказал нам следующий случай: «Во время краткого моего пребывания в лавре аввы Герасима сидели мы однажды с возлюбленным мне братом и беседовали о душеполезных предметах. Я припомнил сии слова аввы Пимена и того другого старца. Брат сказал мне при сем: «Я узнал опытно истину сих слов и вкусил покоя, доставляемого исполнением их. Был некогда в сей лавре один диакон, с коим я жил в искренней дружбе. Не знаю отчего, он возымел на меня подозрение в одном деле, оскорбился тем и начал смотреть на меня мрачно. Заметив эту мрачность, я просил его объяснить мне причину, и он

сказал: ты сделал такое и такое дело. Не сознавая в себе совершенно, чтоб сделал такое дело, я начал уверять его в своей невинности, но он говорил мне: прости — не удостоверяюсь. Удалясь в келлию свою, я начал испытывать сердце свое — сделано ли мною когда такое дело, — и не находил. Потом, когда увидел, что он берет потир и подает, побожился ему на нем, что не делал того, но он опять не уверился. Тогда, снова вошедши в себя, я вспомнил о сих словах святых отцов и, в полной вере истине их, обратил помысл свой на себя и сказал: сей искренний мне диакон любит меня и, движимый сей любовью, открыл мне, что имеет сердце на меня, чтоб я трезвился и берегся впредь делать то. Но, бедная ты душа, зачем говоришь, что не сделала такого дела? Тысяча злых дел сделано тобою, и ты забыла о них. Где то, что ты сделала вчера, или за десять дней? Помнишь ли то? Итак, не сделала ли ты и сего, как то (сделала) и забыла, как (забыла) прежде? Таким образом, я положил в сердце своем, что истинно сделал то, но, как забыл прежде, так (забыл) и сие, и начал благодарить Бога и диакона, что чрез него удостоил меня Господь познать грех свой и раскаяться в нем. Потом встал в таких помышлениях и пошел сознаться пред диаконом и поблагодарить его. Но лишь только я постучал в дверь, как он отворил и первый, положив поклон, сказал: прости меня, я поруган демонами, заподозрив тебя в деле том, ибо истинно удостоверил меня Бог, что ты не виновен в нем, и не допустил меня более удостоверить его, говоря: в этом нет уже нужды. После сего сказал блаженный: «Вот как искреннее смирение расположило сердце сего брата, что не только не соблазнился он на диакона и не оскорбился на него, — первое за то, что заподозрил его; второе, что, будучи удостоверяем им, не принял удостоверения, — но еще самому себе приписал грех, — мало того, возблагодарил его!» Потом прибавил: «Видите, что делает сия добродетель? На какие степени преспеяния возводит любящих ее! Ибо если бы он захотел, то тысячи поводов возымел бы чрез диакона к тому, чтобы сделаться демоном; но как он устремился к добродетели, то не только не оскорбился на него, но еще возблагодарил. Так добродетель объяла его сердце». Так, если и мы предварительно зложим в сердце своем семена кротости и смирения, то для врага не будет места сеять в нем злые семена. Ибо он тогда только наполняет нас своим злом, когда находит нас пустыми — не имеющими никакого благого помышления, или паче раздражающими самих себя на злобу и тем подающими ему к тому повод. Как, напротив, при добродетели, когда видит Господь, что душа жаждет спасения и воздвывает в себе благие семена, то ради благого ее расположения, наполняет ее своими дарами».

Некогда, припомнив о старце, которого окрадывал живший по соседству с ним брат и который, зная то, никогда не обличал его, но еще более трудился, говоря: может быть, брат имеет нужду, дивился милосердию святых и рассказал при сем такой случай: «Во время пребывания моего в Педиаде, вот что рассказывал мне один из игуменов. Близ киновии нашей жил один старец, весьма благой души. Ему соседствовал брат. В отсутствие старца брат сей, соблазнившись, отпер его келлию и, вошедши, взял вещи его и книги. Когда старец возвратился и, отворив келлию, не нашел вещей своих, пришел к тому брату сказать ему о сем и застал вещи свои посреди келлии, потому что брат не успел упрятать их. Не желая пристыдить брата и обличить его, старец показал вид, будто схватил его живот, и, вышедши, пробыл на дворе довольно времени, как бы ради нужды, пока брат прибрал его вещи. После сего, возвратясь, старец начал говорить ему о другом и не обличил брата. Чрез несколько дней были узнаны вещи старцевы; взяли того брата и посадили под стражу, между тем как старец не знал о том. Услышав потом, что брат в темнице, не знаю по какой причине, пришел ко мне, говорит игумен, ибо он учащал к нам, и просил: «Сделай милость, дай мне несколько яиц и немного чистого хлеба». Я говорю ему: «Верно, у тебя ныне есть кто?» Он отвечал: «Да!» Между тем старец взял это для того, чтобы пойти в темницу и утешить брата. Лишь только вошел он туда, как брат падает ему в ноги и говорит: «За тебя я здесь, авва, ибо я украл вещи твои. Но вот книга твоя у

того-то, одежда у того-то». Старец говорит ему: «Да удостоверится сердце твое, сын мой, что я не ради этого пришел сюда и даже совершенно не знал, что ты здесь за меня, но, услышав, что ты здесь, опечалился и пришел утешить тебя, вот смотри — яйца и чистые хлебы. Успокойся же, теперь все сделаю, чтоб извлечь тебя из темницы». Пошел, упросил некоторых из набольших, коим был знаем ради своей добродетели, и они послали выпустить брата из темницы».

Рассказывали еще о том же старце, что однажды пошел он на рынок купить себе одежду. Купил и дал одну златицу. Оставалось ему приплатить несколько монет. Он взял одежду и положил под себя; но, между тем как отсчитывал мелочь на дощечку, кто-то подошел и пытался вытащить одежду. Почувствовав то, старец понял и, имея крайне милосердное сердце, приподнимался мало помалу, как бы за мелочью, пока тот не вытащил одежды и не ушел, и старец не обличил его.

Чего стоила его одежда, говорил при сем блаженный, или вещи, коих он лишился? Но велико расположение. Ибо он показал, что, имея их, он был таков в душе, как бы ничего не имел. Внимания не обращал, когда их похитили, и оставался неизменным, не скорбел, не раздражался, ибо, как я говорю вам всегда, — не то вредит, чтоб иметь, но иметь с пристрастием. Сей, хотя бы весь мир имел, пребыл бы таким, как бы не имел ничего. Ибо тем, что он сделал, показал себя свободным от всего.

Милость Божия буди с вами! Спешу поправить вашу ошибку, вы взялись хлопотать о тех бреднях Л. Толстого, которые у меня уж есть. Я прописал их вам. Теперь удостоверяюсь, что больше нечего искать. Что вы начали было переписывать, — пустая вещь, как вы и сами увидели. Не хлопочите более... И того достаточно, что у меня. Всем писаниям Л. Толстого противохристианским подпись: бредни белогорячечного. Он полагает, что и систему вероучения можно так же легко склеить, как он склеивал целый век свои романы и повести. И начал городить, и нагородил таких пустяков, что уши вянут. Слушайте: все христианские догматы он отвергает, Пресвятую Троицу не исповедует, ни творения, ни промышленности не признает; не верит, что было райское состояние прародителей и падение их, оттого далее отвергает воплощение Бога Слова, искупление и благодатное восстановление верующих в Господа в светлое состояние, поносит Святую Церковь, святые таинства, святых отцов, святые Соборы. И будущей жизни у него нет.

Видите?! Хоть шаром покати... Что же у него есть? Есть ли Бог? — Нет. У него нет Бога. Есть какая-то общая жизнь; но она не может быть признаваема Богом. Следовательно, он безбожник, — как и был всю жизнь.

Что есть у него Христос Спаситель? — Не поймешь, что Он у него. Но видно, что Он у него не есть Бог воплотившийся... есть только Сын Человеческий.

Судите сами после сего, стоит ли нежничать с таким изувером.

Посмотрите, как должно судить о нем по Писанию.

Он составил новое евангелие — плутовское... Цитаты ставит из наших Евангелий, а мысли вводит совсем не евангельские. — Следовательно, «евангелие» его «ино» от нашего. Святой апостол Павел сказал о таковых: если кто начнет новое евангелие проповедовать, отличное от нашего, тот — анафема ([Гал. 1:8—9](#)). Стало быть, и Лев Толстой — «проклятый» есть.

Святой Иоанн евангелист пишет, что, «кто не исповедует Господа, во плоти пришедша», — то есть что Он есть Бог воплотившийся, тот «есть антихристов» и «сам антихрист» ([1Ин. 4:3](#)). Таков и Л. Толстой — антихрист и антихристов, из стада антихристова. Ибо не верует в воплощение Бога.

Святой Павел некоего волхва, противоречившего его проповеди, обозвал: «сын диавола, враг всякой правды» ([Деян. 13:10](#)). Так вот титла Л. Толстого: проклятый, сын диаволов, антихрист! — Я тут ничего не прибавляю от себя. Этот суд — апостольский. А что он падает на Толстого, — сами видите...

После сего, если б в «Православном Обозрении» и назвали его как-нибудь некрасиво, что дивиться? — Но в «Православном Обозрении» пишется критика, и критик с полным уважением относится к сему изуверу. Те, кои говорили вам об этом иначе, верно не читали критики сей. Прочитайте, и увидите сами. Прочитайте. Стоит... На критика недовольны оттого, что он выворачивает Толстого наизнанку.

Я не стал бы нежничать. И если б стал писать, иначе не называл бы его как апостольскими словами.

И вы разнежничались... За это бранить вас следует... Кто нежничает с изуверами, тот делается причастным их изуверству. Апостолы и здороваться с такими не велели, ни хлеба-соли водить.

Неужели и вы захватили немного белой горячки?! Пишете, что неверующих бессмертию — нельзя осуждать: никто на небе не был... Кто верует в Господа Спасителя, тому нельзя не верить в будущую жизнь. Будущая блаженная жизнь стоит в числе существенных обетования веры

нашей. Кто сему не верит, тот не христианин. Прибавлю: тот и не человек; ибо вера в загробную жизнь обща всем людям, и все ее имеют... исключая, конечно, белогорячечных.

Вот мудрая речь: «много есть, что понять нельзя», — прибавляйте только всегда: «что, однако ж, есть истинно». Затем-то в руководители нам дал Бог не разум, а веру. Основую же веры положил Он не постижение того, во что веруем, а приятие того с убеждением, потому что Бог так сказал; Бог же есть Истина. Видите, какая у нас крепкая основа! Бог истинен, таково и слово Его. Разуму же предписывается подклонить вью свою под иго веры. Кто не подклоняет, а, кичась, допрашивает, почему то — так, и это — этак, тот не стоит на истинном пути, — не в числе Божиих... а...

Вас удивляет: «Бог милосерд... а все страдают»... — Замечаете ли, что тут — кривотолк?! Не все страдают... Страждущих очень незначительная часть. Под страждущими разумею — внешне страждущих: бедных, бедствующих, больных и подобных. Внутренне страждущих больше. Но тут — своя вина, очевидная. Во внешне страждущих тоже есть такие, кои сами виноваты. А есть и такие, коих страдания вина не видна. Ко всем, кои сами виноваты, скажем: кто виноват... Выделите из числа тех, кои, как кажется, страдают невинно, тех, кои виноваты сами, хоть это не видно. За тем ваше: все страдают — сузится в весьма незначительный кружок... К тому же все ли, кажущиеся страждущими, действительно страдают?! Вы меряете по своей мерке: вам подай пару рябчиков, а то умрете, а другой... съел лопот хлеба с водою и доволен... Это я мимоходом прописал, что счет у вас неверен. А следует сказать только: веруете ли в Бога? — Если веруете, должны веровать и в промышление Божие. И поелику Бог всеблаг, всеправеден и всепремудр, то должно веровать, что все случающееся есть и премудро, и благостно, и праведно. Остается только недоумение: что не понятно, как это... Но на деле иначе сему и быть нельзя, ибо помышления Божии от мыслей наших отстоят, как небо от земли. Кто же веры такой не имеет, тому сколько хочешь толкуй, не удовлетворится, ибо до ясного узрения помышлений Божиих не может дойти...

Что спиритизм? — бесовство. Бесы морочат... Из Санкт-Петербурга писала одна красавица, что спирит некто стал при ней спиритить, желая показать ей дивность спиритизма. А она стала читать: «да воскреснет Бог». Тот посидел-посидел... без толку, и сознался: нет, нейдет, вы неверующая. Она же истинно верующая, а не верует спиритским бесовским хитростям. На Кавказе же был такой случай, что благочестивое семейство увлеклось спиритством: муж, жена, брат мужа и еще кто-то... и начали добывать откровения... Наконец встретилось какое-то сильное противоречие в показаниях. Они — пытаться того, кто говорил. Он отвертывался, но неудачно. Кто-то из заседавших обратился к нему с такою речью: заклинаю тебя именем истинного Бога, скажи нам: кто ты? — Тот отвечал: я бес. — Что же ты нас морочишь? — В надежде, — отвечал он, — навесьть вас или на мысли ложные, или на дела недобрые... С тех пор семейство то распростилось с спиритизмом.

Будете писать к А. А. К. — передайте ему мой поклон и полные благожелания. Спасайтесь!

Еп. Феофан. 22 мая 1886 г.

Милость Божия буди с вами!

Премного благодарен, что сходили осведомиться о жидкости и прислали весть. А я сначала думал прямо выписать. Вот бы вышла история. Благодарствую.

Вы виноваты в нежности к Толстому в том смысле, что изъявили неудовольствие, как так бранят... а с него шкуру еще надо содрать.

Надо в простоте сердца верить всему. Читайте чаще *Символ веры* и о каждом слове думайте... каждый день... и все светло станет. У вас там такая смесь верований, что голова закружится. Не слушайте... А когда кто заврется... и вы сильны одолеть, выдерите ему глаза...

К спиритам не ходите. Это бесовские слуги. Раз-два скажут дело, а потом начнут врать и

обманывать. — О сестре молитесь Богу... и Бог поможет ей пробудиться... Старость, точно, много убавляет горячности.

Не Молчановская, — а Молченская есть икона Божией Матери в Молченской Софрониевской пустыни, Курской губернии. Рисунок ее очень хороший...

Есть книжка, где собраны рисунки всех чудотворных икон Божией Матери. 11, 179. Издана в Москве в 66 году. Тут и краткие о них сказания.

Благослови вас Господи! Спасайтесь!

Ваш богомолец Еп. Феофан. 21 июля 1886 г.

Милость Божия буди с вами!

Запоздал я вам ответом. Прошу извинения.

Вы в Тамбове, и еще не знаете, тут ли останетесь или опять в Москву отправитесь...

В Тамбове ли, в Москве ли, дело у нас одно — душу спасти и Богу угождать. Как? — Волю Божию исполняя. Дело просто и всегда под рукою... Вот-вот смерть! Надо позаботиться о готовности на смерть.

Все это вы знаете. И то знаете, что будет тому, кто идет против воли Божией? — Теперь спрошу вас, как это вы, зная то, бунтуете против Бога? Ибо кто говорит: «просишь, надеешься на Бога, а все делается наоборот», — тот укорную Богу речь ведет. И это тем страннее, что тут же стоят слова ваши: «все Господь спросит». Если все Господь спросит, то все должно признавать премудрым и благим. Ибо Господь всегда премудр и благ. В этом же вы должны найти и решение недоумения: отчего — «просишь, а делается наоборот». Оттого, что то, что просим, иной раз не согласно с премудростью и благостью Божиею, и не только бесполезно, но еще и пагубно для нас. Что таково в прошениях наших, того не исполняет Бог. А бывает и так, что хотя просимое нами бесполезно для нас, но не пришло еще время исполнить. «Просишь, а не исполняется». Но подождите, и исполнится.

Можете подумать: «нечего и просить». Дурное думание! Господь сказал: «просите, и дастся» ([Мф. 7:7](#)). И еще: «бдите и молитесь» ([Мф. 26](#) и др.). И еще: терпите в молитве и не досадуйте, что не исполняется. — Если так заповедал Господь, надо исполнять. И мудровать нечего. Приложите уверенность, что даже и тогда, когда не исполняется просимое в молитве, молитва не пропадает даром. Ибо вместо просимого Бог дает другое что. Перестаньте же бунтовать... Ропот на Бога есть страшный грех. Напротив, водрузите в сердце преданность в волю Божию и в сей преданности молитесь усердно, говоря всегда: «однако ж не моя, но Твоя да будет воля» ([Мф. 26:39, 42](#)).

Перестаньте вы водиться с спиритами. Тут вражья кознь. Враг раз скажет правду, а 10 раз солжет... раз на добро наведет, а 100 раз на зло.

Что вы сказали о Толстом — то суцая правда. Он бредит, как в белой горячке. Врет и врет! Ни на какую не смотря очевидность, противную тому.

К. — ко мне не пишут. И мне нечего отвечать. Если пишете к ним, поклон от меня пропишите.

Спрашиваете, не нужно ли что? — Пока ничего; всего вдоволь. Благодарствую. Благослови вас Господи! Спасайтесь!

Ваш доброхот Еп. Феофан. 4 июня 1887 г.

Разрешение сомнений и увещание держать святую веру без возражения (Письма к N.N.)

Милость Божия буди с вами! Насилу вы обо мне вспомнили! — Благодарствую! Поздравляю вас с праздником, а на новый год желаю вам обновления полного всею душою. Во всяком письме вашем бывает критика дел Божиих. И в последнем есть. — Когда же вы возьметесь за ум? Конечно, вам ведомо, что помышления Божии отстоят от мыслей человеческих, как небо от земли... Куда же нам с своим умишком лезть в судьи дел Божиих? Что под ногами, говорит Премудрый, чуть видим, куда же нам увидеть что повыше? — Верите вы, что Бог благ и праведен и премудр? Если да, то верьте, что и все в путях Промысла Божия премудро, праведно и благо; веруя же так, не позволяйте не только языку говорить, но и уму помышлять, будто у Бога идет что-нибудь не так. Что иное, может быть, идет не так, как вам желательно, этому нечего дивиться; но чтоб что-либо шло не так, как следует по-Божьему, этого быть не может. Извольте же пресечь свои критические замечания на дела Божии. Все они близки к хуле на Бога... Вот эту речь: «зачем Бог так гадко создал эту смерть?» — как назвать? — Это прямая хула. — Кайтесь и плачьте!

«Нужные люди умирают, а не нужные живут». — Кто вам сказал, что, если б шло дело по-вашему, было бы лучше?! — Я же верю, что было бы гораздо хуже... И что в отвращение сего худшего Бог сделал так, как случилось. Начните и вы так веровать, — и будете покойны... а главное, избежите греха хулы на Бога.

«Молятся о вразумлении заблуждших, а Бог не слушает». Вы наверно знаете, что не слушает? — Не можете сказать — да. Зачем же так говорить? Умы повсюду возвращаются к истине, — как слышу... студенты в наибольшей части и по образу мыслей, и по нраву держатся строго в порядке. Вспышка же нынешняя какая-то дурацкая... и, очевидно, кем-то совне возбуждена, так как произошла во всех университетах в одно время. Граф Л.Толстой давно потерял свое влияние... и служит предметом насмешек, как белогорячечный.

Спрашиваете, остаться ли в Москве? — Коли надеетесь, что будете полезны, оставайтесь. Бог благословит. Сами смотрите... Неужели нужен сторонний совет особе, дерзающей критиковать дела Божии?

Кто это вам наврал, что о. архимандрит меня теснит? — Он очень внимателен и попечителен.

Благослови вас Господи! — Здоровье мое исправно... Спасайтесь!

Ваш доброхот Еп. Феофан. 29 декабря 1887 г.

Милость Божия буди с вами!

Насилу вы вспомнили о Выше, а мне нередко очень желательно знать о вашем житье-бытье. Благодарю Господа, что вы здоровы и благодушествуете. Желаю вам и всегда пребывать и в добром здоровье, и покойном расположении духа.

Однажды вы изъявили, что с удовольствием встречаете новые книги. Посылаю вам такую книжку и желаю, чтоб она доставила вам духовное удовольствие и доброе назидание.

Впрочем, как увидите, книга эта не совсем нова: нова по форме, а не по содержанию. Впрочем, если вы не читали или читали кое-как Письма о христианской жизни, то она покажется вам новою.

Я хворал пустым хворанием, но долго: три месяца. Теперь конец настал хворанию. Осталось головокружение в самом слабом виде.

Желаю вам всего хорошего, утешительного и приятного.

Благослови вас Господи! Спасайтесь!

Ваш доброхот Еп. Феофан. 26 февраля 1891 г.

Милость Божия буди с вами! У вас горести... У кого же их нет? — Вся земля полна охающими. Если б наш слух был на минутку открыт, чтоб все услышать, с ума посошли бы все от шума... Так уж помириться с этим. Далее, «молюсь — и ничего не получаю». И в этом вы не одни. Все это испытывают, — одни больше, другие меньше... Вы говорите, что никогда ничего не получаю по молитве. — Этого ни с кем не бывает; и с вами не бывает. Вернее говорить, что вы не замечаете милостей Божиих. Но этого вина не вне вас, а в вас именно, не внимаете себе, и не видите, что Бог творит для вас. Но что-нибудь все же получаете. Есть большая сумма благ, коими наслаждается вся тварь, все человечество, все живые существа. Ими и вы наслаждаетесь. Но что скажете вы на вопрос: чувствуете ли вы сие благоденствие? По крайней мере, сознаете ли его? — И, сознавая, благодарите ли за это Бога? — Если все — нет, нет и нет, то вот вам и причина, почему не получаете особых милостей. А другая после этой, немалая, та, что просите того, что не спасительно для вас.

Помолитесь Богу и попросите Его поусерднее, чтоб Он дал вам верить, что все устроится волею Его и все к лучшему для нас, во благо нам, поверовавши восчувствовать то, восчувствовавши — благодарить за то. А то вы как безбожница!..

Благослови вас Господи! Я чувствую себя хорошо. — Холеры у нас нет. Где-то вдали от нас были случаи... но редкие, мимолетные.

Спасайтесь!

Ваш доброхот Еп. Феофан. 27 августа 1892 г.

Милость Божия буди с вами! О себе пиша, порадовали вы меня словами: все предала в волю Божию; буди Его святая воля! — Это самое лучшее расположение. Однако ж молиться все же надо. Молитва не одна просительная, и благодарение Богу — молитва, и славословие — молитва. И о том, чтоб все было по воле Божией, надо поминать в молитве... Так Спаситель молился в саду Гефсиманском, прибавляя: «обаче не якоже Аз хочу, но якоже Ты» ([Мф. 26:39](#)).

Бог везде есть, все видит и все слышит... Делает же для нас одно то, что для нас душеспасительно. Молитва Ему никогда не остается даром... Если не полезно для нас сделать, о чем просим, Он другое что сделает полезное. — Разве не слышали: «скорее мать забудет дитя свое, чем Я вас?» ([Ис. 49:15](#)) — Так думайте о всем случающемся, хотя не видите, почему то или другое полезно вам. Бог о том только и думает, как спасти каждого из нас, — и все к тому ведет...

Благослови вас Господи! Спасайтесь!

Ваш искренний доброхот Еп. Феофан. 20 октября 1892 г.

Милость Божия буди с вами!

Пришло мне на мысль — написать вам; бросьте вы свои хлопоты о теплом подряснике. Я ведь только непрерывным вашим докучаниям уступил, согласясь на желание ваше сшить что-нибудь...

Желаю вам здоровья и бодрости. А то вижу, что вы себя поставляете в ряд хилых.

Мое здоровье исправно.

Святую веру держите... без возражений. Вы охотница возражать. Враг пользуется этим и мутит вашу душу.

Бог дал нам Святую Церковь со всеми сокровищами своих благодатей. Учащайте в церковь. Вот пост: поговели б. От вас монастырь недалеко.

И читать святое надо... В душе светлее будет. Вы, кажется, все святые книги под лавку забросили. Все враг мутит.

Благослови вас Господи! Спасайтесь!

Еп. Феофан. 30 ноября 1892 г.

Милость Божия буди с вами! Разделяю вашу печаль о смерти сестры. Господь да пошлет вам утешение! И сами находите источники утешений в нашей святой вере. Божие о всех попечение больше и заботливее материнского. Потому, встречая, что кажется тяжелым и горьким, облакайте то утешительным верованием, что все такое посылается не на зло, а на добро... если не временное, то вечное. Восстановите сию веру, — и увидите плод.

И другой сестры болезнь переносите и ее учите переносить, — и обе благодумствуйте. Благослови вас Господи!

Ваш доброхот Еп. Феофан. 14 июня 1893 г.

Наставление святителя Феофана мирянину о молитвенном правиле (Собственноручная записка, неизвестно кому писанная)

Как проснешься и время вставать, тотчас вставай, не нежась на постели. Вставши, посиди немного, творя крестное знамение, и говори: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий! помилуй мя». — Потом обуйся, оденься, умойся; но все это время в мыслях Бога имей, говоря: «Господи, помилуй...» или: «Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе!» Не вертись, не рассеянничай... Затем становись на молитву... Сначала положи три земных поклона, говоря: «Боже, милостив буди мне, грешному». Потом читай положенные молитвы: «Царю Небесный...», «Святыи Боже» (Трисвятое)... «Отче наш...», «Воставше от сна...», «От одра и сна...», «Напрасно Судия...», «От сна встав, благодарю Тя, Святаи Троице...», «Помилуй мя, Боже...», «Верую...», «Богородице Дево, радуйся...», «Ангеле Хранителю», — и конец... положи три поклона земных, приложись к иконе или кресту, и еще — сидя или стоя, проговори 20 молитв Иисусовых. А если охота будет, и более. Читать молитвы неспешно, вникая в слова, читать умом, а не языком.

Днем часто читать: «Отче наш»... и «Богородице Дево»... и все время старайся помнить о Боге. И пред образами можно положить поклон, другой, третий, чтоб никто не видал.

Вечером, отходя ко сну, так молись. — Пред молитвою сядь и, сотворив крестное знамение, говори молитву Иисусову раз до десяти, пока соберутся мысли. Встань и положи три поклона, говоря: «Боже! милостив буди мне, грешному». Далее начинательные молитвы — от «Царю Небесный» и по «Отче наш». — Потом — молитвы на сон: «Помилуй нас, Господи...», «Господи, помилуй нас...», «Милосердия двери...», «Боже вечный...» и еще: «Помилуй мя, Боже...», «Верую...», «Богородице Дево...», «Ангеле Хранителю...» Вспомни, что сделал худого, и покайся... а за добро Бога благодари. И конец... Три поклона. Затем приложись к иконам... еще, сидя или стоя, проговори 20 молитв Иисусовых или более... Разденься скромно и ложись... Легши, не блуждай мыслями, а помни о Боге и говори молитву Иисусову, пока заснешь.

О священническом служении (Письмо к студенту Московской Духовной академии Д. И. Р.)

26 ноября 1891 г.

Милость Божия буди с Вами!

Пришло время, — и Вас занимает вопрос, какой избрать Вам путь жизни? Вы передаете это на мое решение, рассказав прежде, какие у Вас были об этом намерения. Ни один из представляющихся Вам путей не мешает делу спасения; оно совсем не зависит от путей, а от нравственного строя... Будь истинный христианин — и спасешься, в каком бы ни находился ты состоянии. Но Вам желательно знать, какой из этих путей более пригож для Вас к совершению дела спасения? — Это я не могу указать. Вам самим надо это решить. Общее решение предложил еще святой Павел, что не женящийся лучше делает, потому что ему свободнее пецися «о Господних» ([1Кор. 7:32](#)). Но это ограничивается словом Господа: «могий вместити» ([Мф. 19:12](#)). А эту возможность для Вас Вы одни можете решить. И решайте. Имеете свободу, ибо, по Апостолу, женящийся не грешит ([1Кор. 7:28](#)).

Священническое служение высокомногоценно и открывает пространное поле для деятельности. Тут предлежит не свою только душу спасать, но и других, и средства к тому и другому не под руками только, но и в руках. Но когда будете решать, возьмите во внимание не это одно, но особенно — житейскую сторону дела. Если помириться с нею, то решение может состояться скоро. Только трудно собрать верные сведения о настоящем положении священнического быта.

Когда будете решать, на какую дорогу ступить, поимейте во внимании прежние Ваши думания, которые похожи на решения. Пришло что-то новое — и развеяло прежнее. Извольте рассмотреть, что из всего, бывшего у Вас на душе, следует почитать фундаментальным и что — пришлым, навеянным. Потому что если это фундаментальное не будет уважено, то оно часто будет в жизни подавать голос укорный и разгонять покой.

Мне думается, что как у Вас мысли разделились, то Вам лучше по окончании курса взять место учительское, в семинарии или в училище, потому что и в училищах ныне содержание хорошее. Там еще Вы будете иметь свободу избирать путь жизни и более будете иметь возможности основательнее решить свое дело, потому что увидите жизнь как она есть.

Поставьте себе нормою — принять такое решение, к которому пристали бы все силы души. Из этого изойдет для Вас сила к перенесению всех трудностей, какие встретите на избранном пути, ибо в них ни на одном нет недостатка.

Благослови Вас, Господи, попасть на решение, сообразное с Его святою о Вас волею.

Ваш доброхот Еп. Феофан.

Вразумление заблуждающегося в вере (Письма к неизвестному Владыке)

Письмо первое

Преосвященнейший Владыко, Возлюбленный о Господе брат! Приношу Вам искреннюю благодарность за сообщение заметок о. Н. Просмотревши их, берусь сказать слово-другое, не спора ради, а ради того, чтобы показать о. Н. как выбраться ему на прямую дорогу, если б он захотел оставить свои плутания по распутиям. Читая его заметки, удивляюсь я немало, как такой умный человек среди бела дня блуждает. Добро бы жил где-нибудь в глуши, между какими-нибудь басурманами, и запутался в понятиях. Спросить не у кого и поговорить не с кем. А то он, живя в православном царстве, среди лиц право верующих, и даже среди лиц, особенно старающихся и думать, и жить по-христиански в совершенстве, где это он набрался таких мудрований? И отчего это он так упорно уклонился от истины и стоит в своем ложном мнении, что и говорить об них не хочет. Я убежден, говорит, нечего мне рассуждать, как писали Вы прежде.

Прекрасное дело — иметь убеждения. В этом жизнь ума, или знак силы и твердости его. Но убеждение не есть верное ручательство за знание истины. Можно с убеждением держаться ложных мыслей, как доказывают все еретики. Ибо они все не на конце языка имели свои лжи, а в сердце их носили и до того в них упорничали, что, и подвергаясь отлучению от Церкви, не соглашались оставлять их. Стало, убеждений нельзя оставлять без проверки. Надо верить их и тогда уже стоять за них упорно, когда по пробе окажется, что предмет их совершенно истинен. Долг всякого разумного человека — верить свои убеждения и даже почасту повторять сию проверку. Когда бы и о. Н. рассудил сделать это теперь, оставив на время свое предубеждение в стороне. И я пишу теперь именно с одною тою целию, чтоб указать к тому дорогу. Не берусь разубеждать его. Это умный человек сам сделает. Достаточно указать ему, как это сделать.

Он делает заметки на рассуждение г. Флоринского. Не читал этого рассуждения и не знаю, в какой мере несостоятельны его мысли об избранном им предмете. Но заметки о. Н. очевидно несостоятельны. Как бы плохо тот ни рассуждал, — все хорошо, ибо истина на его стороне. О. же Н. как бы умно ни писал против него, все худо, ибо мысль, им отстаиваемая, далека от истины.

Духов злых нет; да кажется, для него и добрых тоже нет. Но как это — не главное, а стороной у него высказано, то остановимся вниманием на первом.

Нет бесов. Почему же? Я искал доказательств на это в его заметках, — и ни одного не вижу. Он признает, что в Божественном Писании часто об них говорится, но что эти слова надо понимать не в собственном, а в переносном, по его образу выражения — в духовном смысле. Духовное понимание Писания, кажется, и есть если не источник, то поддержка заблуждения о. Н. Потому полагаю, что если б угодно ему было уяснить для себя, как должно понимать, толковать и разуметь Божественное Писание, то это прямо привело бы его к открытию своего заблуждения. Что он не уяснил для себя этого, доказывают все находящиеся в его заметках изъяснения изречений Писания. Везде у него излагается мысль Писания, как ему она представляется, и нигде не приводится ничего в подтверждение, верно ли то, что ему представляется.

Делаю на этот предмет выписку из пространного Катихизиса. В вопросах о Священном Писании, на стр. 16, пишется: что должно наблюдать при чтении Священного Писания?

Отвечается, во-первых — то, во-вторых — то, и в-третьих — «понимать оное должно согласно с изъяснением православной Церкви и святых отцев».

Решающий голос в понимании Писаний принадлежит поэтому Святой Церкви. Много об этом писать нечего... Так велено нам; так делают и все православные...

Хочет не хочет, а и о. Н. если он православным хочет быть, надо так же поступить.

И вот как ему следует идти к истине в отношении к предмету, о коем у нас речь.

Есть много мест Писания, в которых говорится о бесах как о личных существах. Как понимать сии места? — Так, как понимает Святая Церковь. А Церковь как понимает? — Смотри, как учит Святая Церковь о сих духах, и увидишь, как она понимает те места Писания. Ибо она в понимании Писания не отходит не от буквы только, но и от духа Писания; она прозревает и берет ту именно мысль, какую и Дух Святой имел при внушении святым писателям — написать то или другое.

А где узнать, как учит Святая Церковь о злых духах? — В том же пространным Катехизисе. Он есть сокращенное изложение учения православной Церкви. Он хоть у нас в России составлен, но принят и на Востоке всеми патриархиями. И есть потому голос всей Церкви православной.

Так вот, если ему угодно идти сим путем, то пусть сделает выписку из Катехизиса всех мест, где говорится о духах, и увидит, как веровать заповедала Святая Церковь. А затем — пусть и свои мысли согласит с тем. И будет он стоять в несомненной истине о сем предмете. Сделаю это за него. Выпишу из Катехизиса все сюда относящееся.

В первом члене, при толковании слова невидимых, говорится, что под сим разумеется «невидимый, или духовный, мир — Ангелы», то есть духи бесплотные, одаренные умом, волею и могуществом. Потом чрез несколько вопросов спрашивает, все ли Ангелы добры, и отвечает: «Нет, есть злые ангелы, которых называют дьяволами».

Из этого видно, что Церковь злых духов признает личными существами — с умом, волею и могуществом.

В третьем члене, стр. 41, говорится: «Откуда грех в человеке? — От дьявола. «Твори грех от дьявола есть, яко исперва дьявол согрешает» ([1 Ин. 3:8](#)).

От дьявола, то есть от духа, у которого есть ум, воля и могущество.

«Как грех перешел от дьявола к человекам? — Дьявол прельстил Еву и Адама и склонил их преступить заповедь».

Опять дьявол — отдельная личность духовная, с умом, волею и силою действовать.

Ниже чрез несколько вопросов следует:

«Как дьявол прельстил Адама и Еву? — Ева увидала в раю змия, который уверял ее, что если человеки вкусят плодов древа познания добра и зла, то будут знать добро и зло, и будут, как боги. Ева прельстилась сим обещанием и красотой плодов, и вкусила. Адам вкусил по ее примеру».

Не иносказание в сей истории падения видит Святая Церковь, а действительное событие, где чрез змия действовала духовная личность злая и прельстила Еву.

Ниже еще говорится, что «когда первые человеки исповедали свой грех пред Богом, то Бог, по милосердию Своему, дал им надежду спасения. Эта надежда состояла в том, что Бог обещал, что семя жены «сотрет главу» змия ([Быт. 3:15](#)), то есть что Иисус Христос победит дьявола, прельстившего человеков, и избавит их от греха, проклятия и смерти».

Очевидно, что, по разуму Церкви, побеждение дьявола есть отдельное действие Иисус Христово от избавления от греха, на нас лежащего и в нас действующего, хотя то и другое входят в экономию спасения, тем же Господом совершенного.

Отсюда выходит, что верования в бытие дьявола как личного существа составляет часть верования об искупительном действии Господа Иисуса Христа.

В изложении учения о таинстве Крещения, стр. 21, говорится: «Для чего бывает над

крещаемым заклинание? — Чтобы отогнать от него дьявола, который со времени греха Адамова получил к человекам доступ и некоторую над ними власть, как бы над пленниками и рабами своими!»

Это говорится после того уже, как сказано, что в крещении человек умирает для жизни плотской, греховной... Следовательно, тут дьявол — не грех, в нас живущий, но духовная личность, злая, с умом и волею.

В изъяснении седьмого прошения молитвы Господней, стр. 113, «избави нас от лукавого», говорится, что в сих словах «просим избавления от всякого зла... в особенности же от зла греха и от лукавых внушений и наветов духа злобы дьявола».

Очевидно, что дух злобы — дьявол — особая личность, а не грех в нас, о коем особо поминается.

Пересмотревши все эти места из Катихизиса, излагающего точное учение православной Церкви, нельзя уже оставаться в недоумении, как Святая Церковь учит о духах злых. Она признает их личными существами; и учение такое, по ее разуму, так существенно в составе догматов, что входит в дело искупления — главный пункт веры христианской.

После сего останется о. Н решить один вопрос для себя самого: следовать ли такому учению Церкви? — Отвечу за него: если он сын Церкви православной и хочет быть таким, то ему следует покориться Церкви Божией и принять сие учение, хотя бы оно казалось в ином не так понятно и не сходилось с привычными ему воззрениями на предметы духовные.

Когда во время крещения читал он Символ веры, то, конечно, с надлежащею мыслию читал и следующие в нем слова: «верую во едину, Святую, Соборную и Апостольскую Церковь».

А слова эти к чему его обязывают? — К полной покорности Церкви. Для подтверждения этого обращаюсь к тому же Катихизису.

В изложении учения девятого члена, стр. 65, читаем: «Что значит веровать в Церковь? — Значит благоговейно чтить истинную Церковь Христову, и повиноваться ей учению и заповедям, по уверенности, что в ней пребывает, спасительно действует, учит и управляет благодать, изливаемая от единой вечной главы ее, Господа Иисуса Христа». — Повиноваться Церкви стоит в неразлучной связи с повиновением Господу Иисусу Христу — главе ее. Пусть теперь о. Н решает для себя, хочет ли он быть сыном Церкви православной или нет? Если хочет, то должен повиноваться учению Церкви. Если сознает обязанность повиноваться учению Церкви, — а она учит, что духи злые — бесы есть, — то обязан принять покорно это учение, и все пункты сего учения, какие извлечены пред сим из Катихизиса, понимать так, как они изложены, без примеси своих мудрований.

Вот и все. Полагаю, что вопрос наш должен быть этим решен окончательно. Ибо коль скоро он сознает, что обязан слушаться Церкви, и послушается, то тотчас же откажется и от своих неправых мыслей о духах. А коль скоро не сознает своей обязанности покорствоваться учению Церкви, и не покорится, то с ним далее и рассуждать нельзя. Мы расходимся в началах и становимся один для другого иноязычными...

Не думает ли он легко о необходимости покорствоваться Церкви? — Нет. Это дело крайней важности. Кто Церкви не слушает, тот становится яко язычник и мытарь. Следовательно, вне спасаемых.

Мне приходилось слышать от одного умника: что мне Церковь? Я сам верую к Господу приступаю и чаю спастись. Уж и о. Н. не думает ли так?! Приступать-то можно, но примет ли Господь? Господь — глава Церкви. Церковь — тело Его. Одна глава, одно и тело. Кто не с телом, тот и не с главою. Это тело из всех верующих слагается, с собою живо соединенных. Если о. Н отделяется от единности верования, то отделяется от других верующих, отделяется и от главы ее — Господа.

Не думает ли он, что признавать или не признавать личное бытие духов есть малость в среде догматов? — Но кто нам скажет наверное, что малость и что не малость в предметах верования? — Одна Церковь сказала бы, если б захотела... А она не говорит этого, а только заповедует: так и так веруй, и ни к какому пункту не прибавляет: хочешь — веруй, хочешь — нет. Стало быть, нечего на это опираться. Ибо не можем угадать, малость ли это. Но по изложению учения о духах... из Катихизиса видно, что учение об них соприкасается с догматом об искуплении, которое есть сердце веры христианской. Следовательно, и помышление всякое надо отбросить, чтоб непризнание их бытия была малость.

К тому же непокорство Церкви — никогда не малость. Чего бы ни касалось это преслушание, преслушавший все есть яко язычник и мытарь.

Не обольщает ли его то, что, де, живу я строго, себе внимаю и с Господом веду беседу сердечную, и утешения духовного не бываю лишен. Если б была неправость во мне, ничего такого не мог бы я иметь. А если есть, то значит, что или я думаю о духах истинно, или если не истинно мое думание, то Господь смотрит на него снисходительно. Если есть что подобное, то это самая опасная для него сторона дела. Далеко не вхожу в это, скажу только, что кто бы что ни испытывал духовно и на какой бы степени ни стоял, никто не освобождается от того правила, как определять, истинно ли что или ложно. Определение истины одно — учение Церкви. Кто, помимо учения Церкви, захочет основываться в познании истины на своих чувствах и опытах духовных, тот вступает на широкую дорогу самопрельщения и всяких уклонений от истины. Даже если б видение кто какое видел или глас какой слышал, но, коль скоро возвещаемое сим путем несогласно с учением Церкви... надо решительно отвергать то, следуя слову Апостола: «аще Ангел с неба благовестит иное... то и ему анафема» ([Гал. 1:8](#)). Ибо то очевидно, что сей ангел — не с неба.

Так вот сел бы он да подумал, и решил — покориться учению Церкви, чтоб не подвергать опасности своего спасения.

Не понимаю, какая беда будет ему, если признает бытие духов? — Никакой. От этого благо будет, которое изойдет из единения с Церковью в образ мыслей о сем предмете. И утешение он доставил бы всем, которые его знают и жалеют, что он запутался в такой лжи. А если не признает — беда явная. Он отламывается от живого древа Церкви, как сухая ветка; а конец сего известен.

Я очень знаю, что ему не очень легко оставить свои понятия, может быть, давно содержимые... Но умный человек очень легко владеет собою. А беда погибели в отделении от Церкви — подгонит его на этот труд.

Что, может быть, многие места Писания о сем непонятны или трудно объяснимы, на этом я не останавливаюсь. У нас речь о бытии духов злых. Церковь признает их бытие, и нам надобно признавать. А в соприкосновениях к сему учению пусть и останется что непонятное, — что делать? Нам и не обещано всезнайство. При отвержении бытия духов гораздо более встретится непонятного и необъяснимого. Вместо света и упорядочения ума от этого только смятение мыслей и тьма.

Не останавливаюсь ни на какой его заметке в частности; замечу только еще об образе понятия Писания, которое он называет духовным и которое, по его мнению, одно и есть настоящее понимание, — что такое понимание настоящим называть никак не следует. Оно есть придаточное, и только позволительное, в своих пределах. Назначается оно к назиданию души; к определению же истины служить никак не может. Он называет его духовным; другие же обычно называют его переносным, или иносказательным. Так, как у него говорится об искушении Евы, о терпении Иова и подобном, можно думать про себя и другим предлагать в назидание; но самое дело все же надо признавать как оно было. Всякое действие Христа

Спасителя, в Евангелии описанное, можно применять к духовной жизни; но все это будет только применение, а самое действие остается в своей истине. У него же будто выходит, что коль скоро можно что истолковать духовно, то это понимание и есть настоящее, а историю уже к стороне. Истолковал он духовно дело Иова, и на том остановился, а историю уж будто можно и не во всех пунктах принимать. Истолковал он духовно обольщение Евы, то у него и истина, а история уже осталась не вся истина.

Если принять этот способ понимания, куда мы зайдем? — Вот молоканы — и все, что в Писании говорится о Святой Троице, о таинствах, о Святой Церкви, — все толкуют духовно, и будто правы они?! У мистиков такое толкование в большом ходу... Зато уж и путают же они!

Прямой смысл Писания есть буквальный. Где надо отступать от него, на это есть строгие правила. Удерживая его, делай себе потом и применение, какое хочешь. Но истина — прямая, в буквальном смысле. Отступи от него, и пойдешь путать. Иные, мало что трудное встретят в Писании, ну поскорее за иносказание братья. Оно очень удобно так отделяться, но познание истины от этого не выигрывает.

Вот что вздумалось мне сказать по поводу заметок о. Н. Не спора ради пишу все сие, а ради того, чтоб по силе моей указать путь к истине. Если Вашему Преосвященству угодно будет сообщить все сие о. Н. это не будет против моего желания.

Желаю ему от души — познать истину о духах и установиться в ней.

Письмо второе

Преосвященнейший Владыко, Возлюбленный о Господе брат! ответил уж слишком коротко. Первое впечатление от этого писания на меня было укор себе самому, что не умел хорошо выяснять дело и написал так, что о. Н. совсем другое увидел, нежели что хотел я ему напомнить. Передайте ему, пожалуйста, чтоб хорошенько вникнул в писанное. Выписки из Катихизиса там не главное дело, а только орудное. Исходная мысль моя есть — авторитет Церкви непререкаемый. Кто сын Церкви, тот должен слушать голоса Церкви. Голос Церкви в настоящее время для нас — в Катихизисе, и голос живой. Стало, кто сын Церкви, тот должен принять все учение, содержащееся в Катихизисе. Вот почему важен для нас Катихизис! И так легко отбиться от его авторитета нельзя.

Если о. Н. ясно увидел такой ход мыслей, то ему следовало ответить или так: я не признаю для себя обязательным слушаться голоса Церкви, или так: сознаю, что должен слушаться голоса Церкви, но не признаю Катихизиса выражением сего голоса.

В первом случае он сам себя отлучал бы от Церкви, самоохотно ввергая себя и во все пагубные от того последствия, кои Господь совместил в словах: «яко язычник и мытарь» ([Мф. 18:17](#)). Во втором — шел бы против того, что говорит сама Церковь. Вся живая ныне Церковь свидетельствует, что Катихизис есть выражение ее учения. Несмотря на это, можно бы еще уступить ему и сказать: ну, пусть, Катихизис — не голос Церкви... но где же нибудь он должен быть. Ибо Церковь есть и Церковь живая. Давай искать другого вестника об учении Церкви, только не оставайся в такой нерешительности, и главное — брось дух упорства, подогрей любовь к истине и, Бог милостив, увидишь ее! Если любишь истину, пиши в Синод всероссийский, пиши к Патриархам. Не думай, что они презрят тебя. Дадут тебе должное вразумление, только будь готов послушаться.

Так разобрал бы о. Н. ход дела хорошенько и по нему бы направил свои ответные слова. Мне думалось, что он так и поведет речь, а он — в сторону. Виню себя, что, верно, плохо выразился. И прошу его снова вникнуть и повести свои рассуждения, или, как кажется я и говорил, — поверку своего убеждения.

Он сказал, что не может предпочесть авторитетность Катихизиса свидетельству Духа. Этими словами сказано очень много.

Свидетельству Духа Бога кто смеет поперечить? Позволительно только поискать удостоверения, что предлагаемое свидетельство точно есть свидетельство Духа. Коль же скоро удостоверение дано, и удостоверение достаточное, то ничего уже более не остается, как покорно принимать то, о чем свидетельствует Дух. Имеем разительный сему пример в лице святых Апостолов. Приняли они неложную истину из уст Самого Господа; затем осенены были так осязательно Духом Святым, Который снова внутренно внушал им то же, что прежде внешне приняли от Господа. О Господе свыше был глас: «Того послушайте» ([Мф. 17:5](#); [Лк. 9:35](#)). О Духе Святом Сей Господь, Которого во всем слушать так гласно повелено свыше, сказал: «Он вас всему научит, и Мое все вспомнит вам и новое, что нужно, возвестит» ([Ин. 14:26](#)).

После таких удостоверений Апостолы не могли иначе поступать, как так, как они делали, говоря: «аще праведно есть... вас послушать паче, нежели Бога, судите» ([Деян. 4:19](#)). Хоть они, воспитанные в законе Моисеове, знали силу его и веровали, что «Моисеови глагола Бог», но не могли уже пребывать в том законе, получив новое повеление от Бога, осязательно удостоверенное, что закон уже престал и настало время нового закона веры. Бог говорил и в Иисусе Христе, и Дух Святой, учивший их, — от Бога. Им оставалось одно — говорить с кротостию: Бог повелел нам так учить, иначе не можем говорить, и душа и язык наш связаны обязательствами свыше. Вы можете делать с нами что хотите, но мы иначе говорить не можем. Если б им предложил кто: вот Катихизис наш — Церковь Божия, ибо иудейская Церковь была только Божия, и до пришествия Господа ее во всем слушать было обязательно для истинно верующих в Божественное откровение... как и Господь сказал... как учит вас, — слушайте... Если б кто сказал: вот Катихизис... его слушайте, то святые Апостолы правильно могли бы сказать: не можем авторитетность Катихизиса предпочесть свидетельству Духа. На этом непредпочтении авторитетности Катихизиса иудейской Церкви, на этой верности свидетельству Духа основана и святая Божия христианская вера...

Апостолы, нося в себе свидетельство Духа, предали все новозаветное откровение и вверили его Святой, основанной ими во всей вселенной Церкви. Их учение, изустно и письменно преданное и Церквию содержимое, и есть для нас истинное свидетельство Духа, которому ничего предпочитать не должно. Говорящий, что опирается на свидетельстве Духа, тогда только говорит это истинно, здравомысленно и неоспоримо, когда опирается на учение Господа и святых Апостолов Церкви, преданное устно и письменно! Другого свидетельства Духа Церковь, или истинно верующие, не знают и знать не должны.

Пойдем далее по этой линии понятий. Свидетельство Духа находится в новозаветном откровении, вверенном Святой Церкви. Истины сего откровения Церковь выражает в своем учении. Ибо она хранит предание; она толкует и Писание. Следовательно, учение Церкви содержит свидетельство Духа. Катихизис есть выражение учения Святой Церкви. Следовательно, Катихизис есть сокращенное выражение свидетельства Духа. Катихизис потому стоит в совершенном согласии с свидетельством Духа. Кто принимает катихизическое учение, тот принимает не что-либо противное свидетельству Духа, а то же самое, что свидетельствует Дух. Его чтить надо, как свидетельство Духа. Сказать: не могу предпочесть авторитета Катихизиса свидетельству Духа, — можно только в таком случае, если Катихизис не выражает сущности свидетельства Духа. Но быть таким Катихизису — вещь невозможная. Ибо он выражает учение Церкви живой, а учение Церкви живой есть выражение вещаний Духа. Сказать так есть то же, что сказать: Церковь потеряла истину. Но тогда и простись с истиною. Если нет ее в Церкви, то никогда уже ее не ищи... Не найдешь.

Так вот где настоящее свидетельство Духа! Прибавлю: и это есть такое свидетельство, которым должно поверять всякое другое проявление Духа, чтоб отличить истинное от ложного. Святые Апостолы носили в себе Духа, и слово их было несомненно свидетельством сего Духа. О

чем? — О всех тайнах Божиих. Апостол Павел говорит: «Божия никто не знает, кроме Духа Божия, Который испытует все, и глубины Божии». Потом прибавляет: «нам же Бог открыл есть Духом Святым» ([1Кор. 2:10—11](#)). Открыл все глубины Божии, не всего мира касающиеся, а главного дела проповеди — дела нашего спасения. Исходившее из уст Апостолов слово было решительным определением истины, вне которого — ложь и тьма. Потому, когда нужно было дать руководительное правило, как поверять вещания духов появившихся, тогда Апостолы пробным камнем положили для них проповеданное ими слово. Вот примеры этого.

Святой Павел основал Солунскую Церковь, предав ей истинное учение о всем, и о последних событиях мира. Когда он вынужден был удалиться из Солуни, там привзошли понятия о конце мира неверные, какие были между прочим распространяемы и такими лицами, которые говорили по движению духа. Узнавши об этом, Апостол пишет к ним, чтобы отнюдь никого не слушали, даже если бы кто утверждал, что говорит по движению или свидетельству Духа, и чтобы строго держались того, что устно им предано. Выходит, что слово апостольское есть мера истины и проба всех духов, истинны они или неистинны.

В первоначальной Церкви дары Духа Святого открывались разнообразно. Между ними дар ведения и разума, или учительства, всех был гласнее и приложимее к делу. Лица такого рода в собраниях поднимались по движению Духа и говорили речи. Прочие им внимали. Как движения Духа Божия сходны по проявлениям и с движениями естественного воодушевления под влиянием углубления в разительные истины, то их легко было смешивать и в сознании тех, у коих они были, и в понятии других, слышавших. Между тем, тогда как Дух Божий всегда есть Дух истины, дух человека может принять за истину и то, что кажется только истинным, а не есть. Почему в Церкви Божией был особый дар различения духов и особое правило, или норма, истины, по коей определяли, истину ли говорит тот, кто дает вид, что говорит по движению Духа, или предлагает свидетельство Духа. Какая это норма? — Это апостольское слово, точно определявшее истину. Что несогласно было с сим словом, то отметалось, хотя бы говоривший уверял, что говорит по внушению Духа. Случай в Солунской Церкви подтверждает это.

Второе на это указание имеем в словах святого Иоанна Богослова в Первом послании. «Не всякому духу веруйте, — говорит он, — но искушайте духи, аще от Бога суть» ([1Ин. 4:1](#)). Какие это духи? — Это люди, являвшиеся говорящими от Духа, предлагавшими будто свидетельство Духа. Какой же способ опробования, от Бога ли они? Внутреннее ли чувство говоривших, что в них дух... или другое что? — Не внутреннее чувство, а внешнее, преданное Апостолами слово истины. Святой Иоанн и не перечисляет всех истин, а указывает на главнейший догмат — воплощения Бога Слова... Но это сказать — значит все сказать. В этом все таинство веры и вся система догматов, то есть это значит то же, что сказать: поверяйте духов апостольским словом.

Этот способ опробования духов словом апостольским был столько решителен и исключителен, что святой Павел не поколебался под анафему подвесьть всех, кто бы начал учить что-либо не согласно с тем. «Аще мы или Ангел с неба благовестит вам паче, неже благовестихом вам, анафема да будет» ([Гал. 1:8](#)). И это — третье указание.

Итак, слово апостольское есть проба всех духов, от Бога ли они суть, истину ли говорят или морочат призраками истины. Приложим к сему: слово апостольское, или новозаветное откровение, составляет содержание учения Церкви, учение Церкви выражено в Катихизисе. Выходит — Катихизис есть проба всех свидетельств духа, которые являются в этом качестве после первообразного нормального свидетельства Духа, исшедшего из уст Апостолов. «Всяк дух», согласно с ними говорящий, «от Бога есть», а «всяк дух», несогласно с ними говорящий, «от Бога несть, и сей есть антихристов» ([1Ин. 4:2—3](#)).

После сказанного мною естественно выразить недоумение, что разумеет о. N под свидетельством духа. Догадываюсь, что он разумеет под этим свидетельство внутреннее или

внешнее, ему бывшее, которое он считает происходящим от Духа Божия.

Всякий христианин получает благодать и дар Святого Духа. Или «не весте, — говорит Апостол, — что храм Божий есте и Дух Божий живет в вас» ([1Кор. 3:16](#)). Потому ни одному христианину нельзя отказать в возможности проявлений в нем особых действий Духа Божия. Возможны ли они и в о. N?

Но если было ему действительно какое свидетельство Духа, то, следуя показанным пред сим апостольским опытам, ему следует подвергнуть его пробе, истинно ли свидетельство это есть свидетельство Духа истины, а не обольщение «духа лестча»? ([1Ин. 4:6](#)) — Проба, как те же примеры показали, апостольское слово, Церкви преданное и ею хранимое, которое и всем предлагает она в учении своем. А сокращенное учение — Катихизис... Вот и опять к тому же приходим: пусть проверит свои видения — Катихизисом. Дух благодати, осенивший апостолов, был дар, исключительно им одним даваемый. Это Дух собственно апостольский, Дух откровения тайн Божиих относительно домостроительства спасения нашего. После Апостолов дарование Его уже не повторялось. Церкви Божией дарован дух ведения и уразумения тайн, открытых Апостолами. Дар сей всякому христианину дается. Кто сохраняет в себе благодать крещения и миропомазания и, трудясь над собою, очищает себя от страстей, в том, на известной степени сердечной чистоты, открывается действие Духа с дарами Его, в числе коих и дар ведения истин Божиих, — открывается помазание, коим он весть вся, как учит апостол Иоанн. — Но весть вся — не всюду, — ибо то дело Божьего ума, — а вся в кругу истин веры, в домостроительстве спасения.

Познавать истины веры можно и своим умом, особенно теперь, когда они не только содержатся в слове Божиим, но и пространно истолкованы в писаниях отеческих и в богословских системах. Но такое познание самодельное есть только внешнее изучение, похожее на изучение и других наук. В нем принимается только голый эскиз истин в совокупности и каждой истины отдельно. И все это понимается умом и хранится в памяти, в голове. В своей мере прилагается к сему и убеждение сердечное. Но настоящее познание всего дается только Духом. «Господа Иисуса нареци никто не может как следует, только Духом Святым» ([1Кор. 12:3](#)). то есть постигнуть как следует тайну домостроительства спасения — ив целом, и в частях. Сердце, преданное Господу и очищенное для Духа Божия, становится хартиєю, на коей Он пишет тайны Боговедения. И тогда тот, кто сего удостаивается, получает настоящее ведение истин. Но сие ведение от Духа не новое что дает, не новые тайны открывает, а те же, открытые уже, дает разуметь и ощутить во всей их силе. При сем то же происходит, что бывает с тем, кто, прочитав описание, например Иерусалима, и достаточно усвоив себе описанное, видит потом самым делом Иерусалим. То же видит он и на тех же местах, как прежде воображал, но только в другой силе. Точь-в-точь то же бывает и с тем, кому, после умового изучения истин веры, потом Дух Божий те же истины печатлеет в сердце, за труд над чистотою сердца и верностью заповедям Божиим. Все те же истины, только другая сила в них. И наоборот, хоть другая сила, но все это не новых тайн откровение, а постижение яснейшее и живейшее тех же истин... При сем, как бы кто ни был чист, как бы кто ни был приосеняем действием благодати, никогда не открываются ему истины новые, а все те же, или в том же кругу большие подробности. Из этого само собою выходит, что помазание от Святого, которое бывает даром некоторых избранных, никогда не может сообщать им того, что было бы противно истинам, открытым апостольским словом, Церковию содержимым и свидетельствуемым. Опять прихожу к тому же, что никакое истинное вещание и свидетельство Духа не может быть противно Катихизису, как выражению учения Церкви, хранительницы истин откровенных.

Что же это за свидетельство духа у о. N., ради которого он упорно идет против учения Церкви?

В истории Церкви встречаются еретики, которые грезили Духом и учением от Духа. Их два рода: одни утверждали, что истинное понимание Божественного откровения дается только Духом... и то только истинным надо признавать, что сей Дух внушает об истине слова Божия. Другие учили, что внешнего откровения совсем не нужно; Дух благодатный всех учит, и чему Он учит, то и истинно. Когда имеешь Духа, внешнее слово хоть не будь. В нем нет нужды.

Частичка таких воззрений была у евхитов V века; потом у богомилов. Но в новое время они полнее выразились у анабаптистов, квакеров, иллюминатов и в других мистических сектах, на западе расплодившихся. У нас они нашли себе место у духоборцев и в несколько более скромном виде у молокан. — Все это заблуждающиеся и Церковию отверженные... Ибо бесконтрольное их учение, будто по свидетельству Духа... преисполнено произвола и оттого не имеет одной нормы. Что ни лицо, то новое воззрение на что-либо.

Очень нежелательно, чтобы о. N принадлежал к этому разряду отверженных Церковию — будто духоносцев, — явно состоящих в прелести и служащих посмешищем для бесов, врагов всякой истины.

До каких уродливостей могут доходить подобные прельщенные, это дает видеть один из состоящих в мое время в суздальской крепости... Он был из Астрахани, кажется, или с Кавказа, и говорил, что на них, то есть тех, коих он коноводил, Дух Святой сходил как на Апостолов, и дух бурный слышали, и комната тряслась. И подобное. Чем враг не морочит бедных... И вот он из кожи лезет, чтобы устоять на своем... что он что-то вроде апостола, предназначенного преобразовать Церковь. — И все подобные прельщенные, все до единого, полны реформаторских стремлений. Посланники Божий... явились! Ложь проповедовать. Ложь не от Бога, а от диавола есть, коему сии несчастные и есть чада, как сказал Господь...

Все сие я прописываю о Духе и проявлениях свидетельств Духа, чтобы о. N. как человек умный, сел и рассудил... и возвратился к истине, а не давал себя в посмешище и игралище врагам всякой истины, которые, под видом каких-то свидетельств Духа, отторгают его от единства исповедания истины, а чрез то и от единения с истинною Церковью и с Господом Спасителем. Ибо, кто не с Церковью, тот и не с Господом. И труды все у того идут хинью (без пользы и толку).

Господь, за души наши крест претерпевый и смерть, да просветит очи ума его и да дарует ему узреть истину!

Основное различие между откровением помыслов старцу и исповедью пред духовником

Милость Божия буди с вами! Ваше смущение и беспокойство относительно исполнения возложенного на вас послушания совершенно законно, потому что и доброе дело можно делать не добре и тем губить и плод его. Успокоить вас может точное определение, что подлежит вашему ведению, особенно же — что окончательно вами решаться должно и что от вас должно переходить к духовнику для исповеди и таинственного разрешения. Кто должен это определить? — ваш настоятель. Вам, старцам, надо сойтись вместе, разъяснить затруднения, встречаемые вами в своей практике, придумать меры к устранению их и затем прийти к настоятелю, доложить ему о всем и просить сделать властные распоряжения относительно всего, или по вашему мнению, или по своему собственному.

После всего вам останется только разумно исполнять поставленное и быть покойну.

Мне же решать что-либо по сему делу совсем не приходится. Ибо очень возможно, что я решу так, старцы — этак, а настоятель — еще иначе. И выйдет пересыпание из пустого в порожнее. А ведь у нас с вами есть на руках дела непустые и непорожние.

Да как же это у вас уместны недоумения?! У вас ведь это святое душеспасительное дело исстари ведется: разумею старчество и откровение. Думаю уже на деле не раз разрешались всевозможные случаи.

Собрать бы эти решения — и вышел бы кодекс старческих решений.

Как этого не сделано, то вам, кроме настоятельского определения круга вашего действия, остается только обращаться к старцам же, в деле состоящим, а не к кому-либо другому, незнакомому с этим делом. Я совсем незнаком с этим делом. Общее рассуждение о сем деле у меня есть. Достаньте изданную афонцами маленькую книжку «Что потребно покаявшемуся и вступившему на путь спасения». Там достаточно определено дело старчества, но только в общих положениях, или в теории... Что же до практики касается, то об этом и слова нет. Потому что, не имевши практики, не следует и братья за изображение дел сей практики.

Об обязанностях старчества я всегда той был мысли, что сюда относится только откровение помыслов и смущений и разрешение их или, лучше, разъяснение, как быть. Коль же скоро из того, что открывает брат старцу, нечто встретится такое, что требует исповеди и таинственного разрешения, то в этом надо отсылать к духовнику. Что именно таковых признавать должно, это решите сами между собою, разумею старцев, и утверждения настоятельского испросите. Что вы не смели отказаться от старчества — это в порядке. Но когда настоятель заметит, что вы негожи и отставит, тогда поклонитесь и отблагодарите.

Говорите: «старцу приходится разрешать наказывать». Мне думается, что старцу не следует ни разрешать, ни наказывать. Его дело рассудить и определить состояние ученика, разъяснить ему, как дошел до худа, и указать способ, как на будущее время избежать этого и как погасить страсть, от которой произошло дело, и помолиться. Старец — советник, а не судья и не каратель. Его дело — пожалеть и воодушевить, предав брата благодати Божией.

«Приходит ученик, кается в нарушении заповеди. Старец наказывает поклонами и прощает». Сознательное нарушение явной заповеди требует исповеди пред духовником и таинственного разрешения. Старец, выслушав ученика, дает ему разъяснение относительно падения и указывает способы, как избегать таких падений... и потом отсылает к духовнику; тот разрешает и налагает епитимию. Старец дает только советы: ты бы поусердней помолился, не дал бы себе поест, как обычно... и от сна уял бы часть некую, и подобное. Слова: «благодатью Своею Бог простит» — имеют смысл благожелательный. Бог да простит тебе, брате, или: Бог

простит, брате! Не унывай — крепись и борись, разрешение же в силе елика разрешите ему не принадлежит. Разрешение старцево не имеет разрешительной силы, свойственной таинственному разрешению. Это принадлежит духовнику.

Старцу принадлежит разрешение грехов простительных, и разрешаются они самым откровением. Как открыт такой грех — так и прощен. У святого Димитрия Ростовского исчислены такие грехи в повседневной исповеди и в молитве на сон грядущим есть немного указаний.

Какую силу имеет старчество? Великую и превеликую, только вся она не юридического свойства, а нравственного: советы, разъяснения, воодушевления, молитвы. Долг старца, чтобы всякий ученик отходил от него как обмытый, как бы искупавшись.

В случае перемены старца все от прежнего старца советованное должно быть оставлено. Ученичество снова начинается для ученика.

Больше сего не имею что сказать. Главное — соберитесь и все определите, и бойтесь зайти в область духовническую.

Благослови вас Господи! Ваш доброхот Е. Феофан.

Примечания

Святого Григория Паламы.

Преподобного Исихия, пресвитера Иерусалимского. О трезвении и молитве.

Аввы Евагрия. Главы о деятельной жизни.

Каллиста и Игнатия Ксанфопулов. Наставление безмолвствующим.

Преподобного Филофея Синайского. 40 глав о трезвении.

Быть увлекаемыми.

Онгия – мера веса, равная 112-я фунта или 8 золотников, т.е. 34 гр., три онгии – около 100 гр.

Амальгама из золота и серебра.

то есть похотями и грехами